

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ
И СОВРЕМЕННЫЙ
МИР

RUSSIA AND
THE CONTEMPORARY
WORLD

1(82)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

Социальное партнерство в России
Social Partnership in Russia

Эффективность государственного управления в России
Efficiency of Government in Russia

Социальное неравенство в мире
Social Inequality in the World

Кто выиграл от «арабской весны»?
Who won in the «Arab Spring»?

Пространственная организация общества
Spatial Organization of Society

**Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год**

**МОСКВА
2014**

УДК 009

ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)

Р 75

**ИНИОН РАН
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН**

Редакционная коллегия:

Ю.И. Игрицкий – кандидат исторических наук, член-корреспондент МАИ, главный редактор, *Л.Н. Верченков* – кандидат философских наук, *В.И. Герасимов* – кандидат филологических наук, член-корреспондент МАИ, зам. главного редактора, *И.И. Глебова* – доктор политических наук, *Е.Б. Калоева* – кандидат исторических наук, зам. главного редактора, *А.Д. Некипелов* – доктор экономических наук, академик РАН, *Б.С. Орлов* – доктор исторических наук, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, *Ю.С. Пивоваров* – доктор политических наук, академик РАН, *Л.В. Скворцов* – доктор философских наук, профессор, академик МАИ, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, *Л.Н. Шанишева* – кандидат философских наук, *В.М. Шевырин* – кандидат исторических наук, зам. главного редактора.

Ответственный секретарь *А.А. Халатов*

Редактор-консультант *И.Л. Бельный*

Старший редактор *Д.А. Семенова*

Художник обложки *Г.И. Козубов*

Россия и современный мир = Russia and the contemporary world: Научный журнал / РАН. ИНИОН, Институт экономики; Редкол.: Ю.И. Игрицкий (гл. ред.) и др. – М., 2014. – ISSN 1726–5223. – № 1 (82). – 267 с.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)

УДК 009

ISSN 1726–5223

© ИНИОН РАН, 2014

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

**РОССИЯ ВЧЕРА
СЕГОДНЯ. ЗАВТРА**

*Э. Н. Соболев
Социальное партнерство
в России: Эффективность
и перспективы*

6

*М. В. Глигич-Золотарева
Аудит эффективности
как фактор государственного
управления*

21

*Д. В. Ефременко
Российская внешняя политика
и экспертно-аналитические
организации*

37

**РОССИЯ И МИР
В XXI ВЕКЕ**

*Т. В. Черноморова
Неравенство в доходах
в эпоху глобализации*

55

*А. В. Кива
Арабский узел:
Кто выиграл, кто проиграл
от «арабской весны»*

76

*А. В. Михалев
«Мягкая сила» современной
Монголии и приграничные
регионы России*

93

СТРАНЫ СНГ СЕГОДНЯ

*Л. Б. Вардомский,
А. Г. Пылин
Структурно-экономические
изменения в странах СНГ*

**RUSSIA YESTERDAY.
TODAY. TOMORROW**

*E. N. Sobolev
Social Partnership
in Russia: Efficiency
and Prospects*

*M. V. Gligich-Zolotareva
Audit of Efficiency
as a Factor of State
Government*

*D. V. Yefremenko
Russian Foreign Policy
and Expert Analysis
Institutions*

**RUSSIA AND THE WORLD
IN THE 21ST CENTURY**

*T. V. Chernomorova
Income Inequality
in the Globalization Epoch*

*A. V. Kiva
The Arab Knot:
Who Won, Who Lost
in the «Arab Spring»*

*A. V. Mikhalev
«Soft Power» of Today's
Mongolia and the Border Regions
of Russia*

CIS COUNTRIES TODAY

*L. B. Vardomsky,
A. G. Pylin
Structural Changes
in the CIS National Economies*

в 1991–2012 гг.: Тенденции и перспективы	102	in 1991–2012: Trends and Prospects
И. Я. Левяш Идея «интеграции интегра- ций» и перспективы Украины	116	I. Ya. Levyash The «Integration of Integrations» Idea and Prospects for Ukraine
А. В. Докучаева, В. П. Михайлов, Л. В. Федорченко Российская культура – связующий фактор на пост- советском пространстве	128	A. V. Dokuchaeva V. P. Mikhaylov, L. V. Fedorchenko Russian Culture as a Linking Factor in the Post- Soviet Space
<u>РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ</u>		<u>REFLECTIONS, COMMUNICATIONS, COMMENTS</u>
В. А. Ковалёв Наше непредсказуемое прошлое: Попасть в альтернативу	141	V. A. Kovalev Our Unpredictable Past: To Get in the Alternative
В. В. Пацiorковский Человек и инновационно- технологическое развитие: От территориальной к пространственной организации общества	162	V. V. Patsiorkovsky Man and Innovative Technological Development: From Territorial to Spatial Social Organization
Е. В. Реутов, М. Н. Реутова Социальное доверие в российском обществе: Тенденции и противоречия	173	Ye. V. Reutov, M. N. Reutova Social Trust in the Russian Society: Tendencies and Contradictions
<u>КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ</u>		<u>CLASSICAL HERITAGE AND THE PRESENT</u>
П. Б. Струве Никита Муравьев и Павел Пестель. «Российская» (импер- ская) и «русская» (националь- но-централистская) идеи в политических проектах декабристов	182	P. B. Struve Nikita Muravyov and Pavel Pestel. «Russian» (Imperial) and «Russian» (National Centralist) Ideas in the Political Projects of the Decembrists

<i>Перечитывая Струве. Империя и современное государство (заочный «круглый стол»)</i>	189	<i>Revisiting Struve. The Empire and the Modern State (extra mural round table)</i>

ФАКТЫ. СОБЫТИЯ. ЛЮДИ

<i>Л. П. Муромцева Историко-культурные традиции в жизни русской эмиграции</i>	210

FACTS, EVENTS, PEOPLE

<i>L. P. Muromtseva Historical and Cultural Traditions in the Life of Russian Emigrants</i>	

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

<i>И. И. Орлик Журналу «Мир перемен» десять лет</i>	225

SCHOLARLY AND CULTURAL LIFE

<i>I. I. Orlik The «World of Change» Journal: The First Ten Years</i>	

<i>В. П. Видулова Московский «Дом Н.В. Гоголя»: Организация культурно-обра- зовательного пространства</i>	232

<i>V. P. Vikulova The «N.V. Gogol Moscow House»: Arranging Educational and Cultural Environment</i>	

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

<i>Зарубежные экономисты о причинах падения темпов экономического роста в России</i>	238

SURVEYS, DIGESTS

<i>Foreign Economists on the Causes of Economic Growth Slowdown in Russia</i>	

<i>Тахара Фумики Лидер, агент или наблюдатель? Управление и руководство в китайской и русской деревнях</i>	243

<i>Tahara Fumiki Principal, Agent or Bystander? Governance and Leadership in Chinese and Russian Villages</i>	

<i>Фабр Г., Грюмбаш С. «Настоящий большой скачок» в Китае: Политика в области научных исследований и инноваций</i>	249

<i>Fabre G., Grumbach S. Le «vrai Grand Bond en avant»: La politique de recherche et d'innovation en Chine</i>	

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА

256

SUMMARIES

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Э.Н. Соболев

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО В РОССИИ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Соболев Эдуард Неньевич – доктор экономических наук,
ведущий научный сотрудник Института экономики РАН.

Новая ситуация, возникшая в социально-трудовой сфере после развала советской системы хозяйствования, требовала создания адекватных методов регулирования трудовых отношений. В качестве концептуальной основы для регулирования была положена идеология и практика социального партнерства. Становление института социального партнерства в России происходило «сверху» по инициативе государства в условиях жестокого экономического и социального кризиса 1990-х годов. «Введение» социального партнерства имело, прежде всего, политическое значение. Оно было призвано, с одной стороны, затушевать остроту социальных проблем периода «шоковых реформ», а с другой – сделать социально-трудовые отношения более управляемыми, амортизировать возможные конфликтные ситуации [8, с. 208–216].

В первой половине 1990-х годов был принят пакет законов, указов, постановлений, составивший правовую основу социального партнерства. К важнейшим среди них следует отнести законы «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)» от 20 мая 1991 г.¹, «О коллективных договорах и соглашениях» от 11 марта 1992 г.; указы Президента «О социальном партнерстве и разрешении трудовых споров (конфликтов)» от 15 ноября 1991 г., «О создании Российской трехсторонней комиссии по регулированию трудовых отношений» от 24 января 1992 г.; Положение о Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений от 20 февраля 1992 г.

---

1. С принятием этого закона впервые после КЗОТ 1922 г. было признано право работника на забастовку.

Начали организационно оформляться стороны партнерских отношений. Существовавшее в советское время безальтернативное профсоюзное объединение ВЦСПС трансформировалось в Федерацию независимых профсоюзов России (ФНПР), которая в целом сохранила монопольные позиции на представлении интересов работников в переговорах с работодателями и государством. Стали возникать альтернативные профсоюзы и профсоюзные объединения, наиболее известные из которых – Объединение профсоюзов России СОЦПРОФ, Независимый профсоюз горняков, Профсоюз авиадиспетчеров. Еще в конце советской эпохи появилось первое объединение работодателей – РСПП, а в начале 1990-х годов стали формироваться такого рода объединения по отраслевому признаку (судовладельцы, текстильщики, угольщики и т.д.). На всех основных уровнях, начиная от федерального и кончая муниципальным, появились трехсторонние комиссии. Входящие в них представители власти, профсоюзов и бизнеса регулярно, как правило, раз в год – заключают соглашения. На нижних этапах экономики действует система коллективно-договорного регулирования.

Сегодня, по истечении более 20 лет, можно сделать вывод, что созданная система социального партнерства не оправдала возложенные на нее надежды. Партнерство не превратилось не только в основную, но и в сколько-нибудь серьезный регулятор социально-трудовых отношений. На общенациональном уровне Трехсторонняя комиссия лишь формально фиксирует решения, которые, по сути, уже приняты ранее властями. Там же где комиссия проявляет самостоятельность, соглашения носят либо декларативный, либо необязательный характер. Практически отсутствует взаимодействие профсоюзов с законодательными органами власти. Не работает ст. 35.1 Трудового кодекса, которая определяет обязательный порядок направления законопроектов, касающихся регулирования социально-трудовой сферы, на рассмотрение соответствующих трехсторонних комиссий. Незначительную роль играют отраслевые и региональные тарифные соглашения.

Система коллективных договоров на уровне предприятий также имеет отчетливые зоны уязвимости. Во-первых, подавляющая часть коллективных договоров приходится на крупные и средние промышленные предприятия, где, по данным ФНПР, в настоящее время ими охвачено 3/4 занятых. В то же время на малых предприятиях, как правило, принадлежащих «новому» частному сектору, договоры заключаются крайне редко. Согласно обследованию по проблемам трудовых отношений, проведенному Институтом экономики РАН, полностью договор не выполняется почти на половине предприятий. При этом нарушаются чаще всего пункты, связанные с оплатой труда.

Во-вторых, подавляющая часть трудовой сферы остается вне сферы действия коллективных договоров, так как регулируется либо индивидуальными договоренностями, либо неформальными и негласными соглашениями.

Это относится к оплате труда, а еще в большей мере к социальному пакету. Возможность для неформального регулирования зарплаток создается неестественно низкой для нормальной экономики долей постоянной части оплаты (немногим более 40%). Неслучайно профсоюзы выступают за резкое повышение тарифа вплоть до отказа (предложение СОЦПРОФа) от премиальной системы вообще. Практически не встречаются договоры, которые регулировали бы максимально допустимую дифференциацию между наиболее высокооплачиваемыми и наиболее низкооплачиваемыми группами работников. Существенно расширилась практика непубличного распределения социальных льгот. Естественно, вне сферы коллективных соглашений остаются и широко распространенные теневые выплаты. Отсутствуют коллективные договоры, как, впрочем, и профсоюзные организации в строительном бизнесе и торговле. В целом же доля предприятий, на которых заключены коллективные соглашения, составляет 5% от общего числа зарегистрированных юридических лиц.

Эффективность договорной практики осложняется и тем, что возможности администрации, с которыми контактирует профсоюз, ограничены. Она не все может решать. Во-первых, есть еще собственник, во-вторых, многие вопросы, в том числе оплаты труда и занятости, определяются в рамках корпорации в целом, но отнюдь не на конкретном предприятии.

По сравнению с советским периодом объем социальной части договоров (перечень льгот и гарантий) уменьшился более чем в 2 раза [1, с. 117]. В определенной степени это связано со снятием с баланса предприятий социальной сферы (поликлиники, детские сады, санатории, жилой фонд). Установлена прямая корреляция между динамикой социалки – непроизводственными фондами предприятия и размерами социальных обязательств, фиксируемых в договоре. Но основная причина все же в другом – в расширении практики непубличного распределения социальных льгот. Это, в первую очередь, относится к более широким льготам руководящему составу по сравнению с рядовым персоналом (беспроцентные кредиты, машины, оплата дорогостоящего лечения и отдыха); преимущественном предоставлении льгот для наиболее дефицитных и ценных сотрудников; распространении льгот на членов семей (оплата престижного образования детей и т.п.). Информация о зарплате и тех или иных льготах сотрудников носит, как правило, закрытый характер. Руководство следит за тем, чтобы эта информация не распространялась ни среди сотрудников, ни среди посторонних, чтобы не было возможности сравнивать [1, с. 99].

В результате договоры оказывают слабое влияние на сферу трудовых отношений. Данные обследований Института экономики РАН, показывают, что в промышленности они становятся основанием для пересмотра ставок оплаты труда на 22,6% государственных, на 14,3% приватизированных и только на

7,1% новых частных предприятиях. Еще меньшую роль при пересмотре ставок оплаты труда играли отраслевые и региональные тарифные соглашения [2, с. 13–14]. В этом нет ничего удивительного: почти половина работодателей вообще не знают об их существовании, а еще около 20% «слышали, но с содержанием не знакомы». К тому же российское законодательство не предусматривает обязательное выполнение отраслевых тарифных соглашений на всех предприятиях отрасли.

Регулирование трудовых конфликтов. По существу в России так и не сложились действенные механизмы разрешения коллективных трудовых споров. В рамках трудового законодательства установлен весьма высокий разрешительный барьер для забастовок. Проведение забастовки обставляется таким количеством ограничений и формальностей (сложнейшие нормы относительно процедур и сроков, самый длинный в мировой практике перечень видов деятельности, где забастовка запрещена), что выполнить их в реальной жизни весьма затруднительно. При этом в новом трудовом кодексе нормы ужесточились. В результате, по данным судебной статистики, если в 1998 г. в иске о признании забастовок незаконными было отказано в 75% случаев, то в 2005 г. (после принятия нового Трудового кодекса) только в 25%. Жесткое законодательство вынуждает работников либо выходить за рамки правового поля и прибегать к неправовым средствам защиты (стихийные акции протеста, саботаж), либо ограничиваться отстаиванием своих прав в суде в индивидуальном порядке.

В России низкая забастовочная активность. Правда, в начале и середине 90-х годов наблюдалась тенденция роста количества забастовок. В 1997 г., на который в России приходился пик забастовочной активности, в расчете на 1 тыс. занятых по найму терялось 104,5 дней. Но это недовольство было направлено, прежде всего, против центральных властей и лишь в незначительной мере непосредственно против руководства предприятий, т.е. против капитала как такового. Более того, протестные акции зачастую исподволь специально организовывались самой же администрацией с целью, во-первых, выбивания финансовых ресурсов из центра, а во-вторых, формирования «отводного клапана» в случае накопления недовольства деятельностью администрации со стороны трудового коллектива. Имеется достаточно много примеров такого манипулирования рабочим движением в предвыборный период, а также использования «позиции» трудового коллектива при переделе собственности. Прежде всего, на память приходят шахтерские забастовки конца прошлого века.

После 1997 г. уровень забастовочной активности устойчиво снижается. В 1998 г. он составлял 51,7 дней на 1 тыс. занятых, в 2000 г. – четыре дня, а далее упал до статистически малозаметной величины (менее одного дня). Некоторым исключением являлся только 2004 год, когда из-за забастовок было

потеряно 3-4 дня. Только в последние годы наметилась тенденция к незначительному росту. Конечно, оценке уровня забастовочной активности в российской экономике только на основе официальной статистики полностью доверять нельзя: эти данные преуменьшают количество забастовок. Во-первых, не учитываются «дикие», т.е. официально непризнанные забастовки, а во-вторых, не попадают в отчетность демонстрационные забастовки предупредительного характера длительностью менее одного дня. Но в целом порядок цифр и тенденцию они дают правильную. Косвенно это подтверждают и данные судебной статистики о числе забастовок, разбираемых в судах общей юрисдикции с целью признания их незаконными. В 2008 г. суды удовлетворили 28 исков о признании забастовок незаконными (они не учитываются Росстатом), в 2009 г. – 40, в 2010 г. – 34².

Эффективность забастовок новой волны, протекающих на относительно благополучных предприятиях, пока не очень высокая. Тем не менее тенденция наметилась и с ней придется считаться как работодателям, так и государству. Не следует забывать, что за этими забастовками стоят не ФНПР, в целом лояльная власти и работодателям, а гораздо более воинственные альтернативные профсоюзы.

Таким образом, видимость «социального мира», за фасадом которого по существу скрываются потенциальные конфликты, преимущественно достигается за счет подавления или игнорирования требований работников в условиях отсутствия полноценного механизма выявления и согласования интересов внутри предприятия. Такая ситуация имеет следствием уменьшение общего числа открытых конфликтов и соответствующее увеличение числа так называемых подавленных конфликтов, которые существуют в скрытом виде. В результате в России уменьшение забастовок не обязательно свидетельствует об улучшении положения работников.

Но если на практике партнерство мало влияет на социальную ситуацию, то возникает вопрос, кто заинтересован в таком партнерстве? Как ни парадоксально это звучит, заинтересованы все стороны.

Государство. Прежде всего это относится к государству. Всерьез развивать партнерство правящая элита не собиралась. Этот вывод в равной мере относится как к традиционной бюрократической элите, так и к новой рыночной. Хотя интересы старой и новой элит в значительной степени противостоят друг другу в борьбе за власть, но в отношении места и роли социального партнерства, профсоюзов в регулировании трудовых отношений сохраняется общность позиций.

---

2. Данные Судебного департамента при Верховном суде РФ.

Бюрократов созданное «фасадное партнерство» устраивает, поскольку оно прикрывает действующие авторитарные механизмы управления, задающие основные параметры социально-трудовой сферы. Трудовые отношения делались более управляемыми и амортизировались возможные конфликтные ситуации. Вполне устраивает этот механизм и либеральную часть правящей элиты, которая выступает против каких-либо институциональных ограничений свободного рынка. Для либеральной элиты периферийное партнерство – максимум социального содержания в рыночной экономике [5]. Социальная политика в стране разрабатывается вне какого-либо участия тех, кого она непосредственно касается: можно вспомнить монетизацию льгот или реформу ЖКХ.

Предприниматели. Весьма комфортно себя чувствуют в рамках действующей системы социального партнерства и предприниматели, для которых развитие производственной демократии – периферийное направление деятельности. Бизнес, прежде всего крупный, понимает, что стабильность его положения полностью зависит от отношений с властью, но отнюдь не от взаимодействия с профсоюзами, влияние которых весьма незначительно. Образованные в конце 1980-х – начале 1990-х годов объединения работодателей с самого начала были ориентированы на выстраивание «эффективных» партнерских отношений с государством. Проблема же развития партнерских отношений между бизнесом и наемным трудом была отодвинута на второй план вопросами частно-государственного партнерства. Российский союз промышленников и предпринимателей неоднократно обращался к власти с предложением заключить общественный договор между властью и «сословием» предпринимателей, в котором обе стороны должны взять на себя взаимные обязательства. Но призывов со стороны бизнеса заключить социальный контракт с «сословием» наемных работников пока не слышно.

В этой связи стоит уточнить широко распространенное мнение о слабости и «забитости» российского бизнеса. Это верно лишь отчасти для общенационального уровня, поскольку предпринимательские союзы не всегда способны достаточно эффективно отстаивать свои интересы в диалоге с государством. Но в целом и здесь борьба между бизнесом и государством идет с переменным успехом. Примером влиятельности бизнеса может служить жесткое требование одного из руководителей РСПП И. Юргенса к власти пересмотреть российское трудовое законодательство в сторону упрощения процедур найма и увольнения работников, в том числе работников других стран, а также максимального расширения возможностей предприятий по использованию рабочего времени. «В случае если государство откажется от модернизации трудового законодательства, то бизнес вынужден будет заменить формальные институты неформальными правилами и наметившаяся тенденция «обеления» заработной платы и трудовых отношений в целом как минимум

замедлится» [10]. Такое предложение больше похоже на шантаж. Внутри корпораций, непосредственно на предприятиях, ни один из субъектов (даже государство) и *близко не подходит по влиянию к менеджменту*. Решение социально-трудовых проблем на многих предприятиях зависит не столько от активности профсоюзов (профсоюзы в современных условиях играют второстепенную роль), сколько от менеджмента, который вполне самостоятельно выстраивает внутреннюю социальную политику.

Профсоюзы. В рамках формального партнерства весьма уютно чувствует себя профсоюзная бюрократия, которая «на равных» ведет диалог с властью и бизнесом. В реальности же на уровне первичных организаций профсоюзы находятся большей частью под патронатом собственного менеджмента, а на федеральном уровне зависимы от власти. В результате «низы» не очень верят в эффективность профсоюзов, а профсоюзные «верхи» продолжают жить отдельной, всецело их устраивающей жизнью. Как показывает опросная статистика, только 10,6% работников государственных и 14,6% приватизированных предприятий рассматривают профсоюзы как защитников своих интересов, а 59,8% работников (68,6% в частном секторе) чувствуют себя абсолютно незащищенными.

Происходит снижение охвата работников профсоюзами и абсолютное сокращение числа членов. Только за 2006–2010 гг. членство в официальных профсоюзах (ФНПР) упало на 3,6 млн, составив к началу 2011 г. 24,2 млн человек. При этом следует иметь в виду, что и эта цифра представляется завышенной. По нашим оценкам, общая численность профсоюзного членства в ФНПР составляет менее 20 млн человек (из 65 млн занятых по найму). Новые альтернативные профсоюзы существенно отстают от ФНПР и по силе влияния, и по формальному членству. По самым щедрым оценкам независимых источников, их численность составляет около 2 млн членов, хотя эта цифра вызывает сомнения. Важным симптомом кризиса является *фрагментация профсоюзного движения*, его распад на отдельные отряды, мало или только формально связанные друг с другом, что проявляется в отсутствии каких-либо акций солидарности. Растет число так называемых корпоративных профсоюзов, интересы которых замыкаются на делах собственной фирмы. Наконец, профсоюзы *утрачивают монополию* представлять и защищать интересы работников. Такие институты, как суд, органы государственного контроля, заключение индивидуальных договоров, участие персонала в управлении, вторгаются в «святая святых» профсоюзной деятельности – определение уровня оплаты труда и условий занятости и *успешно конкурируют* с профсоюзами.

Кризис профсоюзов не является специфически российским явлением, но в России природа этого кризиса имеет принципиальные особенности. Она связана не столько с переходом к постиндустриальной экономике, сколько с

разрушением сложившейся в рамках государственного социализма системы социальной защиты, где профсоюзам была определена строго определенная роль. Этот институт фактически исполнял функцию *социального патронажа* над работниками: ему было передано право распоряжения значительной части социальных фондов государства и предприятий. В новых условиях эти аспекты деятельности были свернуты, что не могло не вызвать кризиса доверия к профсоюзам.

Прослеживается и другая линия кризиса. Российские профсоюзы так и не превратились в реально независимые структуры западного типа, которые на равных ведут торг с предпринимателями и государством по вопросу улучшения условий занятости. Одна из причин этого – несовпадение интересов профсоюзной верхушки и рядовых членов организации. Профсоюзная бюрократия, прежде всего центральный аппарат ФНПР, в материальном плане только на треть зависит от членских взносов. Остальное – доходы от профсоюзной собственности, перспективы сохранения которой зависят от отношений с властью. Новые – альтернативные – профсоюзы не являются массовыми, а объединяют узкий слой радикально настроенных работников³. Их лидеры отдают приоритет методам силовой борьбы. К тому же независимость новых профсоюзов от государства и ФНПР часто оборачивается серьезным недугом – они легко становятся объектом манипулирования со стороны внешних сил (политических партий, различного рода консультантов, спонсоров).

Работники. Развитие партнерства – это, прежде всего, функция спроса, а не предложения. Сегодня потребность в демократизации не испытывают те, кого оно непосредственно касается – рядовые работники. Это проявляется в том, что профсоюзы рассматриваются самими работниками не как организация борьбы за свои интересы, а как «привычная» распределительная контора. Но даже в тех случаях, когда профсоюз признается не только «конторой» по распределению благ, но и в качестве органа защиты интересов работников перед администрацией, сами работники считают, что профсоюзная деятельность их не касается. Отсюда убеждение, что именно профком виноват в слабости профсоюзов, забывая, что профсоюзы – это не профком, а прежде всего – они сами.

Таким образом, основными причинами низкой эффективности действующих механизмов партнерства являются преимущественное использование властью и бизнесом авторитарных механизмов, задающих основные параметры социально-трудовой сферы; имитационная деятельность профсоюзов по защите интересов работников; безразличие или нежелание основной массы рядовых работников активно участвовать в защите своих интересов.

---

3. Как правило, охват профсоюзным членством на тех предприятиях, где удалось «с нуля» создать альтернативные профсоюзы, составляет не более 1–2% работников, а в наиболее успешных случаях не более 10%.

Есть ли предпосылки партнерства в России? Означает ли констатация факта несбывшихся надежд – признание бесперспективности партнерства в стране? Вопрос в настоящее время дискуссионный. Ряд исследователей выступают резко против внедрения элементов партнерства в нашей стране, считая его чем-то вроде дьявольского изобретения западных радикальных либералов и обвиняя реформаторов в том, что они всю пропагандируют камуфляжное «социальное партнерство» между работодателем и работником» [6, с. 10]. Но рыночные радикалы как раз здесь не при чем. На Западе партнерство – это элемент социально-рыночных концепций, близких к позиции европейской социал-демократии. Данное понятие возникло на Западе как антипод классовой борьбе между трудом и капиталом. Изначально под социальным партнерством понималась такая форма взаимоотношений, которая обеспечивала компромисс, преодоление антагонизма интересов наемных работников и работодателей.

Один из основных аргументов противников развития партнерства в России заключается в отрицании каких-либо его преимуществ на Западе. Но в европейских странах имеется достаточно примеров согласования социально-экономической политики. Так, важнейшим инструментом борьбы с безработицей стал компромисс между правительством, предпринимателями и трудящимися; правительство законодательно закрепляло более узкие рамки рабочей недели, предприниматели активизировали создание рабочих мест, наемный персонал соглашался на некоторое снижение уровня минимальной заработной платы. Европейские страны нашли в соглашениях на общенациональном уровне эффективный способ борьбы с социально неприемлемыми масштабами безработицы. На Западе отчетливо видна *отрицательная динамика числа забастовок*. Если сравнивать 1970-е и нулевые годы текущего столетия по так называемому удельному показателю забастовочной активности (а это лучший показатель, поскольку он учитывает и длительность забастовок), то видим – в 18 развитых странах забастовочная активность упала в 7,5 раз. Тогда на 1 тыс. наемных работников ежегодно приходилось 450 забастовочных дней, а в начале 2000-х годов – всего 60. Из отдельных стран устойчивым социальным миром отличалась Германия. В 2002 г. в результате забастовок было потеряно 9,7 рабочих дней на 1 тыс. наемных работников, тогда как, например, в Великобритании – 53,7, а в Италии – 309,6 [7, с. 44].

К сожалению, большинство из критиков партнерства ставят вопрос преимущественно в идеологической плоскости. Логика здесь незатейлива: исходная ситуация, сложившаяся в результате проводимых реформ (спад экономики, обнищание существенной доли населения, социальный и экономический антагонизм классов и групп населения и др.) не дает никакой возможности для какого-либо сотрудничества труда и капитала. Единственный выход – силовое противостояние труда капиталу, прежде всего посредством

забастовок. Но этой логике с равным успехом вполне может быть противопоставлена противоположная логика: пережитый коллапс создает морально-политический фон, который заставляет искать выход из тупиков социального каннибализма на пути развития социального партнерства, в том числе при помощи мер принудительного характера.

Вообще говоря, спор о необходимости развития партнерства в России не может быть решен аргументами подобного рода, поскольку они носят в значительной мере идеологический и априорный характер. Единственный путь – это отказаться от идеологических и политических штампов, а сосредоточиться на конкретном анализе и делать вывод об экономической целесообразности использования тех или иных форм партнерства в российской практике.

Исследователи трудового права на Западе отмечают, что в странах с развитой рыночной экономикой термин «социальное партнерство» практически не используется. Отсутствует он и в официальных документах МОТ. Ему предпочитают термины «социальный диалог», «дву- или трехсторонние консультации» [3, с. 682–712]. Правда, в последнее время в западных публикациях на тему трудовых отношений наряду с социальным диалогом стал использоваться термин «механизм социального партнерства». Эксперты Международного бюро труда под механизмом социального партнерства понимают следующую совокупность институтов:

- согласование на национальном уровне социально-экономической политики в целом, включая распределение доходов, разработку критериев социальной справедливости и мер по защите интересов заинтересованных сторон;
- коллективно-договорное регулирование условий и оплаты труда;
- участие работников или их представителей на постоянной основе в управлении предприятиями и корпорациями;
- постоянно действующие органы и механизмы согласования интересов социальных партнеров на различных уровнях (например, трехсторонняя комиссия на общенациональном уровне);
- мирные (внесудебные) методы урегулирования возникающих между сторонами разногласий и споров [9, с. 620].

Таким образом, принципиальным противникам партнерства необходимо ответить на вопрос, какие конкретно его механизмы и институты неприемлемы для России. Отказ от партнерства, если он будет реализовываться на практике, будет означать и отказ от коллективно-договорного регулирования, и отказ от отраслевых и региональных тарифных соглашений, и отказ от участия персонала в управлении предприятиями и т.д. Слишком высокая цена за приверженность идеологической чистоте.

Основная нагрузка в развитии партнерских отношений ложится на государственную власть. Именно государство должно обеспечить меры принудительного экономического и организационного характера, которые ограничи-

вали бы силовое противоборство и направляли трудовые отношения в русло социального диалога. Достаточно высокий уровень социально-трудовых гарантий, контролируемых и обеспечиваемых государством, должен поддерживать механизм социального партнерства. Дилемма «либо партнерство, либо государственное регулирование» представляется ложной. Если посмотреть на западные страны непредубежденным взглядом, легко заметить, что в тех странах, где сильное государство (Германия, Франция), и партнерство также наиболее развито. Напротив, в США при слабом партнерстве функции государства по сравнению с Европой существенно ограничены.

Меры по активизации партнерства. Практическим критерием для различения формального и реального партнерства является наличие развитой инфраструктуры социальной защиты, которая включает, по крайней мере, правовую защиту (закон и суд), индивидуальные договоры, коллективно-договорное регулирование. Кроме того, реальное партнерство должно иметь следствием устойчивый рост благосостояния работающих, улучшение условий их труда, снижение до социально-безопасных размеров дифференциации в оплате труда, действительное участие наемного персонала в управлении.

Партнерство не должно развиваться только «снизу» и носить преимущественно стихийный характер, поскольку это может привести (и современный российский опыт показывает, что приводит) к возобладанию эгоистических групповых интересов над национальными. Но также неприемлемо формирование партнерства исключительно сверху вниз: это дает возможность искажать интересы работников в угоду бюрократии даже в большей мере, чем это было в советский период.

Развитие партнерства должно происходить и «сверху» со стороны государства, и «снизу» – со стороны самих работников. Это возможно при условии четкого разграничения полномочий между верхними и нижними этажами в системе коллективных соглашений. Система партнерства должна представлять собой непротиворечивую, взаимоувязанную структуру регулирования производства, в которой на верхней ступени определяются наиболее общие гарантии (например, минимальный уровень заработной платы) и масштабы регулирования (общие направления политики доходов и занятости), а на низшей – нормы и условия труда, гарантируемые более детально и конкретно. При этом решения, принимаемые на более высоких уровнях по вопросам социальной защиты работников, должны носить, как правило, не рекомендательный, а обязательный характер.

Социальное партнерство на общегосударственном уровне должно на практике выполнять, по крайней мере, следующие функции:

- переговоры по определению минимальной заработной платы, а в ряде случаев – выработка критериев для повышения заработной платы на уровне

отрасли или предприятия в рамках общегосударственной политики доходов и занятости;

- примирение и посредничество в ходе общенациональных (или крупных) забастовок и конфликтов;

- совещательная роль при обсуждении общих вопросов экономической и социальной политики.

Согласие по таким вопросам, как защита трудовых доходов от инфляции, решение проблемы невыплат заработной платы, способов и форм предотвращения массовой безработицы, образуют фундаментальную основу для расширения социального партнерства в других областях. Коллективные соглашения на уровне отрасли и региона должны включать лишь предельные значения гарантий условий труда и его оплаты. Но прежде всего они должны содействовать достижению конкретных соглашений на предприятиях.

Поиски путей повышения эффективности партнерства должны идти в направлении *совмещения хозяйственного управления (на всех уровнях) и механизмов социального партнерства*. Необходимо прекратить их параллельное существование. В этой связи весьма перспективным выглядит предложение о включении переговоров между профсоюзами, бизнесом и государством на федеральном уровне в этап подготовки бюджета на следующий год. Реализация этой идеи позволит избежать ситуации, возникшей в конце 2010 г., когда ФНПР отказалась подписывать генеральное соглашение с работодателями и правительством на 2011–2013 гг., если не будут увеличены минимальный размер оплаты труда (МРОТ) и зарплаты бюджетникам. Но беда в том, что это требование не могло быть удовлетворено, поскольку Дума уже одобрила федеральный бюджет на 2011–2013 гг., в котором не предусматривались средства на повышение МРОТ.

Особая роль в системе социального партнерства отводится регионам. Региональные тарифные соглашения, определяющие отраслевые, профессиональные, квалификационные компоненты в тарифной части оплаты труда (если они не будут излишне детализированы) способны обеспечить более обоснованную дифференциацию заработной платы. Здесь главное – обеспечить обязательность их выполнения на всей территории региона, в том числе на предприятиях и организациях, на которых профсоюзы отсутствуют.

При этом задача государства по институциональному обеспечению поиска согласия не заканчивается формальным созданием многоуровневой системы социального партнерства. Российский и зарубежный опыт демонстрирует, что в обществе с разнородными, а порой и противоречивыми групповыми интересами граница между компромиссом и противоборством в различных секторах экономики весьма неустойчива. Поэтому государство должно принять дополнительные экономические и организационные меры для принуждения субъектов социально-трудовых отношений к партнерству.

В настоящее время государственное регулирование отношений работников и работодателей в основном сводится к прямому запрещению или существенному ограничению силового противоборства между трудом и капиталом (запрет на локаут, запрет на забастовки в отраслях и сферах, непосредственно имеющих отношение к безопасности страны и граждан, признание забастовки незаконной). Этот запрет реализуется весьма эффективно. Гораздо меньше внимания уделяется формированию системы принуждения к социальному диалогу, в частности законодательному введению примирительных процедур. Это обязывало бы стороны искать и находить взаимоприемлемые решения, а не консервировать потенциальную конфликтность.

В практическом плане важно создание эффективной и, главное, независимой от обеих сторон системы принудительного арбитража, способной быстро (и что немаловажно – с учетом государственных интересов) привести во вменяемое состояние обе стороны конфликтов⁴. Не должно успокаивать отсутствие в настоящий момент массовых крупномасштабных конфликтов (забастовок и т.д.). Данные опроса ВЦИОМ свидетельствуют, что доля лиц, готовых к тем или иным акциям протеста, весьма высока.

Нужно подчеркнуть, что в данном случае опыт западных стран, где государство мало вмешивается в отношения труда и капитала, в основном наблюдая за диалогом развитых организаций предпринимателей и традиционно не менее сильных профсоюзов, для России малоприменим. Поскольку отсутствуют объективные условия для равенства сторон социально-трудовых отношений, это неравенство необходимо компенсировать третьей независимой стороной отношений – государством. В нашей стране государство должно быть не просто скромным модератором при диалоге, а организатором и активным полноправным участником процесса. В этом смысле трипартизм – взаимодействие государства, бизнеса и работников – наиболее адекватно отражает как раз российскую потребность. Система так называемой тарифной автономии – двусторонних переговоров без вмешательства государства (ФРГ, Скандинавские страны) в России вряд ли возможна в виду слабости профсоюзов.

Профсоюзы: поиски ниши. Положение профсоюзов в социально-экономической системе российского общества двойственное. Они должны быть, с одной стороны, системными, т.е. не направленными на разрушение государст-

---

4. Формирование действенной системы принуждения к партнерству как магистральная стратегия не отменяет задачу либерализации забастовочного законодательства, приведение его в соответствие с общеевропейскими нормами (снижение предзабастовочного организационного периода с 42 до 12 дней). В тех же секторах экономики, где по причине безопасности страны и граждан забастовки запрещены, должна быть предусмотрена специальная процедура донесения точки зрения работников до органов, осуществляющих принудительный арбитраж.

ва, а с другой – независимыми от власти, лоббирующими профессиональные экономические интересы работников. Пока решить эту задачу ни профсоюзам, ни власти не удалось. Сегодня мы имеем дело с крайностями: либо сервильные традиционные профсоюзы, либо политизированные альтернативные.

Жизнеспособность и авторитет новых профсоюзов может гарантироваться только их действительной независимостью. Лишь в этом случае они способны выступать как самостоятельная сила, выражающая интересы работников, а не политические амбиции спонсоров. Политизация массовых протестных акций, подмена конкретных экономических требований партийными лозунгами чревата потерей интереса к деятельности альтернативных профсоюзов со стороны рядовых работников.

Перспективы профсоюзов на российских предприятиях связаны с ответом на ключевой вопрос, должны ли профсоюзы становиться субъектами участия в управлении предприятиями, корпорациями. Мы придерживаемся точки зрения⁵, согласно которой участие профсоюзов в управленческом процессе не должно выходить за рамки, требуемые для осуществления защитных функций. Для этих целей используются коллективные переговоры, а также забастовки и другие методы давления на предпринимателей. Инструментом же соучастия работников в управлении, налаживания сотрудничества с администрацией должны выступать не профсоюзы, а органы представительства коллективов предприятий. Конкретные формы такого соучастия могут быть заимствованы из опыта Германии, где так называемая система участия получила широкое развитие. С этой целью предлагается законодательно закрепить определенный минимум участия персонала в управлении на средних и крупных предприятиях в таких формах как производственный совет, обязательное членство в наблюдательном совете и разного рода комиссиях, расширение полномочий трудового коллектива и т.п.

Специфика современной ситуации в социально-трудовой сфере такова, что фактов, ставящих под сомнение ведущую роль профсоюзов в защите ин-

---

5. Эта позиция в значительной мере основывается на западном опыте, согласно которому взаимоотношения профсоюзов и органов представительства трудовых коллективов, их взаимная связь, сотрудничество и воздействие друг на друга, разделение правомочий и юрисдикции, элементы соперничества представляют серьезные проблемы как политического, так и юридического характера. При решении вопроса о субъектах социального партнерства «преобладающее в западной литературе мнение, в известной мере базирующееся на законодательстве, заключается в том, что профсоюзы осуществляют прежде всего и главным образом защитные функции, используя для этих целей коллективные переговоры, а также стачки и другие методы давления на предпринимателей, а органы представительства коллективов предприятий являются по преимуществу инструментом соучастия работников в управлении, налаживания сотрудничества с администрацией [4, с. 236].

тересов трудящихся, накопилось немало. Однако достаточно убедительной альтернативной концепции (модели) социальной защиты пока не разработано и тем более не апробировано. Реалистический выход из положения – в отборе и систематизации всех тех элементов, которые, так или иначе, работают в различных социально-экономических системах, невзирая на их идеологическую ауру. К таким элементам можно отнести различные формы участия персонала в управлении, в том числе «в порах» корпоративного управления, развитие системы государственного контроля и государственных гарантий, индивидуализация коллективно-договорного регулирования.

Размеры ниши, которую будут занимать профсоюзы, зависят не только от самих профсоюзов, но (как и все в России) от власти. Если совместными усилиями удастся вписать профсоюзы в выстраиваемую сегодня *систему управляемой демократии*, которая в наибольшей мере соответствует российским условиям и традициям, то роль профсоюзов может быть весьма широкая (тем более что есть советский опыт этого рода). Если нет, то профсоюзы будут владеть жалкое существование наподобие различного рода правозащитных организаций. Ответ же на вопрос, удастся ли профсоюзам найти свое место в меняющемся мире или мы присутствуем при окончательном закате профсоюзов, может дать только время.

Литература

1. Бизнес как субъект социальной политики: должник, благодетель, партнер? / Отв. ред. Шишкин С.В. – М., 2005. – 232 с.
2. Капелюшников Р.И. Механизмы формирования заработной платы в российской промышленности. – М., 2003. – 48 с.
3. Киселев И.Я. Сравнительное и международное трудовое право. – М., 1999. – 728 с.
4. Киселев И.Я., Лушников А.М. Трудовое право России и зарубежных стран. Международные нормы труда. – М., 2008. – 608 с.
5. Перегудов С. Треугольник взаимовыгодной имитации // Независимая газета. – 20 марта 2007 г.
6. Проблемы и противоречия воспроизводства в России в контексте мирового экономического развития / Под ред. Черковца В.Н. – М., 2004. – 459 с.
7. Рыночная демократия в действии. Современное политико-экономическое устройство развитых стран / Под ред. В.А. Мау и др. – М., 2005. – 368 с.
8. Соболев Э.Н. Трудовые отношения в свете российских трансформаций (XX – начало XXI в.). – М., 2012. – 260 с.
9. Современная экономика труда / Под ред. В.В. Куликова. – М., 2002. – 660 с.
10. Юргенс И. Выступление на XII Петербургском международном экономическом форуме. – 8 июня 2008 г. http://www.riocenter.ru/ru/events_and_analyst/index.php?id4=544

М.В. Глигич-Золотарева

**АУДИТ ЭФФЕКТИВНОСТИ
КАК ФАКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ**

Глигич-Золотарева Милена Валерьевна – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института экономики РАН.

Тематика аудита (оценки) эффективности стала в настоящее время одной из наиболее актуальных тем на политико-правовом поле. Много говорится об оценке эффективности бюджетных расходов, деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, вузов¹ и НИИ², академий наук, предприятий и бизнес-проектов, министерств, субъектов Федерации³ и пр.

---

1. ВШЭ представила рейтинг качества вузов за 2012 г., позволивших ранжировать более 500 российских государственных вузов на основе среднего проходного балла ЕГЭ, потребовавшегося для поступления на бюджетные отделения. Министр образования и науки РФ Д. Ливанов прокомментировал результаты исследования ВШЭ так: «Вузы, которые не могут предложить абитуриентам интересных и востребованных образовательных программ, должны уходить из образовательного поля» (<http://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai>). Впоследствии, в связи с широким негативным общественным резонансом признания ряда вузов неэффективными, руководство Министерства заявило о необходимости пересмотра методик оценки. Существуют также национальные (<http://unirating.ru/>) и зарубежные рейтинги университетов.

2. Министерство культуры взялось выявить неэффективность подведомственных ему НИИ. В связи с этим состоялось заседание рабочей группы Общественного совета по образованию и науке в сфере культуры. Готовится масштабная реформа НИИ, которая приведет к слиянию пяти институтов, находящихся в ведении Министерства (<http://www.radiovesti.ru/articles/2012-11-21/fm/73920>).

3. По данным Минэкономразвития РФ, экономика Чеченской Республики признана самой эффективной среди субъектов Федерации (<http://www.itar-tass.com/c12/640827.html>). Впоследствии, однако, этот феномен получил вполне рациональное объяснение: Чечня по итогам 2012 г. стала лидером по потреблению газа на душу населения. За 2012 г. каждый житель Республики израсходовал почти 1,7 тыс. м³, что в 3 раза превышает средний показатель по регионам России. При этом недоплата поставщикам газа составила от 1,1 млрд до 1,9 млрд руб. (<http://izvestia.ru/news>).

Результаты такой оценки служат основанием для выводов о ликвидации или продолжении функционирования организаций или учреждений. Все это придает дискуссии об аудите эффективности остроактуальную практическую значимость, тем более что программные заявления руководства страны⁴ ориентируют на то, что повышение эффективности государственного управления – это одна из первоочередных государственных задач.

Нарастает и глобальная значимость проблематики. В сентябре 2013 г. Генеральная Ассамблея ООН совместно с Евросоюзом намерена обсудить влияние международных рейтинговых агентств на мировой экономический кризис. Деятельность ведущих международных рейтинговых агентств, зачастую выносящих свои вердикты вопреки логике, по мнению главы Генеральной Ассамблеи Вука Еремича, ведет к нарастанию кризисных явлений в мировой экономике⁵.

Проблематика аудита эффективности государственного управления активно разрабатывается в России и за рубежом. Среди отечественных авторов, затрагивающих в своих работах вопросы эффективности государственного управления, И.Н. Барциц, Г.В. Атаманчук и др. [см.: 1; 2; 3; 7; 12]. Немало исследований посвящено экономической и финансово-бюджетной эффективности. Однако определить результат госуправления, равно как и оценить приносимый им эффект – задача не из простых. Для этого необходимы специальные критерии, «...поскольку в обществе, среди людей весьма распространенными являются субъективистские («вкусовые») подходы к государственно-управленческим явлениям» [1, с. 480]. Эта проблема является особо сложной.

К настоящему времени выявлено немало таких критериев, но говорить о сложившейся системе оценки эффективности пока не приходится. Большинство методик используется разрозненно, а некоторые находятся либо в стадии апробации, либо продемонстрировали свою несостоятельность. Отметим и отсутствие четких критериев и процедуры оценки эффективности практической деятельности аппарата управления, в том числе потому, что здесь преобладает понимание оценки эффективности только как результативности.

В теории эффективность любой деятельности связывается с достижением желаемых результатов с наименьшими издержками. Но при этом ее понима-

---

4. На встрече Президента РФ В.В. Путина с Р.Г. Абдулатиповым, посвященной основным задачам того на посту и.о. главы Республики Дагестан, глава государства отметил: «Первый этап – это, конечно, формирование дееспособной, ответственной, эффективной команды, которая должна быть сбалансирована по всем составляющим, в том числе и по этнической составляющей» (<http://xn--d1abbgfbaiiy.xn--plai>).

5. <http://www.pravda.ru/economics/market/03-06-2013/1159453-ratings-0>

ние трактуется трояко. Во-первых, как одна из характеристик качества системы, в частности с точки зрения соотношения затрат и результатов функционирования системы. В зависимости от того, какие затраты и особенно – какие результаты принимаются во внимание, можно говорить об экономической, социально-экономической, институциональной, социальной и экологической эффективности. Во-вторых, эффективность – это наивысшая степень достижения цели, реализации потенциальной возможности, выполнения задачи. В-третьих, эффективность является синонимом полезности, т.е. категории, применяемой для характеристики результатов экономических решений или деятельности. Эффективность здесь стоит в одном ряду с такими понятиями, как благополучие, общественная польза. Понятие же полезности может быть выражено в виде функции, с одной стороны, от результатов рассматриваемой деятельности в виде продукции, услуг и любых иных благ или форм удовлетворения потребностей, с другой – от затрат, усилий и т.д. При этом полезность – переменная величина, которая изменяется при колебании потребления и объема ресурсов [см.: 5].

Отметим также, что в качестве одной из главных моделей оценки эффективности государственного управления в научной литературе выделяется триада «ресурсное обеспечение деятельности – затраты – результат» [см.: 11, с. 98–132]. А при оценке результативности взаимодействия ее составляющих обычно используются следующие критерии:

- соотношение между результатами, фактически полученными с помощью имеющихся ресурсов, и максимальными результатами, которые можно было бы получить;
- соотношение положительных результатов (превышение желательных последствий над нежелательными) и допустимых затрат;
- оценка достигнутых результатов по отношению к поставленным целям или задачам [см.: 12, с. 72; 6, с. 253].

Таким образом, в рамках данного подхода к оценке эффективности государственного управления ключевым элементом становится результат: чем выше его степень, тем выше эффективность управления. Но это порождает путаницу в понятиях «эффективность» и «результативность» управления. Результативность определяется значениями выходных показателей объекта управления [9, с. 30], поскольку получается, что совокупность результатов и есть результативность управления, условие его эффективности.

Однако в реальной жизни понятие «эффективность» гораздо шире. Например, производственная (техническая) эффективность определяется степенью соответствия государственных служб потребностям, желаниям и ресурсам их клиентов, т.е. соответствием управленческой организации внешним условиям [13]. Экономическая эффективность определяется как отношение стоимости объемов предоставленных услуг к стоимости привле-

ченных для этого ресурсов, что позволяет оценить целесообразность произведенных расходов. Данный вид эффективности обычно выражается в показателях объема выпуска на единицу затрат.

Поскольку речь идет о госуправлении, следует учитывать еще один важный момент. Современная государственная политика не может не быть социально направленной, поскольку, в отличие от интересов бизнеса, интересы государства сосредоточены не на получении прибыли, а на решении общенациональных задач. Вопрос об измерении эффективности с позиций достижения общенациональных целей, таким образом, связан с обеспечением определенного качества жизни населения. По мнению Дж. Стиглица, несмотря на разнообразие целей, на практике решающим при определении уровня эффективности того или иного метода государственного регулирования остается выбор между эффективностью и справедливостью [цит. по: 4, с. 14]. Значит, критерии социальной эффективности должны «выводить государственное управление на потребности и проблемы общества и характеризовать управленческий уровень их разрешения. Эти критерии включают в себя не только экономические, но и социальные, духовно-идеологические, психологические, политические, исторические, экологические, демографические явления...» [1, с. 483].

Признание справедливости такого подхода к оценке эффективности деятельности государства потребует обобщенного анализа итогов деятельности всей системы государственного управления⁶. Они также предполагают конкретизацию показателей эффективности управления, выступающих в роли критериев оценки соответствия государственного управления интересам общества. И, наконец, нужны ресурсы для удовлетворения реальных общественных интересов.

По общему правилу, чем меньше критериев, тем проще проводить сравнение, т.е. число критериев желательно минимизировать, в идеале – свести к одному. Однако одним критерием удовлетворительно оценить качество рассматриваемого объекта не удастся, приходится вводить дополнительные. Определение критериев в процессе государственного строительства важно еще и тем, что они в дальнейшем подменяют цели всей работы, поскольку оптимизация по критериям обеспечивает максимальное приближение к цели [подробнее см.: 10, с. 138–141]. Для каждого признака вводится как минимум три критерия: один должен характеризовать качественную сторону, другой – ко-

---

6. Подробнее см.: *Эффективность государственного управления: Критерии и показатели (зарубежный опыт). Аналитические обзоры Института научных исследований и информации Российской академии государственной службы при Президенте РФ. № 3(6) / 2009. – М., 2009. – С. 3–5.*

личественную, третий – временную⁷. Основные задачи в сфере государственного управления являются многокритериальными.

Таким образом, в общем виде, критерии эффективности управления – это элементы методики определения качества управления, степени его соответствия потребностям и интересам общества. Данные критерии не являются постоянными, «застывшими», они меняются вместе с изменением стандартов качества жизни, требующих, помимо прочего, и перманентной перенастройки системы показателей эффективности деятельности государства и его органов.

Вызовы, с которыми сталкиваются государства в современном мире, нуждаются в новых, более совершенных методиках оценки качества государственного управления, обеспечивающих получение объективной информации о качестве управления. За рубежом выработано несколько методик решения этой задачи.

1. *Классификатор показателей Всемирного банка*⁸. Он содержит макроэкономические показатели; социальные показатели; показатели эффективности, разработанные в поддержку долгосрочной национальной стратегии или плана развития; показатели эффективности политического управления; показатели качества государственных услуг (основаны на результатах опросов населения)⁹.

2. *Индекс развития человеческого потенциала ООН*¹⁰. В методике используются такие индикаторы, как: качество жизни (долголетие, образование и уровень жизни); характеристики населения (численность и трудовые ресурсы, бедность, распределение доходов и потребления, образование, здравоохранение); показатели окружающей среды (землепользование и сельскохозяйственное производство, водные ресурсы, облесение и заповедные зоны, энергопотребление и выбросы); экономические показатели (динамика экономического роста, структура производства, структура спроса, бюджет центрального правительства, платежный баланс, счета текущих операций и валютные резервы); оценка роли государства (финансирование в частном

---

7. Так, например, при анализе и проектировании технических систем обычно используются критерии финансовые, инвентарные, эксплуатационные, экологичность, эргономичность и др.

8. «Оцениваем качество государственного управления» (*Assessing Governance*) (<http://www.worldbank.org/wbi/governance>) и «Государственное управление: Показатели второго поколения» (*Second Generation Governance indicators // International Review of Administrative Sciences*. 2003. – Vol. 69).

9. См.: На пороге XXI века: Доклад о мировом развитии 1999/2000 года. – М., 2000. – С. 209–255.

10. При его подсчете учитываются три вида показателей: средняя продолжительность жизни; уровень грамотности взрослого населения страны и совокупная доля учащихся; уровень жизни, оцененный через ВВП на душу населения при паритете покупательной способности.

секторе, роль государства в экономике, энергетика и транспорт, связь, информатика, научно-техническое развитие); глобальные связи (международная торговля, финансовая помощь и потоки капитала).

3. *Показатели, полученные в результате Всемирного обследования предприятий.* Эти показатели позволяют получить сравнительную оценку государственной политики, делового климата, качества регулирования, уровня коррупции, качества государственных услуг в контексте взаимодействия между бизнесом и государством¹¹.

4. *Показатели, полученные в результате обследования предприятий в странах с переходной экономикой,* дают возможность сравнить качество управления, деловой климат, конкурентную среду, уровень коррупции в странах с переходной экономикой¹².

5. *Индекс восприятия коррупции* и «барометр мировой коррупции», который составляется организацией «Transparency International». Он отражает результаты опроса общественного мнения, касающегося восприятия и масштаба коррупции. С этой целью используется составной индекс, основанный на данных 17 различных опросов и исследований, проведенных 13 независимыми организациями среди предпринимателей и экспертов, включая опросы жителей данной страны – как ее граждан, так и иностранцев. Он измеряет уровни восприятия коррупции в государственном секторе той или иной страны.

6. *Индекс экономической свободы.* Он разработан фондом «The Heritage Foundation» и газетой «The Wall Street Journal». Степень свободы экономики рассчитывается по среднему арифметическому 10 показателей: свобода бизнеса, торговли, финансового сектора, инвестиций, труда, монетарная и фискальная свободы, гарантии прав собственности, размер бюрократического аппарата и степень защиты от коррупции.

7. *Индекс непрозрачности национальных экономик.* Индекс разработан по заказу компании «PriceWaterhouseCoopers» и определяет непрозрачность как недостаток ясных и четких формализованных и общепризнанных процедур ведения бизнеса. Он учитывает пять показателей, присущих экономике и политике страны и определяющих ее инвестиционный климат и стоимость капитала в ней: правовая защита бизнеса; макроэкономическая политика; корпоративная отчетность; коррупция; государственное регулирование. Данные

---

11. *Всемирное обследование бизнес-среды проводилось в 1999–2000 гг. Всемирным банком совместно с Европейским банком реконструкции и развития, Американским банком развития и Гарвардским университетом. В его рамках были опрошены менеджеры и собственники более 10 тыс. предприятий в 80 странах.*

12. *Обследование проводилось посредством индивидуальных интервью с менеджерами и собственниками предприятий и охватило более 20 тыс. компаний в 28 странах с переходной экономикой.*

по каждой стране формируются на основе опроса минимум 20 финансовых директоров компаний, пяти глав банков, трех аналитиков по акциям и пяти сотрудников компании «PriceWaterhouseCoopers».

8. *Индекс институциональной среды*. Он рассчитан на основе обследований государственных служащих в 15 странах по методологии Всемирного банка. Индекс включает оценки степени доверия к ведомственной политике, доверия к правилам, адекватности и предсказуемости ресурсного обеспечения. Среди показателей эффективности реализации реформы государственного управления анализируются: восприятие населением качества предоставляемых государственных услуг; восприятие престижа государственной службы; соотношение уровней оплаты труда в государственном и частном секторах по ключевым должностям; влияние мер по дерегулированию экономики.

Указанные методики оценки эффективности используются достаточно широко и, что важно для формирования системы аналогичных оценок в России, практикой выявлены их слабые стороны, породившие неоднозначное к ним отношение¹³:

- использование в основном субъективных индикаторов, приводящее к необъективности рейтинговых оценок¹⁴;
- отсутствие ответственности со стороны организаций, разрабатывающих всевозможные рейтинги, а также осуществляющих рейтингование, за объективность предоставляемой информации и, как результат, недостоверность рейтинговых оценок;
- разработка многих методик конкретных стран и их неприменимость к иным условиям;
- ориентация методик в основном на сравнительную, межстрановую оценку и невозможность их использования для отслеживания динамики изменений в конкретном государстве¹⁵.

---

13. Так, публикация рейтинга Всемирного банка за 2007 г. привела к дипломатическим конфликтам. Процентный показатель России по эффективности государственного управления в 2004 г. равнялся 48,1 единицы (из 100 возможных), по качеству государственного регулирования – 30,5 единицы. В официальном сообщении МИД РФ объективность и политическая беспристрастность авторов исследования были поставлены под сомнение.

14. Например, страны с более высоким уровнем экономического развития воспринимаются как страны с более качественными системами государственного управления, а это далеко не всегда так (подробнее об этом см.: Эффективность государственного управления: Критерии и показатели (зарубежный опыт). Аналитические обзоры Института научных исследований и информации Российской академии государственной службы при Президенте РФ. № 3(6) / 2009. – М.: Изд-во РАГС, 2009. – С. 6–7).

15. Там же. – С. 24.

Практику оценки эффективности государственного управления характеризует и ряд дополнительных трудностей, в число которых входит необходимость выработки системы показателей, отражающих степень участия конкретного государства (органа власти) в социально-экономическом развитии. Сюда также следует отнести сложности выбора количественных критериев оценки результативности деятельности государства (государственных органов). В качестве третьей проблемы назовем конкуренцию подходов к пониманию сути эффективности: в определенных ситуациях социальный и экономический подходы к оценке эффективности могут вступать в антагонистическое противоречие, поскольку в их основе лежат фундаментальные различия между общественным и частным интересами¹⁶. Наконец, стоит задача ухода от абстрактной, декларативной и популистской характеристики в методиках формулировки целей и ценностей государственного управления.

Следствием многочисленных проблем и перекосов в глобальных рейтингах стали заявления политиков и экспертов о том, что неосторожные оценки кредитной способности различных организаций, регионов и даже стран, сделанные крупнейшими рейтинговыми агентствами, прямо влияют на усиление мирового финансового кризиса. В Евросоюзе уже прислушались к такой оценке роли ведущих рейтинговых агентств и ужесточили правила использования международных кредитных рейтингов. Европейские финансовые организации теперь обязаны усилить собственные механизмы оценки кредитного риска, дабы не зависеть полностью от мнения сторонних экспертов. Страны БРИКС на мартовском саммите 2013 г. в Дурбане также приняли решение основать собственное рейтинговое агентство, которое давало бы прогнозы, свободные от влияния мнения мировых авторитетов. По словам главы китайского участника альянса агентства Dagong Гуань Цзяньчжуна, миссией новой организации должна стать в том числе помощь в становлении «независимой глобальной рейтинговой регулирующей системы»¹⁷.

Различные методики оценки эффективности государственного управления постепенно внедряются и в России. Так, в 2004 г. Министерство экономического развития и торговли РФ использовало «Интегральные показатели эффективности реформы государственного управления» (подготовлены Все-

---

16. Если основная функция государства лежит в социальной плоскости, то работа бизнес-структур нацелена на получение прибыли. Это означает, что механический перенос в сферу государственного управления стандартов бизнеса недопустим; деятельность государства должна быть направлена на выполнение социальных функций, обеспечение не только экономического, но культурного и политического развития, соблюдение интересов и социальную поддержку различных слоев населения, удовлетворение разнообразных (не только потребительских) интересов граждан (подробнее см.: 3, с. 26–27).

17. <http://www.pravda.ru/economics/market/03-06-2013/1159453-ratings-0>

мирным банком). Данные показатели содержали комбинацию ответов на вопросы о качестве государственного управления и строились на основе нескольких сотен переменных, взятых из 25 источников по 18 организациям. Интегральные показатели состояли из шести индексов, отражающих шесть параметров государственного управления: право голоса и подотчетность; политическая стабильность и отсутствие насилия; эффективность правительства; качество законодательства; верховенство закона; контроль коррупции.

Более глубокая имплементация в отечественное государственное управление характерна для методик БОР (бюджетирования, ориентированного на результат)¹⁸, предусмотренных Концепцией реформирования бюджетного процесса в Российской Федерации 2004–2006 гг.¹⁹. В рамках БОР создан механизм подготовки докладов о результатах и основных направлениях деятельности исполнительных органов власти (далее – ДРОНД)²⁰.

Одной из первых попыток конкретизировать перечень целей государственного управления, не сводя его исключительно к экономическим показателям, стал Сводный доклад о результатах и основных направлениях деятельности Правительства РФ на 2005–2007 гг.²¹. Доклад уточнял цели Правительства, определял меры по их реализации, а также описывал риски. При подготовке доклада было сформулировано 114 целей Правительства, каждая из которых складывалась из значительного количества действий ве-

---

18. Методики БОР – это способ формирования и исполнения бюджета, а также бюджетного контроля на основе оценки взаимосвязи между бюджетными расходами и достигнутыми результатами. Методики подразумевают: формирование бюджета по целям и планируемым результатам; определение общей суммы ассигнований на определенные функции и программы, без детальной росписи; установление долгосрочных переходящих лимитов ассигнований; приоритет за внутренним контролем; мониторинг и последующий внешний аудит финансов и результатов работы; оценку деятельности по достигнутым результатам (см. подробнее: Жигалов Д.В., Перцов Л.В., Чалая Ю.Ю. Использование инструментов бюджетирования, ориентированного на результат, в практике муниципального управления. – М.: Фонд «Институт экономики города», 2009. – С. 3).

19. Утверждена Постановлением Правительства РФ от 22 мая 2004 г. № 249 «О мерах по повышению результативности бюджетных расходов».

20. Ключевые нормативные правовые акты, регламентирующие внедрение методик управления по результатам: Постановление Правительства РФ от 22 мая 2004 г. № 249 «О мерах по повышению результативности бюджетных расходов»; Положение о «Докладах о результатах» основных направлений деятельности «субъектов бюджетного планирования»; Постановление Правительства РФ от 19 апреля 2005 г. «Об утверждении положения о разработке, утверждении и реализации ведомственных целевых программ» и др.

21. Предварительный вариант данного перечня целей был сформулирован в «Методических рекомендациях по подготовке Докладов о результатах и основных направлениях деятельности субъектов бюджетного планирования на 2005–2007 гг.».

домств, измеряемых посредством показателей. В процессе анализа результатов деятельности Правительства выявился ряд методологических трудностей:

1) расхождения в значениях показателей, представленных в докладах, и официальных статистических данных, подготовленных Росстатом России; по ряду показателей данных вообще не было;

2) субъекты бюджетного планирования зачастую меняли формулировки целей и задач, произвольно исключая из мониторинга одни показатели и включая другие;

3) отсутствовали общепринятые подходы к обоснованию целевых значений показателей для планового периода и целевых значений для среднесрочной перспективы;

4) система стратегических целей развития страны была сформулирована абстрактно, не все цели можно было количественно обосновать; существовали цели, не имеющие четко выраженных показателей уровня их достижения;

5) отсутствие согласованной системы показателей, целей и задач субъектов бюджетного планирования и целей Правительства РФ; некоторые из них характеризовали получение результатов, лишь в незначительной степени зависящие от деятельности Правительства и субъектов бюджетного планирования;

6) многие показатели уровня достижения целей субъектов бюджетного планирования не отвечали требованиям адекватности, точности, объективности, достоверности, однозначности, сопоставимости, своевременности и регулярности [подробнее см.: 3, с. 30–32].

Методики БОР довольно давно используются во многих странах (США, Великобритания, Австралия, Швеция, Канада и др.), но прямой связи между ними и темпами социально-экономического развития не выявлено. Эти методики могут как улучшить финансирование бюджетных учреждений, так и способствовать ликвидации последних. Их, например, не применяют, когда хотят «подстегнуть» развитие территорий, они предназначены для воздействия на субъекты «властеотношений», а не на их объект – социально-экономическую сферу. И уж совсем контрпродуктивно закладывать методики БОР в основу крупномасштабных социально-экономических преобразований. Но несмотря на это, методика БОР активно использовалась в России при реформе бюджетных учреждений²². Возможно, по этой причине результаты ее внедрения в отечественном государственном строительстве весьма спорны.

В стране также предпринимаются попытки создания системы оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Феде-

---

22. См.: *Федеральный закон № 83-ФЗ от 8 мая 2010 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений»*.

рации и муниципальных образований. Данная практика введена указами Президента РФ, в частности Указом № 825 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации»²³. Указом был утвержден Перечень показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Он предусматривает 48 (впоследствии – в несколько раз больше) показателей, относящихся к финансово-экономическому состоянию региона, доходам и занятости населения, здравоохранению, образованию, социальному обеспечению, культуре и спорту, ЖКХ и пр. Эти показатели (на основе представленных ежегодно докладов из субъектов Федерации) и стали критериями, по которым проводилась оценка вклада органов власти региона в его развитие.

Однако и для данного подхода характерны недостатки, повлекшие за собой низкую степень эффективности его практической реализации. Так, перечень не содержал конкретных показателей, выявление которых в субъектах Федерации повлекло бы санкции, либо ощутимые меры поощрения их руководства. Обусловлено это было объективными причинами – неравномерным, асимметричным развитием регионов, а значит, невозможностью его оценки по единой шкале. Перечень оказался неполон и несовершенен. Акцент в нем делался на финансово-бюджетные показатели, в то время как многие ключевые данные из сферы социально-экономического развития (социальное обеспечение, ЖКХ, инфраструктура, охрана правопорядка, сельское хозяйство и др.) остались за его рамками. В результате перечень не отразил реальную социально-экономическую ситуацию в регионах²⁴.

Отметим также, что освобождение высших должностных лиц субъектов Федерации от занимаемой должности происходило вследствие потери доверия президента, которое с перечнем никак не корреспондировало. Оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Федерации, таким образом, носила информационно-поощрительный характер²⁵. Содержавшиеся в перечне показатели были результатом работы органов власти всех уровней. Причем федерального даже в большей степени, нежели региональных и местных. В условиях компетенционной неразберихи, эрозии законодательных стандартов, отсутствия нормативно закреплённых социальных стандартов и четких границ ответственности центра, регионов и муни-

---

23. Указ Президента РФ № 825 от 28 июня 2007 г.

24. Данные содержатся на официальном сайте Министерства регионального развития РФ <http://www.minregion.ru/statparams>

25. Параграф «б» ч. 4 Указа предусматривает выделение субъектам РФ грантов для содействия достижению и поощрения наилучших значений показателей с учетом методики оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ.

ципалитетов, необеспеченности регионального и муниципального уровней соответствующей ресурсной базой для осуществления возложенных на них полномочий подобная методика оценки деятельности не могла дать ожидаемых результатов. Многие показатели из перечня собственно критериями не являлись, поскольку не отражали уровень региональной развитости. В перечне отсутствовали и временные критерии. В результате перечень можно было воспринимать как методику сбора статистической информации о регионах (хотя это дублировало работу органов статистики) и как индикатор настроения населения регионов, но не как систему критериев оценки уровня развития субъектов Федерации. Все это в совокупности затрудняло использование перечня для оценки эффективности государственного управления.

Как следствие этого, данный механизм оценки подвергся серьезной коррекции. Указом Президента РФ от 21 августа 2012 г. № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» был утвержден Перечень показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, предусмотревший только 11 критериев²⁶. Немного позже Указом Президента РФ от 10 сентября 2012 г. № 1276 «Об оценке эффективности деятельности руководителей федеральных органов исполнительной власти и высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации по созданию благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности», были утверждены перечни:

- для оценки эффективности деятельности руководителей федеральных органов исполнительной власти по созданию благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности (12 показателей);
- для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) по

---

26. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении; численность населения; объем инвестиций в основной капитал (за исключением бюджетных средств); оборот продукции (услуг), производимой малыми предприятиями, в том числе микропредприятиями, и индивидуальными предпринимателями; объем налоговых и неналоговых доходов консолидированного бюджета субъекта Федерации; уровень безработицы в среднем за год; реальные располагаемые денежные доходы населения; удельный вес введенной общей площади жилых домов по отношению к общей площади жилищного фонда; доля выпускников государственных (муниципальных) общеобразовательных учреждений, не сдавших единый государственный экзамен, в общей численности выпускников государственных (муниципальных) общеобразовательных учреждений; смертность населения (без показателей смертности от внешних причин); оценка населением деятельности органов исполнительной власти субъекта Федерации.

созданию благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности (9 показателей).

Правоприменительная практика скоро покажет, насколько данная методика эффективности лучше предыдущей. Однако первый результат уже имеется: она продемонстрировала, что аудит эффективности – не разовый проект с периодичностью в год, как это предусматривалось предыдущей схемой оценки эффективности деятельности органов власти субъектов Федерации. Проведение этой работы требует формирования ответственного органа, в связи с чем Указом Президента РФ от 11 июля 2012 г. № 945 была создана Комиссия при Президенте РФ по мониторингу достижения целевых показателей социально-экономического развития Российской Федерации, определенных президентом. Это совещательный и консультативный орган, образованный в целях совершенствования деятельности по обеспечению достижения целевых показателей социально-экономического развития страны, определенных главой государства (он является председателем Комиссии). Основные задачи Комиссии включают в себя:

- рассмотрение вопросов, касающихся динамики целевых показателей социально-экономического развития России, определенных президентом РФ, а также способов и этапов их достижения;
- подготовку предложений по совершенствованию государственной экономической, социальной и демографической политики в целях обеспечения достижения целевых показателей социально-экономического развития страны;
- анализ практики реализации в отдельных субъектах Федерации, отраслях экономики, организациях решений по повышению оплаты труда работников бюджетной сферы и переходу на новые механизмы оплаты труда с учетом достижения конкретных показателей качества и количества оказываемых услуг;
- оценку эффективности мер, направленных на решение задач в области социально-экономического развития России, и подготовку предложений по их совершенствованию.

Наличие такого органа тем более необходимо, что современные документы государственного стратегического планирования содержат указания на цели, целевые показатели, порядок сбора информации о них и формы оценки эффективности реализации данных документов. В качестве примера можно рассмотреть аналогичные характеристики государственной программы «Развитие Северо-Кавказского федерального округа» на период до 2025 г.²⁷ Раздел II госпрограммы «Приоритеты государственной политики в сфере

---

27. Утверждено Распоряжением Правительства РФ от 17 декабря 2012 г. № 2408-р.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

реализации государственной программы, цели, задачи и показатели (индикаторы) достижения целей и решения задач, описание основных ожидаемых конечных результатов государственной программы, сроков и этапов реализации государственной программы» содержит подраздел 2.2. «Порядок сбора исходной информации и расчета значений целевых показателей, не включенных в Федеральный план статистических работ»²⁸. Раздел XI программы носит название «Методика оценки эффективности государственной программы»²⁹. Предусматривается также, что до начала очередного года реализации рассматриваемой программы ответственный исполнитель по каждому индикатору программы (подпрограммы) определяет интервалы значений индикатора, при которых реализация государственной программы характеризуется

---

28. Подраздел содержит: целевой показатель (индикатор) «объем инвестиций, включая капитальные вложения, осуществленных резидентами ОЭЗ на территориях ОЭЗ, входящих в туристический кластер»; определение показателя – «инвестиции в основные средства», в том числе направленные на строительство объектов, расположенных на территории курортов туристического кластера, осуществленные резидентами туристического кластера в течение года; единицы наблюдения – тыс. руб.; объекты наблюдения – капитальные вложения (затраты на новое строительство, расширение, реконструкцию и техническое перевооружение действующих предприятий, приобретение машин, оборудования, транспортных средств, инструмента, инвентаря, проектно-изыскательские работы и другие затраты), которые осуществляют резиденты туристического кластера в течение года; алгоритм формирования фактического показателя – сбор данных для расчета показателя производится органами исполнительной власти субъектов РФ.

29. Раздел предусматривает, что эффективность программы оценивается путем сопоставления плановых и фактических значений показателей (индикаторов), объемов расходов с учетом реализовавшихся рисков; результаты оценки эффективности служат для принятия решений ответственным исполнителем программы (подпрограммы) по корректировке перечня и составов мероприятий, графиков реализации, а также объемов бюджетного финансирования в соответствии с законодательством РФ; оценка эффективности реализации программы (подпрограммы) проводится на основе оценки степени достижения индикаторов государственной программы (подпрограммы); оценки степени достижения по целям (задачам) программы (подпрограммы); степени соответствия запланированному уровню затрат и эффективности использования средств федерального бюджета, выделенных на реализацию программы, путем сопоставления фактических и плановых объемов финансирования программы в целом и ее подпрограмм и сопоставления фактических и плановых объемов финансирования подпрограмм из всех источников ресурсного обеспечения в целом (федеральный бюджет, консолидированные бюджеты субъектов Федерации, внебюджетные источники); степени реализации мероприятий программы (достижения ожидаемых непосредственных результатов их реализации) на основе сопоставления ожидаемых и фактически полученных непосредственных результатов реализации основных мероприятий подпрограммы по годам на основе ежегодных планов реализации программы.

высоким, удовлетворительным или неудовлетворительным уровнями эффективности.

Данную методику оценки эффективности мы оцениваем как наиболее совершенную из всех существующих. Осталось выяснить, как она будет работать на практике. Тем более что в Федеральном законе от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации»³⁰ последняя определена как орган, ответственный за оценку эффективности распоряжения федеральными ресурсами, включая стратегический аудит. Так, в п. 9 ст. 13 данного закона оценка эффективности формирования, управления и распоряжения федеральными ресурсами в целях обеспечения безопасности и социально-экономического развития России предусмотрена в качестве одной из функций Счетной палаты. В п. 6 ст. 14 предусмотрено, что аудит эффективности применяется в целях определения эффективности использования федеральных и иных ресурсов, полученных объектами аудита (контроля) для достижения запланированных целей, решения поставленных социально-экономических задач развития России. Согласно п. 7 той же статьи, стратегический аудит применяется для оценки реализуемости рисков и результатов достижения стратегических целей обеспечения безопасности и социально-экономического развития России. При этом оценке подлежат конечные (целевые) и достигнутые (текущие) значения ключевых национальных показателей, отражающие степень и качество реализации социально-экономических эффектов и совокупных эффектов социально-экономического развития России.

Вопросы оценки эффективности деятельности министерств и ведомств затрагивались на совещании Президента РФ 7 июня 2013 г., в ходе которого Правительство представило главе государства планы работы по реализации так называемых «майских» указов президента³¹. Глава государства отметил следующие недостатки представленных ему документов:

- в них «слишком много размытых формулировок, общих фраз. Но пожелания светлого будущего сегодня уже недостаточно... Нужна сугубо конкретная, понятная для граждан картина изменения в той или иной отрасли»;
- «некоторые ведомства живут в своем измерении и только исключительно своими узкими проблемами, а понимание общих стратегических задач, стоящих перед страной, ... ради которых мы и работаем, ... отсутствует»;
- в планах недостает конкретных мероприятий, к которым не относятся отчеты, совещания и заседания рабочих групп;
- в ряде документов поставленные задачи не подкреплены конкретными индикаторами и показателями; «получается, результат работы никто

---

³⁰ СЗ РФ. 8 апреля 2013 г. № 14. Ст. 1649.

³¹ Ряд указов Президента РФ, подписанных в день его вступления в должность 7 мая 2012 г.

объективно в конечном итоге представить не сможет и проверить никто не сможет»;

- «должно быть абсолютно понятно, кто персонально отвечает за достигнутые конкретные результаты либо кто отвечает за срыв работы».

Как следует из этих слов главы государства, работа по аудиту эффективности государственного управления в России только начинается...

Литература

1. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления. Курс лекций. Изд. 2-е, доп. – М.: Омега-Л. 2004.
2. Бажин И.И., Маленькая М.А. Методика оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти Российской Федерации. – Н. Новгород, 2009.
3. Барщиц И.Н. Показатели и критерии эффективности государственного управления. – М.: Изд-во РАГС, 2010.
4. Гайзатуллин Р.Р., Аксенова Н.А. Оценка эффективности системы государственного управления. – С. 14.
5. Лопатников Л.И. Экономико-математический словарь: Словарь современной экономической науки. – М.: Дело, 2003.
6. Саймон Г., Смитбург Д., Томпсон В.А. Менеджмент в организациях. – М., 1995. – С. 253.
7. Смирнов В. Эффективное социально-экономическое развитие региона: Парадигма и концепция // Проблемы теории и практики управления. – 2009. – № 9.
8. Сравнительное государственное управление: Теория, реформы, эффективность. – СПб., 2000. – С. 54.
9. Сухарев О.С. Теория эффективности экономики. – М., 2009. – С. 30.
10. Тарасенко Ф.П. Прикладной системный анализ. – М.: КНОРУС, 2010. – С. 138–141.
11. Шевалье Ж. Государственная служба. – М., 1996. – С. 98–132.
12. Эффективность государственного управления. Пер. с англ. / Под общ. ред. С.А. Батчикова и С.Ю. Глазьева. – М., 1998.
13. Epstein P. Using Performance Measurement in Local Governments. – Denver, 1988.

Д.В. Ефременко

**РОССИЙСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА
И ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ***

Ефременко Дмитрий Валерьевич – доктор политических наук,
заместитель директора ИНИОН РАН.

Бурной зимой 2011–2012 гг., когда российский политический режим проходил очередную фазу самовоспроизводства в условиях всплеска протестной активности городского среднего класса, обнаружилась весьма показательная индифферентность оппозиционных сил к внешнеполитической проблематике. Манипуляции в ходе избирательных кампаний, предполагаемые подтасовки итогов голосования, жесткий контроль над ведущими средствами массовой информации, разгул коррупции, неэффективность управленческой вертикали – эти и множество других тем находились в центре общественного внимания. Однако внешняя политика и международный статус России детально практически не обсуждались. Еще до рокировки между Дмитрием Медведевым и Владимиром Путиным, объявленной 24 сентября 2011 г. на съезде «Единой России», дело в основном ограничивалось довольно поверхностными рассуждениями о том, кто из участников кремлевского тандема был бы для Запада предпочтительным партнером. Но и позднее реакция общественного мнения на внешнеполитические высказывания Владимира Путина в период предвыборной кампании была довольно вялой; что касается оппозиционеров, то никто из них даже не пытался предложить какие-либо программные установки в этой области хотя бы в порядке реакции на статью кандидата в президенты, опубликованную в «Московских новостях» [13].

---

* Статья отражает результаты исследования, проводимого при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 13-03-00553.

Автор выражает признательность председателю Президиума Совета по внешней и оборонной политике, главному редактору журнала «Россия в глобальной политике» Ф.А. Лукьянову за содействие в подготовке настоящей статьи.

То обстоятельство, что внешняя политика перестала быть темой, обсуждение которой провоцирует глубокую поляризацию мнений в обществе, можно считать существенным достижением российского руководства. При этом, разумеется, нет оснований говорить об отсутствии противоречий по вопросам внешней политики между сторонниками и противниками Владимира Путина. Скорее, нежелание оппозиционеров всерьез втягиваться в дискуссию по внешнеполитической проблематике связано с тем, что возможная альтернативная платформа пока не выглядит достаточно реалистичной с точки зрения мобилизации электората и политических активистов. По сути дела, даже в момент наибольшего подъема протестных выступлений оппозиция не оспаривала монополию Путина на определение российской внешнеполитической повестки. Сегодня, спустя без малого два года, ситуация практически не изменилась.

Следует ли из этого сделать вывод, что проблемы выбора внешнеполитического курса в обозримом будущем останутся на периферии общественного внимания? Может ли в ближайшее время сформироваться спрос на новые идеи и подходы в области международных отношений? И не получится ли так, что уделом экспертов и аналитиков останется лишь комментирование решений, принимаемых за кремлевской стеной? Вклад в поиск ответов на эти вопросы призвана внести настоящая статья.

Изменение социального ландшафта и эмансипация групп интересов

Устойчивость и востребованность внешнеполитических идей напрямую определяются интересами влиятельных групп во власти, бизнесе и обществе, и артикуляцией этих интересов в публичном пространстве. В постсоветскую эпоху появились принципиально новые группы интересов, которые на протяжении 1990-х годов вполне успешно осваивали публичное пространство, начиная с массмедиа. Воссоздание вертикали власти не означало устранения групп интересов – напротив, происходила их дальнейшая консолидация. Однако формы артикуляции и механизмы согласования различных интересов и разрешения конфликтов существенно изменились, будучи в период путинского президентства тесно привязанными к власти. Пожалуй, наилучшим образом специфику этой ситуации описывает предложенная Ю.С. Пивоваровым метафора «властной плазмы», способной объединять даже несоперничающие друг с другом кластеры российской элиты на основе специфического регулирования отношений «власть–собственность». Именно в этой аморфной субстанции разрешаются и возникают вновь конфликты между основными группами интересов [12, с. 162–167]. «Властная плазма» служит питательной средой для дальнейшего структурирования и дифференциации групп интере-

сов, часть из которых имеет уже вполне определенные геоэкономические и геополитические предпочтения (постсоветское пространство, Европейский союз, США, Китай и страны АТР). Проблема заключается в артикуляции этих предпочтений.

Протестные выступления зимы 2011–2012 гг., их спад и последовавшая затем перегруппировка сил правящей корпорации свидетельствуют о том, что «властная плазма» как механизм политико-экономического управления и «разруливания» конфликтов перестает устраивать многие влиятельные силы, равно как и массовые группы, на которые эти силы хотели бы или могли бы опереться. Разрешение политического кризиса, сопровождавшего президентскую избирательную кампанию, на основе проведения политической реформы и постепенного демонтажа вертикали власти могло бы создать благоприятные условия для эмансипации основных групп интересов, их перехода из состояния «властной плазмы» к полноценному существованию в публичном политическом пространстве. Однако фактическое развитие внутривнутриполитических процессов после начала третьего президентского срока В.В. Путина представляет собой иной, консервативный тренд, характеризующийся использованием более эффективного политического инструментария для сохранения и укрепления существующего режима.

Следует подчеркнуть, что большее разнообразие политтехнологических инструментов и повышение эффективности методов контроля внутривнутриполитических процессов со стороны власти отражают, главным образом, ситуативные обстоятельства, связанные с недостаточной сплоченностью, идеологической гетерогенностью, узостью социальной базы и дефицитом лидерства оппозиционных сил. Вместе с тем продолжают нарастать фундаментальные макросоциальные изменения, связанные с укреплением российского среднего класса и формированием его идентичности. Первым проявлением этих изменений были демонстрации на Болотной площади и проспекте Сахарова.

По всей видимости, в ближайшие годы российский средний класс, как и другие крупные социальные группы, еще не будет в состоянии сформировать четкий запрос на то или иное направление внешней политики. Скорее, этот запрос останется размытым и внутренне противоречивым, в чем-то отдаленно напоминающим весьма эклектичные внешнеполитические устремления тех широких слоев американского общества, на которые сегодня опираются оппоненты президента Обамы, в том числе пассионарии из «партии чаепития». В Америке, однако, элитарные группы способны гибко реагировать на запросы широких слоев, сопрягать их с интересами бизнеса, военно-промышленного комплекса, различных меньшинств и т.д. Группы российской элиты, погруженные во «властную плазму», варятся в собственном соку, не испытывая (до последнего времени) сильной потребности во взаимодействии с массовыми группами. В конечном счете речь идет о качестве нынешней россий-

ской элиты, о степени ее укорененности в современном российском обществе и об осознании ответственности перед этим обществом.

Российский городской средний класс, или «новые сердитые», как его представителей метко назвал А. Чадаев [16], информационно и технологически уже вполне интегрирован в глобализированный мир, но это не значит, что при жестком критицизме в отношении власти и элиты он заведомо станет генерировать запрос на прозападный внешнеполитический курс. Скорее, это будет установка на то, чтобы отношения России с внешним миром начали реально работать на его, среднего класса, интересы. Не исключено, что в среднесрочной перспективе, например ближе к президентским выборам 2018 г., все же появятся основания говорить о формировании широких коалиций в поддержку стабильности или обновления, коалиций, отражающих и массовые запросы, и интересы тех или иных групп элиты. Их возникновение могло бы стать основой трансформации социально-политического порядка, преодоления нынешней модели «властной плазмы». Одним из многочисленных последствий появления таких коалиций, по всей видимости, станет и «укоренение» в российском публичном пространстве различных школ внешнеполитической мысли.

Российские «фабрики мысли»: Глобальный контекст и национальная специфика

В арсенале инструментов артикуляции интересов влиятельных групп и перевода этих интересов на язык, доступный как общественному мнению, так и лицам, принимающим политические решения, важную роль играют экспертно-аналитические группы и сообщества, образно именуемые «мозговыми центрами» или «фабриками мысли». Согласно определению исследователей из Пенсильванского университета, осуществляющих под руководством Дж. МакГэнна ежегодный мониторинг мировых экспертно-аналитических организаций, мозговыми центрами (think tanks) являются организации, осуществляющие политико-ориентированные исследования, анализ и консультирование, которые дают возможность представителям государственных институтов и общественности принимать обоснованные решения по вопросам, имеющим политическую значимость [17]. Такие центры действуют на постоянной основе, они могут быть аффилированы с государственными или корпоративными структурами либо иметь статус независимых экспертно-аналитических организаций.

В 2012 г. Россия имела 122 мозговых центра (согласно методологии подсчета специалистов из Пенсильванского университета) и, таким образом, за-

нимала по их количеству восьмое место в мире¹. В регионе Восточной Европы Россия является безусловным лидером с точки зрения численности экспертно-аналитических структур; вслед за ней идут Румыния (54), Украина (47), Польша (41) и Венгрия (40). Вместе с тем с учетом таких показателей, как численность населения и размер ВВП, отрыв России не кажется столь впечатляющим. Достаточно сказать, что даже Эстония имеет целых 17 мозговых центров.

Разумеется, количественные показатели указывают на одни тенденции и игнорируют другие. В связи с этим предпринимаются попытки рейтингования экспертно-аналитических организаций. Специалисты из Пенсильванского университета составляют свой рейтинг на основе процедуры, включающей свободное номинирование организаций, ранжирование по 38 категориям на основе опроса экспертов, несколько раундов отбора лидирующих организаций [17, с. 24–27]. Согласно их подсчетам, в число 150 ведущих экспертно-аналитических центров входят всего четыре российские организации: Московский центр Карнеги (29-е место в рейтинге Пенсильванского университета), Институт мировой экономики и международных отношений РАН (34-е место), Совет по внешней и оборонной политике / СВОП (99-е место), Московский государственный университет международных отношений / МГИМО (102-е место). В специализированном рейтинге 70 ведущих экспертно-аналитических центров в области безопасности и международных отношений присутствуют три российские организации: СВОП (23-е место), МГИМО (33-е место) и Институт США и Канады РАН (62-е место).

В деятельности экспертно-аналитических сообществ, специализирующихся на проблемах внешней политики, обороны и безопасности, проявляется ряд характерных особенностей. Основная из них состоит в том, что во всем мире процесс принятия политических решений в областях внешней политики, обороны и безопасности отличается высокой степенью централизации. Влияние существующих групп интересов на выработку решений проявляется по-разному, но принятие самих решений сосредоточено на вершине властной иерархии. Разумеется, применительно к нашей стране необходимо учитывать как эту особенность, так и историческую эволюцию экспертно-аналитической деятельности, исходной моделью которой было характерное для советской эпохи одноканальное взаимодействие между политической инстанцией (заказчиком) и экспертной организацией (исполнителем). В этой модели вплоть до горбачёвской перестройки основными характеристиками

---

1. По данным Дж. МакГэнна и его коллег, в 2012 г. по численности экспертно-аналитических организаций лидировали: США (1823 организации), Китай (429), Великобритания (288), Индия (269), Германия (194), Франция (177), Аргентина (137), Россия (122), Япония (108) и Италия (107) [17, с. 35].

были закрытость и эксклюзивность взаимодействия, зачастую – отсутствие устойчивой обратной связи (как бывало в ряде случаев, когда академические институты отправляли свои аналитические материалы в ЦК КПСС и другие инстанции политического управления). Необходимость придания большей публичности экспертно-аналитической деятельности была осознана во времена М.С. Горбачёва, причем в авангарде этого процесса шли именно эксперты по проблемам внешней политики и международной безопасности. Они выступали в роли пропагандистов и популяризаторов идей перестройки и нового политического мышления, преодоления конфронтации между СССР и Западом, подготовки и реализации программ разоружения на основе серии советско-американских соглашений. Осуществление этих задач давало экспертам-международникам возможность высказываться и по проблемам внутренней политики, расширять «пространство дозволенного» (характерным примером может служить первое после возвращения из горьковской ссылки публичное выступление академика А.Д. Сахарова в феврале 1987 г. на Международном форуме «За безъядерный мир, за выживание человечества»). Вместе с тем активность в публичной сфере по преимуществу оставалась особенностью индивидуального стиля работы отдельных экспертов, близких к М.С. Горбачёву, Э.А. Шеварднадзе, А.Н. Яковлеву и другим «прорабам перестройки».

Институциональные изменения в экспертно-аналитической деятельности, ориентированной на поддержку внешнеполитических решений, начали происходить уже в постсоветскую эпоху. С одной стороны, ликвидация политико-идеологической монополии КПСС создала серьезные проблемы для тех научных организаций, которые привыкли к одноканальной схеме взаимодействия с основным заказчиком. К тому же резкое сокращение бюджетного финансирования научных исследований в период гайдаровских реформ привело к снижению эффективности и сокращению кадрового потенциала академических институтов и государственных аналитических центров, осуществлявших экспертную деятельность. С другой стороны, в 1990-е годы открылись возможности создания новых экспертно-аналитических организаций, функционирующих по стандартам зарубежных мозговых центров, действующих по модели многоканального взаимодействия с политическими инстанциями, влиятельными корпоративными акторами и другими группами интересов, гражданским обществом. Такие организации изначально ориентированы на то, чтобы использовать различные коммуникационные возможности воздействия на общественное мнение и через него оказывать дополнительное воздействие на процесс принятия политических решений.

Совет по внешней и оборонной политике

Ярким примером нового типа экспертно-аналитических организаций, специализирующихся на проблемах безопасности и роли России в системе международных отношений, является Совет по внешней и оборонной политике (СВОП), созданный в 1992 г. Образцом для создания СВОП был Совет по международным отношениям (Council on Foreign Relations / CFR) – один из наиболее авторитетных и влиятельных мозговых центров США. Будучи неправительственной организацией, СВОП стремится к привлечению к своей деятельности влиятельных политических и общественных деятелей, представителей крупного бизнеса, военно-промышленного комплекса, науки и образования. Такая широкая инклюзивная стратегия предполагает, что сама организация выступает в качестве платформы для диалога политиков и экспертов, придерживающихся различных взглядов на ту или иную проблему. В качестве форума, где высказываются различные идеологические позиции и экспертные оценки, СВОП нередко выходит за рамки внешнеполитической и оборонной проблематики, включаясь тем самым в общую дискуссию по животрепещущим проблемам прошлого, настоящего и будущего России². Вместе с тем СВОП является не только коммуникационной площадкой, но и экспертным центром, в деятельности которого чрезвычайно важную роль играет фактор лидерства, обеспечивающий «узнаваемость» этой фабрики мысли как в медийном отношении, так и в плане приверженности определенной политической стратегии. Сохранение индивидуального своеобразия экспертной организации особенно важно в условиях, когда на разных коммуникационных площадках выступает «хор» экспертов примерно с одним и тем же персональным составом, и его пополнение пока происходит довольно медленно.

Деятельность СВОП на протяжении двух десятилетий характеризовалась как подъемами, так и спадами. В отдельные периоды это было связано с вовлеченностью руководства СВОП в процессы, сопряженные со значимыми политическими и кадровыми изменениями. Например, критическая позиция многих экспертов СВОП по отношению к политической линии и дипломатическим методам, практиковавшимся российским МИДом в первой половине 1990-х годов, по всей видимости, способствовала смещению А.В. Козырева и назначению на пост главы внешнеполитического ведомства Е.М. Примакова. В то же время поддержка председателем Президиума СВОП С.А. Карагано-

---

2. Например, осенью 1998 г. СВОП выступил с инициативой ограниченной конституционной реформы, предусматривавшей сокращение властных полномочий Президента РФ и их перераспределение в пользу Правительства и Федерального Собрания [см.: 6].

вым Е.М. Примакова в 1999 г., очевидно, не слишком благоприятствовала безоблачному развитию отношений этого экспертного центра с кремлевским руководством (как до отставки Б.Н. Ельцина с поста Президента РФ, так и в начале путинского правления).

Пожалуй, одной из самых ярких страниц истории СВОП стала разработка концепции военной реформы. СВОП, наряду с другими экспертно-аналитическими центрами, в 1990-е и в начале 2000-х годов принимал активное участие в обсуждении основных принципов военных преобразований. В результате в обществе сформировалось понимание необходимости таких преобразований, тогда как Министерство обороны и Генштаб ограничивались лишь косметическими изменениями. Даже детальная программа реформы, разработанная СВОП в 2003 г., оставалась втуне вплоть до того момента, когда недостаточная эффективность действий военных во время «пятидневной войны» с Грузией в августе 2008 г. не подтолкнула российское руководство к запуску изрядно запоздавших преобразований. Виталий Шлыков (1934–2011), полковник ГРУ в отставке, вошедший в состав Общественного совета при Министерстве обороны во времена Анатолия Сердюкова, вспоминал:

«В 2003 г. СВОП подготовил и направил в Генштаб большой доклад с предложениями по модернизации российских Вооруженных сил. Руководить авторским коллективом (в него вошли А.Г. Арбатов и В.З. Дворкин) было поручено мне. В докладе мы предложили, в частности, сократить численность офицеров до уровня, принятого в современных армиях мира, упразднить институт прапорщиков, создав взамен корпус кадровых сержантов, учредить военную полицию, создать объединенные командования, перейти к территориальному принципу комплектования армии рядовым составом, переподчинить ГРУ министру обороны и, главное, сосредоточить всю власть в руках сильного гражданского Министерства обороны, ограничив полномочия Генштаба функциями планирования, аналитики и доведения до войск указаний министра. 8 раз доклад возвращался из Генштаба с самыми оскорбительными замечаниями в наш адрес – авторы идут на поводу у НАТО, пытаются пристегнуть нашу военную мысль к западным взглядам и даже занимаются провокациями. Тем не менее мы его опубликовали. Его и сейчас можно найти на сайте СВОП. Думаю, он так и остался бы проигнорированным Генштабом, если бы не пришел новый министр обороны – А.Э. Сердюков. Полноценный, наконец, гражданский министр обороны, сумевший найти и назначить на должность начальника Генштаба и другие высокие посты людей, осознавших необходимость реформ и изучения чужого опыта. И практически в одночасье предложения СВОП стали основой строительства нового облика Вооруженных сил РФ. Но Сердюков не ограничился принятием наших продиктованных здравым смыслом и мировым опытом предложений. Он пошел дальше, решительно упразднив предназначенные для мобилизационного развертывания

части и соединения неполного состава и резерва. И я был первый, кто сказал, что это самая большая военная реформа за последние 150 лет со времен реформ военного министра Милютина во второй половине XIX в.» [10, с. 132].

Спустя более года после скандальной отставки Анатолия Сердюкова и начала следственных действий по фактам коррупции в военном ведомстве, реформа Вооруженных сил выглядит в значительной степени дискредитированной. Однако реальные действия нового министра обороны Сергея Шойгу говорят о пересмотре наиболее непопулярных и одиозных мер Сердюкова, но не об отказе от фундаментальных решений в области военного строительства, принятых под его руководством. Роль Совета по внешней и оборонной политике в данной ситуации соответствовала модели многоканального воздействия экспертного сообщества на центр принятия политических решений. Возможность запуска новых идей в публичное пространство и их широкое обсуждение в конечном счете имели не меньшее значение, чем непосредственное предложение экспертно-аналитического продукта основному потребителю.

В случае СВОП ориентация на высокую степень публичности экспертно-аналитической деятельности и стремление играть активную роль в том, что можно назвать «производством смыслов», проявляются в поиске новых возможностей воздействия как на общественное мнение в России и за ее пределами, так и на людей, вовлеченных в процесс принятия политических решений. В 2002 г. С.А. Караганов выступил инициатором создания журнала «Россия в глобальной политике», рассматривая при этом в качестве достойного подражания примера журнал «Foreign Affairs», издаваемый американским Советом по международным отношениям. «России в глобальной политике» к настоящему времени во многом удалось занять нишу, сходную с той, которую среди ведущих американских изданий, специализирующихся на проблемах мировой политики, занимает «Foreign Affairs» (оба журнала находятся в партнерских отношениях). Обеспечивая высокий стандарт качества публикуемых статей и аналитических материалов отечественных экспертов, журнал, имеющий русскоязычную и англоязычную версии, одновременно стал новым каналом обмена идеями и оценками между российским и международным экспертными сообществами.

Еще одним успешным проектом СВОП стало создание в 2004 г. совместного с РИА «Новости» международного дискуссионного клуба «Валдай». С.А. Караганов следующим образом характеризует работу клуба: «Непременным условием, а теперь уже традиционной особенностью этих встреч сразу стало правило приглашать на них выразителей самых разных взглядов и мнений. Для некоторых радикалов это бывает единственной возможностью в мирной атмосфере поспорить с такими неистовыми оппонентами, встречи с которыми на других собраниях невозможно представить и до сих пор.

...А еще – это самая значительная дискуссионная площадка для взаимодействия российского интеллектуального класса с коллегами из-за рубежа. Я считаю эти две функции самыми важными, определяющими смыслы, цели, особенности клуба» [7]. Вместе с тем наряду с возможностями неформального общения и достаточно ярко выраженными элементами перформативности той части работы клуба, которая открыта для СМИ, основным фактором успеха проекта стало эксклюзивное общение ведущих российских и зарубежных политологов с Владимиром Путиным. Основной особенностью такого общения является не столько презентация российскому лидеру новых продуктов экспертно-аналитической деятельности, сколько ознакомление самих экспертов с оценками Владимиром Путиным широкого круга проблем международных отношений и развития страны. Очевидно во многом благодаря устойчивости формата встреч экспертов с Владимиром Путиным клуб «Валдай» сумел доказать свою конкурентоспособность в негласном соперничестве с Ярославским политическим форумом (проводился в 2009, 2010 и 2011 гг.), основным ньюсмейкером которого был Дмитрий Медведев.

Модернизационные миражи (ИНСОР и другие)

Период так называемой тандемократии (2008–2012) был ознаменован ситуативными, но достаточно показательными новшествами в деятельности нескольких ведущих экспертно-аналитических организаций. Видимость альтернативности вариантов развития страны, созданная самой ситуацией соправительства Владимира Путина и Дмитрия Медведева, а затем и «вброс» одним из дуумвиров тезиса о модернизации побудили ряд экспертных центров включиться в борьбу за колонизацию нового пространства политического дискурса. При этом создавалось впечатление, что участники развернувшейся дискуссии о модернизации рассматривают это пространство едва ли не как целину, где можно произвольно пренебрегать как теоретической традицией, так и глобальным контекстом [подробнее см.: 4]. Для части экспертов наиболее важно было дать такое истолкование модернизации, которое бы подкрепляло позиции той или иной стороны в борьбе за изменение / сохранение политической модели «вертикали власти», внешнеполитической ориентации страны и даже за конкретное решение проблемы демонтажа правящего тандема (в рамках тех вариантов, которые считались возможными до объявления 24 сентября 2011 г. Владимира Путина кандидатом от «Единой России» на пост президента РФ).

Иначе говоря, в деятельности экспертно-аналитических сообществ существенно усилилась идеологическая направленность, чему в значительной степени способствовало стремление таких центров как Институт современного

развития (ИНСОР) и Институт общественного проектирования (ИНОП) презентовать свои аналитические продукты с использованием PR-технологий, обеспечивающих максимальный медийный эффект. Как подчеркивает О.Ю. Малинова, экспертные организации тем самым «вольно или невольно становились игроками идейно-символического поля, вовлекаясь в борьбу за доминирование развиваемых ими способов интерпретации социальной реальности» [9, с. 193]. При этом противостояние фабрик мысли явно решало политехнологическую задачу замещения реальной конкуренции политических партий: оппозиция «ИНОП против ИНСОРа» представлялась неким эрзацем двухпартийной системы [см.: 15, с. 13]. Впрочем, экспертам, выходящим на поле публичной политики, далеко не всегда удавалось верно оценить влияние своих предложений на ситуацию в стране.

В ходе конкурентной борьбы за овладение пространством модернизационного дискурса большую популярность приобрел тезис о фактической безальтернативности модернизации либо о заведомой неприемлемости возможных альтернатив. Этот тезис, нуждающийся в тщательном обосновании, во многих текстах, посвященных модернизации, оказывался постулатом. Так, например, в докладе Института современного развития «Обретение будущего. Стратегия 2012» провозглашалось, что «задача приведения к современности» через быстрое, радикальное и системное обновление равнозначна решению вопроса о выживании страны [11, с. 4]. Практически на той же самой посылке «aut – aut, tertium non datur» основывался и доклад «Культурные факторы модернизации», подготовленный для Фонда «Стратегия 2020» рабочей группой под руководством А.А. Аузана: «Или страна совершает прорыв в современную развитую экономику, делает ставку на новые технологии, обновляет всю совокупность социально-экономических отношений, или безнадёжно стагнирует, теряя молодые кадры и растрачивая природные ресурсы» [8, с. 3].

Постулирование безальтернативности модернизации неизбежно предполагает существование нормативного образца, по крайней мере общего стратегического ориентира, в направлении которого должно двигаться модернизирующееся общество. С точки зрения выбора возможных ориентиров дискуссия о модернизации пошла по хорошо знакомым направлениям: социалистическое преобразование общества; преобразования в ходе строительства империи или сверхдержавы; трансформации, связанные с демократическим транзитом и созданием полнокровной рыночной экономики. Иначе говоря, сторонники различных идеологических подходов искали нормативную модель модернизации либо вовне (в прошлом и настоящем), либо на российской почве (только в прошлом). Эти установки имели и внешнеполитическую проекцию, что нашло свое отражение, прежде всего, в докладах и выступлениях представителей Института современного развития.

Особое местоположение ИНСОРа в специфической системе координат периода тандемократии неизменно привлекало общественное внимание к интеллектуальной продукции этой «фабрики мысли». У многих обозревателей наблюдалась странная абберрация слуха: слушали Игоря Юргенса и Евгения Гонтмахера, а слышали, как казалось, Дмитрия Медведева. ИНСОРовская оценка государственного патернализма как преграды модернизационным усилиям демонстрировала стремление ориентированной на третьего президента РФ части российской элиты демонтировать «путинскую вертикаль», а призывы к либерализации политического режима рассматривались с точки зрения «проблемы 2012». Внешнеполитические разделы докладов ИНСОРа выступали логическим продолжением этой линии, причем недостаточная проработанность соответствующих инициатив компенсировалась сенсационностью их подачи. Так, в получившем широкую известность докладе «Россия XXI века: Образ желаемого завтра» (2010) в числе ориентиров, которые могут быть достигнуты в результате осуществления программы модернизации, назывались: вступление России в НАТО; обретение статуса стратегического союзника ЕС с перспективой полноправного членства в этом объединении; стратегическое партнерство с США; обеспеченное за счет заключения прорывных соглашений в области стратегической стабильности; разработки совместных программ противоракетной обороны; достижение баланса интересов на постсоветском пространстве; сотрудничества России и Америки в Азиатско-Тихоокеанском регионе, на Ближнем и Среднем Востоке. На этом радужном фоне весьма невятным оставалось описание самостоятельной роли России на постсоветском пространстве (по мнению авторов доклада, сам этот термин уйдет в прошлое, зато сохранится понятие «ближнее зарубежье»). Предполагалось, что СНГ будет существовать и по завершении российской программы модернизации, но едва ли не единственным его значимым достижением станет создание Зоны свободной торговли. При этом красноречиво замалчивались интеграционные инициативы по развитию ЕврАзЭС и формированию Таможенного союза, которые к началу 2010 г. уже находились в процессе реализации³. Не меньшей неопределенностью характеризовалось и описание перспектив китайско-российских отношений: авторы доклада предполагают некое балансирование в четырехугольнике США – Япония – Россия –

---

3. Эта двусмысленность была отчасти преодолена в опубликованном в 2011 г. докладе ИНСОРа «Обретение будущего. Стратегия 2012», где вопросам межгосударственных отношений на постсоветском пространстве была посвящена значительная часть внешнеполитического раздела, написанного С.А. Куликом и И.Ю. Юргенсом. Характерной особенностью подхода этих авторов к проблематике постсоветского пространства было стремление найти способ гармонизации интересов России в странах СНГ с императивом конструктивного сотрудничества с ЕС.

Китай, а Шанхайскую организацию сотрудничества рассматривают в качестве механизма согласования интересов Москвы и Пекина.

Доклад ИНСОРа «Россия XXI века: Образ желаемого завтра» содержит примечательную характеристику внутри- и внешнеполитических последствий реализации модернизационной программы. Идеальное «постмодернизационное» будущее описывается в докладе так: «Конфронтация и изоляционизм стали недопустимой роскошью, а потребности в обретении новых технологий и развитии внешнеэкономических связей заставили искать новые подходы и компромиссы, заимствовать и переносить на российскую почву практики управления экономикой, социальной сферой и урегулирования конфликтов в обществе. Как поиск ресурсов для модернизации, так и укрепляющееся сотрудничество с развитыми странами сделали одним из приоритетов внешней политики демилитаризацию международных отношений» [14, с. 44–45]. Иначе говоря, модернизация, изначально понимаемая как способ технологического обновления и повышения экономической конкурентоспособности, должна привести к институциональным изменениям и изменению внешнеполитических приоритетов.

Следует отметить, что сходной логикой характеризовалась совместная инициатива России и Европейского союза «Партнерство для модернизации», выдвинутая на саммите Россия–ЕС в Стокгольме в ноябре 2009 г. Инструментально-релятивистская трактовка модернизации, как казалось, могла предоставить в распоряжение Евросоюза механизмы влияния на трансформационные процессы в России и в то же время позволяла российским элитам не принимать на себя слишком жестких обязательств в части преобразования политических институтов. Вместе с тем сама инициатива «Партнерство для модернизации» была сформулирована сторонами таким образом, чтобы не подменять собой существующие «дорожные карты» переговоров о подготовке нового базового соглашения между Россией и ЕС. В результате эта инициатива не привела к развязке ни одной из крупных проблем в отношениях между Россией и ЕС, а ее суммарный эффект в целом соответствовал общему эффекту модернизационной риторики Д.А. Медведева для российской экономики и социальной сферы.

Вопросы европейской безопасности в экспертной деятельности ИНСОРа периода тандемократии во многом интерпретировались в контексте «модернизационного» диалога с ЕС и российско-американской перезагрузки. При этом ИНСОРа даже в 2011 г. продолжал популяризировать безнадежно забуксовавшую инициативу Договора о европейской безопасности (ДЕБ), рассматривая гипотетическую возможность заключения этого соглашения в качестве необходимой предпосылки строительства «Общего евроатлантического пространства безопасности». В комментарии к этому разделу доклада А.А. Дынкин и В.Г. Барановский высказались довольно резко: «Так, может, пора отка-

заться от ритуальных призывов поддержать идею Договора о европейской безопасности, которая все больше напоминает “чемодан без ручки” – и тащить неудобно, и бросить вроде бы жалко?» [11, с. 319]. В связи с этим уместно также вспомнить, что в начале июля 2010 г. на сайте госзакупок Управлением делами президента РФ был объявлен тендер на проведение исследования по теме «Договор о европейской безопасности: Субстантивное наполнение, методы реализации, цели» (начальная стоимость контракта составляла 200 тыс. руб.). Само объявление тендера на эту и другие НИР свидетельствовало о намерении кремлевского руководства упорядочить и сделать более прозрачными механизмы взаимодействия с экспертно-аналитическими сообществами. Однако в сентябре 2010 г., когда подводились итоги конкурса, появилась лишь лаконичная информация об отмене тендера, связанного с тематикой ДЕБ [см.: 3], что, очевидно, свидетельствовало об осознании бесперспективности самой идеи Договора.

Гипертрофированное общественное внимание к активности ИНСОРа, с одной стороны, провоцировало чрезмерный и не всегда оправданный критицизм по отношению к продукции этого мозгового центра, с другой – способствовало активизации работы других экспертно-аналитических групп и организаций. Период тандемократии и начало третьего срока президентства Владимира Путина можно считать своеобразным «звездным часом» для российских экспертных сообществ, представители которых, наряду с традиционными для фабрик мысли функциями политического консультирования, начинали играть более существенную идеологическую роль, отчасти замещая в этом качестве политические партии и группы политического влияния. Однако экспертная деятельность в области внешней политики и международных отношений лишь «по касательной» оказывалась затронутой вниманием общества. О проблемах внешнеполитической экспертизы недвусмысленно высказывались представители того же ИНСОРа, указывавшие на неудовлетворительное качество обратной связи государства с экспертными сообществами, потребность в восстановлении и создании новых экспертных школ и направлений, важность преодоления поколенческого разрыва в экспертной среде. Призывая к пересмотру концептуальных оснований внешнеполитической деятельности, И. Юргенс и С. Кулик подчеркивали необходимость учета мнений как российского общества и российских элит, так и общественного мнения и настроений элит тех стран, сотрудничество с которыми является для России приоритетным. В частности, они предлагали подумать о создании экспертного общественного совета, в задачи которого входило бы повышение эффективности информационного обеспечения внешнеполитической деятельности [11, с. 289, 292, 294].

Что далее?

Ситуацию, при которой экспертно-аналитические сообщества играют роль чуть ли не основных выразителей различных политико-идеологических подходов, нельзя считать нормальной. Как минимум, это свидетельствует о дисфункции политических партий. В условиях соправительства 2008–2012 гг. отдельные экспертные центры начали выполнять специфические функции глашатаев идей, которые в силу тех или иных обстоятельств не могли исходить напрямую от участников тандема. Более того, представители экспертных сообществ вольно или невольно становились соучастниками специфического модерирования политической дискуссии, когда вокруг их продукции создавался ореол «сокровенного знания», якобы выражающего подлинные намерения президента или премьер-министра. Неважно, что таких намерений в действительности могло и не быть: «приписывание» некоей совокупности программных установок, например, Дмитрию Медведеву способствовало поддержанию иллюзии политической альтернативности. Когда 24 сентября 2011 г. интрига, связанная с определением дальнейшего политического лидерства, разрешилась самым банальным образом, специфическая функция экспертных сообществ оказалась в основном исчерпанной.

Помимо объективного изменения внутривнутриполитической ситуации после начала третьего президентского срока В.В. Путина, экспертные сообщества ощутили на себе и воздействие перемен в руководстве президентской администрации. С приходом В.В. Володина на должность первого заместителя руководителя АП вместо В.Ю. Суркова начали меняться подходы к взаимодействию с экспертными сообществами, в частности стремление администрации несколько расширить круг московских экспертных центров, но при этом обеспечить их большую подконтрольность, в первую очередь через механизмы финансирования. Несмотря на то что количество групп интересов, заинтересованных в экспертной поддержке достаточно велико, в последние полтора года наблюдается явное снижение готовности таких групп выступать в качестве независимых заказчиков экспертно-аналитической продукции. В этих условиях зависимость экспертных сообществ от основного заказчика – государства – существенно возрастает.

Усиление государственного участия в процессах, связанных с экспертно-аналитической деятельностью, достаточно ярко проявилось и в том, что касается внешнеполитической проблематики. В феврале 2010 г. указом Президента РФ Д.А. Медведева была создана новая экспертно-аналитическая организация – Российский совет по международным делам (РСМД). В результате на площадке российских экспертных центров по внешней политике и безопасности появился суперигрок, в числе преимуществ которого не последнее место занимает мощная финансовая поддержка со стороны госу-

дарства. По словам исполнительного директора Совета А.В. Кортунова, РСМД является платформой, которая сможет консолидировать имеющийся в России немногочисленный экспертный ресурс по внешней политике, а также решить системные проблемы при взаимодействии экспертов и власти [см.: 3]. Впрочем, в качестве платформы экспертного диалога РСМД, как и ранее СВОП, предоставляет возможность для сопоставления существенно отличающихся друг от друга подходов. Один из наиболее свежих примеров – публикация с интервалом в один день на сайте РСМД двух диаметрально противоположных по направленности аналитических материалов. 21 октября 2013 г. был опубликован аналитический доклад заведующего отделом ИМЭМО РАН, профессора МГИМО А.В. Загорского, в котором обосновывается целесообразность ликвидации российского и американского арсеналов межконтинентальных баллистических ракет, благодаря чему удастся снять проблему ПРО как один из основных раздражителей в российско-американских отношениях [5]. На следующий день, 22 октября, РСМД опубликовал материал политического обозревателя В. Алексеева, посвященный обсуждению вероятности и возможных сценариев военного конфликта между Россией и США в ближайшие 10–15 лет [1]. Не вдаваясь в аргументацию этих экспертов по существу, можно констатировать, что РСМД успешно способствует переводу в режим публичной дискуссии различных стратегий внешней и оборонной политики.

Весьма показательным отражением новых тенденций является эволюция деятельности ИНСОРа, который начиная с 2012 г. все больше ориентируется на внешнеполитическую проблематику. В частности, именно ИНСОП вошел от России в состав Совета советов – объединения ведущих экспертно-аналитических центров стран G20. В последнем, кстати, можно видеть проявление транснационализации активности экспертно-аналитических сообществ, которая явно идет вразрез с трендом усиления влияния государства на условия функционирования российских «фабрик мысли».

Учреждение в 2012 г. Изборского клуба в качестве своеобразной государственнической антитезы большинству либерально-ориентированных экспертных центров и интеллектуальных форумов (включая клуб «Валдай») пока не оказало существенного влияния на коммуникацию идей, связанных с внешней политикой. Вместе с тем ярко выраженная антилиберальная идеологическая направленность, апелляция к традиционным культурным основаниям и моральным ценностям, возможно, выступают предвестниками крутого разворота в процессе производства смыслов, который будет иметь прямое отношение и к внешнеполитической дискуссии.

Прагматизм и отсутствие идеологической индоктринации, стремление вести диалог на языке интересов, а не ценностей были характерной особенностью российской внешней политики начала XXI в. Сегодня, однако, поли-

тическое руководство России вновь сталкивается с соблазном подвести под внешнеполитическую деятельность аксиологическую основу. Об этом, в частности, свидетельствуют высказывания Владимира Путина на 10-й, юбилейной, сессии клуба «Валдай» в сентябре 2013 г.: «Мы видим, как многие евроатлантические страны фактически пошли по пути отказа от своих корней, в том числе и от христианских ценностей, составляющих основу западной цивилизации. Отрицаются нравственные начала и любая традиционная идентичность: национальная, культурная, религиозная или даже половая. Проводится политика, ставящая на один уровень многодетную семью и однополое партнерство, веру в бога и веру в сатану» [2].

Следует констатировать, что готовность перевести российскую внешнюю политику на язык традиционных ценностей – очень серьезный выбор. Прежде всего, он будет означать фундаментализацию противостояния России и Запада, необходимость поиска союзников на основе ценностной близости. Он неизбежно ограничит свободу маневра и, следовательно, эффективность внешнеполитической деятельности. Вполне вероятно, что в этом случае внешняя политика вновь окажется в фокусе общественного внимания, а экспертные сообщества будут вынуждены ориентироваться по оси идеологического противостояния. Хотелось бы надеяться, что руководство страны, делая этот выбор, примет во внимание не только гипотетические преимущества новой идеологизации внешней политики, но и вполне конкретные издержки, масштаб и цена которых со временем будут только возрастать.

Литература

1. Алексеев В. Возможна ли война с Америкой? – Российский совет по международным делам. – 22.10.2013. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2557#7 (Дата посещения: 09.11.2013).
2. Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай». – Российская газета. – 19.09.2013. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html> (Дата посещения: 09.11.2013).
3. Габуев А., Черненко Е. По странам и стечениям обстоятельств. – Коммерсантъ Власть. – № 39 (993). – 01.10.2012.
4. Ефременко Д.В. В поисках модернизационных ориентиров в эпоху междоусердия модерна. – Политическая наука. – 2012, № 2. – М.: ИНИОН РАН. – С. 3–30.
5. Загорский А. Радикальное сокращение ядерных вооружений укрепит безопасность России. – Российский совет по международным делам. – 21.10.2013. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2538#top (Дата посещения: 09.11.2013).
6. Заявление рабочей группы по политической стабильности Совета по внешней и оборонной политике. – 1998. – Режим доступа: http://old.nasledie.ru/politvnt/19_1/article.php?art=12 (Дата посещения: 09.11.2013).
7. Караганов С.А. Как не попасть на обочину истории. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Kak-ne-popast-na-obochinu-istorii-16139> (Дата посещения: 09.11.2013).

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

---

8. Культурные факторы модернизации: Доклад. – М.; СПб.: Фонд «Стратегия 2020», 2011. – Режим доступа: <http://do.gendocs.ru/docs/index-5662.html> (Дата посещения: 03.11.2013).
9. Малинова О.Ю. Экспертно-аналитические организации и формирование общественной повестки дня: Анализ идеологических практик в современной России. – Политическая наука. – 2013, № 4. – М.: ИНИОН РАН. – С. 192–210.
10. Мировой опыт и военная реформа в России: Круглый стол. – Индекс безопасности. – М., 2011. – № 1 (96). – Т. 17. – С. 131–136.
11. Обретение будущего. Стратегия 2012. – М.: Институт современного развития, 2011. – 322 с. – Режим доступа: http://polit.ru/img/ggl/future2012_15_02_2011.pdf (Дата посещения: 02.11.2013).
12. Пивоваров Ю.С. Русская политическая традиция и современность. – М.: ИНИОН РАН, 2006. – 255 с.
13. Путин В.В. Россия и меняющийся мир. – Московские новости, 27 февраля 2012. – Режим доступа: <http://www.mn.ru/politics/20120227/312306749.html> (Дата посещения: 02.11.2013).
14. Россия XXI века. Образ желаемого завтра. – М.: ЭКОН-Информ, 2010. – 66 с.
15. Святенков П. Институт двухпартийной экспертизы. – Русский журнал. – Вып. 26 (40). – 16 ноября 2009. – С. 13.
16. Чадаев А. Драматургия 2011-го. – Режим доступа: <http://vz.ru/opinions/2011/3/21/477289.html> (Дата посещения: 02.11.2013).
17. 2012 global go to think tanks report and policy advice. – Think tanks and civil societies program. – University of Pennsylvania. International relations program. – Philadelphia, PA. – 2013. – Mode of access: http://gotothinktank.com/dev1/wp-content/uploads/2013/07/2012_Global_Go_To_Think_Tank_Report_FINAL1.28.13.pdf (Дата посещения: 02.11.2013).

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

Т.В. Черноморова

НЕРАВЕНСТВО В ДОХОДАХ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Черноморова Татьяна Васильевна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИНИОН РАН.

Принято считать, что разделение людей на богатых и бедных возникло с появлением классового общества. Но особенно отчетливо имущественное неравенство и неравенство в доходах проявляются в эпоху современной глобализации: при стремительных темпах роста благосостояния мировое богатство еще никогда не распределялось столь неравномерно. Неравенство существует повсеместно, в различных экономических и социальных пластах – от геополитических регионов и стран до внутренних областей и городских районов, хотя оно имеет различные масштабы в зависимости от условий.

Подсчитано, что сегодня среднедушевой доход в 19 наиболее богатых странах мира в 37 раз превышает соответствующий показатель в 19 беднейших странах. Однако неоспоримый факт заключается в том, что за последние 40 лет этот разрыв в доходах удвоился. По оценкам аналитиков Программы развития ООН, на начало XXI в. совокупное богатство 225 богатейших людей планеты превышало 1 трлн долл. – сумма, эквивалентная ежегодному доходу 2,5 млрд бедняков, составляющих 47% населения мира. Другая впечатляющая цифра: общее состояние трех богатейших людей планеты сегодня превысило совокупный ВВП 48 наименее развитых стран [1].

Как отмечает известный экономист Нуриэль Рубини¹, в последние десятилетия из-за незначительного прироста доходов практически у всех имущественных слоев (за исключением наиболее богатых) во многих обществах образовался гигантский разрыв между реальными доходами и разогретыми «обществом потребления» потребительскими аппетитами, и этот разрыв, к

---

1. Н. Рубини – председатель глобальной консалтинговой службы. Roubini Global Economic, профессор экономики в Школе бизнеса Стерн при Нью-Йоркском университете и автор работ по экономике во время кризиса.

сожалению, постоянно увеличивается. Постоянное увеличение левериджа (превышения заемного капитала над собственным) в частном и государственном секторах экономики и связанные с ним «пузыри» активов и кредитов, частично «лопнувшие» во время последнего кризиса и надуваемые заново, отчасти также являются следствием этого разрыва, считает Рубини [6].

В последнее десятилетие вопросы влияния глобализации на распределение доходов, рост неравенства в сфере труда и уровень бедности занимают все более значительное место в документах международных сообществ (ОЭСР, ЕС) и международных организаций (МОТ, МВФ, Всемирного банка и др.). Несмотря на длительный период экономического роста, обеспечившего с начала 1990-х годов создание миллионов новых рабочих мест, неравенство в доходах в большинстве регионов мира резко возросло, а последний глобальный финансовый кризис еще больше усугубил эту ситуацию.

Основные подходы к определению неравенства

Определения понятия неравенства, так же как и определения термина «глобализация», у различных экономистов зачастую не совпадают. Например, марксистский подход к неравенству всегда исходил из классовой структуры общества и связанной с ней эксплуатацией наемного труда, которые четко отделялись от возможностей социальной мобильности для каждого наемного работника в рамках существующей иерархии должностных позиций.

Г. Терборн, профессор социологии университета Упсала (Швеция), при определении понятия неравенства исходит из моральной аксиомы о безусловной равной ценности каждого индивидуума. Он присоединяется к мнению Амартия Сена², который рассматривает неравенство качества жизни через призму несоответствия реального качества жизни отдельного человека тому уровню, которого он мог бы достичь благодаря своим способностям. Из этого подхода, рассматривающего потенциальные возможности каждого индивидуума в качестве главного оценочного критерия социального неравенства, делается вывод о том, что в основе любого неравенства лежит его изначальная многомерность [7, с. 34].

Как глобализация несводима только к мировой торговле и потокам капитала, так и последствия глобализации в проекции на проблему социального неравенства несводимы лишь к распределению национального ВВП на душу населения, к доходам индивидуумов или домохозяйств. Например, ООН в своих докладах, касающихся оценки динамики развития, применяет спе-

---

2. А. Сен – известный индийский экономист, нобелевский лауреат по экономике 1998 г., профессор Гарвардского университета и один из разработчиков «Индекса человеческого развития» ООН.

циально разработанный интегральный «Индекс развития человеческого потенциала», который включает показатели продолжительности жизни, уровня образования (грамотность плюс численность обучающихся на второй и третьей ступенях образования) и приведенной стоимости реального ВВП на душу населения (в сопоставимых ценах).

Скандинавские исследователи для определения уровня социального неравенства используют следующие десять показателей: качество питания, здоровье и доступ к здравоохранению, занятость и условия труда, экономические ресурсы, знания и доступ к образованию, семейные и социальные отношения, жилье и услуги по месту жительства, развлечения и культура, безопасность жизни и имущества, политические ресурсы.

Неравенство в современном мире, отмечает Терборн, принимает многообразные формы и продуцируется различными процессами. Формы неравенства множественны, как и формы глобализации и глобальные процессы. Терборн выделяет четыре базовых механизма неравенства: дистанцирование, исключение, господство / подчинение и эксплуатация. Три наиболее важных, с его точки зрения, вида неравенства – биологическое, экзистенциальное и экономическое (ресурсное).

Биологическое (витальное) неравенство прежде всего выражается в разной продолжительности жизни и разном здоровье, но может относиться и к другим жизненно важным внешним обстоятельствам, а также к их распределению. До недавнего времени, пока не разразилась эпидемия СПИДа в Африке и не проявились последствия посткоммунистической травмы Восточной Европы, в течение всей второй половины XX в. элементарные человеческие возможности выживания постепенно выравнивались. Иными словами, глобальное биологическое и демографическое неравенство, или неравенство шансов на жизнь, постепенно сокращалось.

Экзистенциальное неравенство важно не только в моральном, но и в социальном, и в политическом отношениях. Оно не сводится к экзистенциальным различиям между индивидами, поскольку его можно разложить по категориям и институционализировать. Примерами этого вида неравенства являются расизм, сексизм, социальные иерархии на основании принадлежности к той или иной касте, классу, иной социальной общности и др. Экзистенциальное неравенство в целом увеличивалось на протяжении XIX–XX вв. по мере развития европейского империализма и колониализма, а также атлантического социал-дарвинизма. Даже после того, как работорговля оказалась под запретом и было отменено рабство, экзистенциальное неравенство, по Терборну, сохранилось. Победа над нацизмом дала новый импульс к движению в направлении экзистенциального равенства. Важной поддержкой этой тенденции явилось создание ООН.

Наконец, *экономическое неравенство*, которое, собственно говоря, и является основным предметом настоящего исследования, имеет отношение к распределению имеющих ценность в данной социальной среде ресурсов (например, земли, скота, образования, денег и пр.). Сюда же относится и возможность получения социальных благ. В качестве показателя для измерения уровня экономического неравенства обычно (хотя и не всегда) используется показатель, измеряемый долей ВВП на душу населения [7, с. 35].

На протяжении последних 200 лет уровень экономического неравенства между странами и внутри стран, измеряемый приходящейся на душу населения долей ВВП, произведенного в той или иной стране, неуклонно возрастал. Однако если измерять экономическое неравенство уровнем покупательной способности населения, то обнаружится, что в последней трети XX в. процесс экономического расслоения приостановился и распределение благосостояния как между странами, так и внутри стран стало более эгалитарным.

Если сравнивать между собой страны Северо-Атлантического региона (Западная Европа, США, Канада), то первая волна выравнивания уровней покупательной способности населения началась во времена Великой депрессии и продолжалась примерно до 1951 г. Затем пришла вторая волна (с 1960-х годов до 1975–1980 гг.), которую, в свою очередь, вновь сменил тренд к росту неравенства – притом, что динамика роста неравенства демонстрирует различные темпы в разных странах.

Распределение совокупного мирового дохода между странами, измеряемое в ВВП на душу населения, не обязательно совпадает с относительным распределением числа домохозяйств в той или другой стране. Сравнительные темпы развития между странами и внутри стран могут быть разными. С 1965 по 1992 г. неравенство между странами значительно увеличилось, в то время как неравенство внутри каждой отдельной страны демонстрировало тенденцию к сокращению [7, с. 36].

М. Лундберг, сотрудник Исследовательского отдела Всемирного банка, на основании собственных статистических оценок делает вывод, что никаких однозначных и универсальных тенденций в динамике социального и экономического неравенства в мире не выявлено. Где-то нищета растет, где-то сокращается – многое зависит от политики, которую проводит правительство той или иной страны. Только государства, проводя грамотную экономическую и социальную политику, в состоянии противостоять негативным тенденциям чрезмерной либерализации и создавать благоприятные условия для подключения большинства населения к активной экономической деятельности, способствовать росту занятости и обеспечивать социальную защиту граждан, полагает Лундберг [2].

Б. Миланович³, обобщая данные Всемирного банка по статистике доходов почти в 100 странах мира, в свою очередь считает, что существуют три метода приведения данных по отдельным странам к общему итогу [2].

Первый метод состоит в том, чтобы, исходя из среднего дохода каждой страны на душу населения, проследить, как меняются соотношения между странами по уровню доходов за два последних десятилетия, т.е. когда глобализация, как считается, шла особенно быстро. При таком подходе получается, что неравенство растет, так как среднедушевой доход в богатых странах имеет тенденцию расти в целом быстрее, чем в бедных.

Этот вывод мало кто оспаривает, но против самого метода выдвигается серьезное возражение: дело в том, что при таком подходе не учитываются различия в численности населения той или иной страны, т.е. весовые коэффициенты каждой страны. Получается, что Китай или Индия влияют на среднемировую оценку распределения неравенства в той же степени, в какой, например, Гондурас или Маврикий, что не соответствует реальности.

Чтобы скорректировать полученные данные, применяется *второй* метод, при котором при межстрановом сопоставлении доходов среднедушевые доходы каждой страны взвешиваются с учетом численности ее населения. В этом случае возникает абберация другого рода: получается, что за последние 20 лет неравенство в доходах в целом в мире сократилось исключительно потому, что Китай, где среднедушевой доход вырос значительно, с его более чем миллиардным населением перетягивает на чаше весов десятки менее благополучных с точки зрения экономического развития стран. Если же данные по Китаю не принимать в расчет (хотя для этого нет никаких разумных обоснований), получается совсем иная картина.

Наиболее адекватным, по мнению Б. Милановича, является *третий* метод, при котором население всех стран мира разбивается на несколько (например, десять или двадцать) групп с примерно равным среднедушевым доходом в каждой группе; при этом национальные границы не принимаются во внимание. Главное достоинство этого метода состоит в том, что он позволяет учитывать сдвиги в распределении доходов внутри стран – ведь даже при росте среднедушевого дохода экономическое неравенство внутри страны может также увеличиваться. Такая тенденция наблюдается не только в бедных, но и в богатых странах. Например, в США с 1970 по 1998 г. средний реальный доход на душу населения увеличился на 20%, а разрыв между сред-

3. Б. Миланович – ведущий экономист Исследовательского отдела Всемирного банка, приглашенный профессор Школы углубленных международных исследований Университета Джона Хопкинса, а также автор недавно опубликованной книги: *The haves and the have-nots: A brief and idiosyncratic history of global inequality.* – N.Y.: Basic books, 2011. – 258 p.

ним доходом наименее обеспеченной пятой части населения и средним доходом его наиболее богатой пятой части возрос с 7,6 до 11,3 раза. В большинстве стран с высоким уровнем бедности подобные процессы прослеживаются сплошь и рядом.

Применение третьего метода наталкивается на недостаток статистических данных о распределении доходов во многих странах мира за достаточно длительный период. Милановичу удалось собрать подробную статистику по 91 стране за 1988–1993 гг., и его расчеты показывают, что неравенство в глобальном масштабе за этот период увеличилось. По расчетам Милановича, коэффициент Джини (см. подробнее ниже), который используется для обобщенного измерения неравенства доходов, вырос за это время с 0,63 до 0,68 [2].

К аналогичным выводам приходит и один из наиболее известных экономистов XX в., недавно скончавшийся (в возрасте 98 лет) профессор Техасского университета Джон Кеннет Гэлбрейт, который до последних дней своей жизни руководил Центром по исследованию неравенства. В своем докладе, основанном на собственных расчетах с привлечением статистики по большому числу стран, он отмечает «глобальную тенденцию к росту неравенства в последние два десятилетия». Рост неравенства в мире Гэлбрейт связывает с распространением неолиберальной идеологии, подрывом национальных суверенитетов, отказом от кейнсианских методов регулирования экономики. Гэлбрейт отмечает два периода особенно быстрого взлета неравенства. Первый – приходится на долговой кризис развивающихся стран в начале 1980-х годов, второй – на время распада коммунистической системы в начале 1990-х. Особо он выделяет Россию, которая по уровню неравенства соседствует ныне с такими странами, как Гаити, Чили и Панама [2].

Методы измерения неравенства в доходах

Основной метод измерения неравенства в доходах основан на обследованиях (опросах) домохозяйств. В целях повышения репрезентативности данных опрашивается достаточно большое число домохозяйств. Выявляются различные источники их доходов (в денежной и натуральной формах) и структура потребления. Общий доход домохозяйства за вычетом уплачиваемых прямых налогов (или, как альтернатива, общее потребление) делится на число его членов, а затем все индивиды ранжируются от самых бедных до самых богатых (в соответствии с душевым доходом домохозяйства). Таким образом рассчитывается показатель вариабельности доходов, называемый коэффициентом Джини.

Коэффициент Джини является наиболее часто используемым показателем неравенства. Теоретически он варьирует от нуля (доходы у всех одинако-

вы) до единицы (все доходы общества достаются одному человеку). Чем ближе этот коэффициент к нулю, тем неравенство меньше; чем он ближе к единице, тем неравенство больше.

Значения коэффициента Джини считаются «нормальными», «обычными» или «желательными», когда они находятся в пределах 0,25–0,35 – как, например, в странах, характеризующихся наименьшим неравенством (например, в Швеции или Канаде).

Однако для большинства стран значение коэффициента Джини составляет порядка 0,40. В США, Китае и России коэффициент Джини несколько превышает 0,40. В большинстве африканских и латиноамериканских стран коэффициенты Джини варьируют от 0,55 до 0,59, а в некоторых крайних случаях и в отдельные периоды коэффициент Джини может достигать даже 0,60. Нет подтвержденных случаев, когда на протяжении длительного периода коэффициент Джини был бы выше 0,60. Поэтому фактический интервал неравенства на уровне отдельных стран составляет от 0,25 до 0,60. В то же время оценки глобального неравенства (между гражданами разных стран) выходят за пределы этого интервала, достигая почти 0,70.

Б. Миланович отмечает, что хотя обследования домохозяйств и являются наилучшим инструментом оценки уровня и вариабельности доходов, этот метод не лишен недостатков. Верхушка распределения может оказаться «урезанной»: по-настоящему богатые люди нередко либо вообще отказываются от участия в обследовании, либо занижают свои доходы. Причины такого уклонения неясны, учитывая конфиденциальность обследований. Однако подозрения об «урезанности верхушки» в последнее время породили целую волну методик, которые, в отличие от опросов, используют данные налоговых органов (заявленный доход до налогообложения), чтобы оценить долю в доходах одного или даже 0,1% самых богатых граждан страны. Авторы таких методик исходят из допущения, что богатым сложнее утаить доходы от налоговых органов, чем от лиц, проводящих обследования, и что с первыми они более правдивы. Однако в действительности результаты измерения неравенства в США, основанные на обследованиях, мало чем отличаются от результатов, полученных на основе данных налоговых органов – даже несмотря на то, что обследования описывают полное распределение доходов, тогда как налоговые данные касаются лишь верхней части шкалы [15, с. 7].

С начала 1980-х годов в большинстве стран неравенство в доходах увеличилось (или в лучшем случае осталось неизменным) [10]. Во многих случаях это противоречит двум теориям, наиболее часто используемым для описания и прогнозирования динамики неравенства: кривой Кузнецца и теореме Хекшера–Олина–Самуэльсона (ХОС).

Согласно теории, лежащей в основе построения *кривой Кузнецца*⁴, в доиндустриальных обществах почти все были одинаково бедными, поэтому уровень неравенства был низким. Неравенство начинает расти, когда люди переходят от низко производительного сельского хозяйства к более производительному промышленному производству, где средний доход выше, а распределение заработной платы менее равномерно. Однако по мере того как общество становится все более зрелым и богатым, разрыв между городом и деревней сокращается, а пенсии по старости, пособия по безработице и иные социальные выплаты способствуют снижению неравенства. Таким образом, кривая Кузнецца напоминает перевернутую букву «U».

Теорема Хекшера–Олина–Самуэльсона о международной торговле гласит, что по мере вовлечения бедных стран в мировую торговлю усиливается их специализация на производстве товаров, в которых они имеют сравнительное преимущество – а именно, товаров, производимых с использованием труда, не требующего, как правило, высокой квалификации (либо товаров, для производства которых в данном конкретном регионе имеются особые климатические, географические или иные локальные предпосылки).

В результате специализации в таких странах растет спрос на неквалифицированную рабочую силу, и заработная плата работников с низкой квалификацией повышается по сравнению с оплатой труда квалифицированных работников. Неравенство, измеряемое как соотношение уровней оплаты труда квалифицированных и неквалифицированных работников, сокращается. В богатых странах происходит обратное: по мере того как они экспортируют все больше товаров, производимых с помощью высококвалифицированного труда, неравенство в них возрастает.

Неравенство в доходах в самых богатых странах (в частности, в тех, по которым имеется надежная статистика за длительный период – США и Великобритания) первоначально изменялось в соответствии с моделью Кузнецца, демонстрируя сначала рост, а затем снижение (это и неудивительно, отмечает Миланович, учитывая, что именно анализ статистических данных второй половины XIX – первой половины XX в. подвигнул Кузнецца к формулированию его гипотезы). После пика неравенства, достигнутого в Великобритании в конце XIX в., а в США в 1920-х годах, эти страны вступили в длительный период постепенного снижения уровня неравенства, который продолжался вплоть до конца 1970-х годов, когда разрыв в доходах между богатыми и бедными сократился до своей минимальной исторической величины [15, с. 8].

---

4. Кривая Кузнецца названа так по имени американского экономиста Саймона Кузнецца, предложившего ее в середине 1950-х годов.

Однако с тех пор, несмотря на то обстоятельство, что и США, и Великобритания (а также большинство стран с развитой экономикой) стали гораздо богаче, неравномерность распределения доходов в этих странах возросла. В 2010 г. реальный душевой доход в США был на 65, а в Великобритании – на 77% выше, чем в 1980 г. За тот же период неравенство, измеряемое коэффициентом Джини, в США возросло с 0,35 до 0,40, а в Великобритании – примерно с 0,30 до 0,37. Этот рост отражает существенные отрицательные сдвиги в распределении доходов. В целом с середины 1980-х до середины 2000-х годов неравенство возросло в 16 из 20 богатых стран – членов ОЭСР. В 2012 г. коэффициент Джини составлял уже 0,45 в США, 0,28 – в Германии, 0,40 – в России, 0,47 – в Китае, 0,55 – в Бразилии, 0,63 – в ЮАР и 0,35 – в Австралии [4]. Подобная корреляция между растущим средним доходом и ростом неравенства в развитых странах, несомненно, отмечает Миланович, привела бы в замешательство Кузнецца, да и многих других экономистов.

Неравенство возросло и в Китае – все еще бедной стране по уровню среднедушевого дохода в сравнении с развитыми экономиками мира. Китай издавна имел сравнительное преимущество в производстве товаров, требующем привлечения неквалифицированной рабочей силы. В последние десятилетия в Китае, благодаря низкой стоимости даже высококвалифицированной рабочей силы и огромному рынку трудовых ресурсов, производятся едва ли не все товары, потребляемые в мире – от детских игрушек и белья до высокотехнологичных гаджетов и самолетов. В результате стремительного включения Китая в мировое хозяйство доля доходов от экспорта в ВВП Китая в последние годы составляла более 60%, причем в 2012 г. она увеличилась на 7,9% и в денежном выражении достигла 2,4 трлн долл. [16].

Из теоремы ХОС о глобализации следует, что неравенство в доходах должно сокращаться по мере повышения заработной платы работников низкой квалификации по сравнению с заработной платой квалифицированных работников. На самом же деле коэффициент Джини для Китая возрос с менее 0,30 в 1980 г. до примерно 0,45 в настоящее время. Эти факты противоречат не только теореме ХОС, но и модели Кузнецца, отмечает Миланович. Причина, очевидно, в том, что теорема ХОС, равно как и модель Кузнецца, в отношении Китая не работает, поскольку, несмотря на относительно низкий по сравнению с развитыми странами средний уровень заработной платы, оплата труда быстро растущей в последнее время армии работников средней и высшей квалификации, занятых в производстве сложных в техническом отношении изделий, растет в Китае намного более быстрыми темпами, чем заработки в традиционных отраслях, где часто по-прежнему широко используется неквалифицированный труд. Очевидно, что и доля «новых» отраслей в ВВП Китая сегодня существенно выше, чем доля «традиционных» отраслей.

В целях дальнейшего совершенствования методики расчета глобального неравенства, полагает Миланович, данные обследований домохозяйств отдельных стран должны быть скорректированы специальным поправочным коэффициентом, позволяющим перевести национальные доходы различных стран в единую международную «покупательную валюту», обладающую одинаковой покупательной способностью во всех странах мира. Таким корректирующим коэффициентом является так называемый доллар паритета покупательной способности (доллар ППС). Его основное назначение состоит в том, чтобы учитывать различия в уровнях цен между странами и корректировать их с учетом реальной покупательной способности населения.

Обычно уровень цен в более бедных странах ниже, чем в более богатых, поэтому с учетом поправки на покупательную способность доходы в бедных странах оказываются выше, чем если бы они измерялись с помощью рыночных обменных курсов. Используя последние данные о долларе ППС, можно построить глобальное распределение доходов – внушительную базу данных, объединяющую результаты отдельных обследований и скорректированных с учетом обменных курсов ППС для каждой страны. Коэффициент Джини для глобальной оценки динамики неравенства в доходах, рассчитанный по такой методике, оказывается существенно более корректным, чем тот, который исчисляется по упрощенной методике.

Если, замечает Миланович, оценивая глобальные тенденции динамики неравенства, рассмотреть, например, период 1988–2005 гг., то сколь-нибудь явно выраженного тренда изменения уровня неравенства (как по направлению, так и по динамике) обнаружить не удастся, хотя сам по себе уровень глобального неравенства уже в середине 2000-х годов оказался весьма высоким (коэффициент Джини на протяжении всего этого периода составлял порядка 0,70). Это означает, что взвешенные (с учетом численности населения) силы конвергенции между странами (например, когда многонаселенные Индия и Китай догоняют богатые страны) лишь незначительно компенсируют силы, генерирующие рост неравенства внутри отдельных стран. Однако, полагает Миланович, данные за 2008 г. отражают гораздо более быстрый экономический рост стран с формирующимся рынком по сравнению со странами с развитым рынком, и потому указывают на возможность сокращения мирового неравенства в будущем [15, с. 11].

Подтверждением этой новой тенденции может служить также тот факт, что глобальное неравенство, измеряемое коэффициентом Джини, снизилось с уровня порядка 0,70 в 1990–2005 гг. до примерно 0,67–0,68 к концу первого десятилетия XXI в. Снижение коэффициента Джини, наблюдаемое в 2010 г., является благоприятным признаком, хотя, по всей видимости, пока еще рано говорить о долговременной тенденции. Этот показатель по-прежнему демонстрирует значения гораздо выше тех, которые оценивают внутреннее

неравенство в любой отдельно взятой стране, и существенно выше, чем уровень глобального неравенства 50 или 100 лет назад. И тем не менее, если наметившийся сегодня тренд окажется устойчивым (а многое зависит от будущих темпов экономического роста в Китае), то мы можем стать свидетелями первого снижения уровня глобального неравенства с середины XIX в. и промышленной революции.

По мере того как доходы домохозяйств в двух странах-гигантах – Индии и Китае – все больше приближаются к уровням доходов в развитых странах с давно сложившимся рынком, средний мировой доход повышается, и мировое неравенство начинает сокращаться. Парадоксальным образом эти обнадеживающие тенденции совпали с всемирным финансовым кризисом, однако очень простая арифметика доходов и численности населения показывает, что «расстыковка» экономического роста между богатыми странами и странами с формирующимся рынком способствует снижению глобального неравенства.

Так что, подытоживает Миланович, даже в разгар кризиса и вопреки всем внешним неблагоприятным факторам экономической науке приходится иметь дело не только с «удручающими» обстоятельствами. Сокращение глобального неравенства, обусловливаемое высокими темпами экономического роста и повышением уровня жизни в густонаселенных и пока еще относительно бедных странах (таких, как Индия и Китай), знаменует собой эпохальный сдвиг: оно открывает путь к благоденствию для миллионов людей. И по мере укрепления взаимосвязей между странами политическая значимость снижения глобального неравенства может однажды перевесить рост неравенства внутри отдельных стран.

Особенности роста неравенства в доходах в развитых странах

В развитых странах, как полагают некоторые экономисты, одной из причин роста неравенства в последние десятилетия является технический прогресс, который генерирует спрос на высокообразованных работников. При этом системы образования обычно не успевают готовить высококвалифицированных специалистов в количестве, востребованном рынком и, как следствие, заработная плата таких работников растет более быстрыми темпами по сравнению с заработной платой их менее квалифицированных коллег.

В свое время Я. Тинберген, норвежский экономист и нобелевский лауреат, подметил, что неравенство в доходах является прямым следствием гонки между развитием технологий и системой образования. И хотя в первые десятилетия XX в. в этой гонке победа оказывалась большей частью на стороне менее квалифицированной рабочей силы (темпы производственных инноваций были достаточно умеренными), требования научно-технической револю-

ции вновь поставили квалифицированных работников в более привилегированное положение на рынке труда.

Например, в США на протяжении последних 30 лет предложение квалифицированных работников оставалось относительно фиксированным – средняя продолжительность обучения фактически «застыла» на уровне 12 лет, и именно это, как утверждают К. Голдин и Л. Катц из Массачусетского университета в Бостоне, отчасти объясняет рост неравенства в США. К сожалению, напрямую измерить, насколько технический прогресс благоприятствует привилегированному положению квалифицированных работников, невозможно. Можно лишь догадываться о степени этого влияния, исходя из динамики разрыва между оплатой труда квалифицированной и неквалифицированной рабочей силы [цит. по: 15, с. 8].

Институциональная система страны также влияет на уровень неравенства, считает Б. Миланович. Правительство, например, в целях перераспределения части более высоких доходов в пользу низкооплачиваемых категорий занятых может прибегнуть к таким инструментам, как введение прогрессивной шкалы налогообложения и увеличение социальных пособий. Более системное, чем в англоязычных странах, использование механизмов перераспределения доходов может объяснить причину гораздо менее резкой динамики неравенства в континентальной Европе. Например, в 2005 г. социальные трансферты (без учета пенсий) и прямые налоги привели к снижению коэффициента Джини в Германии на 9 процентных пунктов, а в США – всего на 6.

Правительства, придерживающиеся либеральной экономической доктрины, с особой осторожностью используют механизмы перераспределения доходов через бюджет в целях минимизации неравенства: считается, что такое перераспределение в принципе экономически невыгодно, поскольку подрывает рыночные стимулы и наносит ущерб бизнесу. Сдержанное отношение к перераспределению доходов в пользу низкооплачиваемых категорий населения может отражать и политические реалии – в тех случаях, когда бизнес-элита оказывает непропорционально большое влияние на политику, лоббируя свои интересы, поскольку является политически активной и имеет возможность финансово поддерживать выгодные для себя политические решения.

В последнее время все более важным фактором, влияющим на рост неравенства в богатых странах, становится экономическая глобализация. Специализация на экспорте товаров, в производстве которых используется высококвалифицированный труд, ведет к увеличению разрыва между заработной платой квалифицированных и неквалифицированных работников. Кроме того, производство дешевых импортных товаров с использованием низкооплачиваемого труда и вывод производств из развитых стран за границу также приводит к снижению заработной платы в развитых странах и увеличению

безработицы среди работников с низким или средним уровнем квалификации, тем самым еще более усугубляя неравенство в доходах.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что все четыре фактора (технический прогресс, институциональные подвижки, изменение социальных норм и глобализация) в той или иной степени ответственны за углубление неравенства в странах с развитой экономикой. Однако даже если признать, что новые технологии или глобализация являются мощными генераторами неравенства, целенаправленное государственное вмешательство все же в известной степени может ограничить его рост [15, с. 9].

Значительное внимание оценкам динамики распределения доходов и роста неравенства уделяется в материалах ОЭСР. Сведения о распределении доходов, бедности и экономических ресурсов по всем 30 странам ОЭСР впервые были представлены в 2008 г. в докладе этой организации «Неравный рост? Распределение доходов и бедность в странах ОЭСР» («Growing Unequal? Income Distribution and Poverty in OECD Countries») [10]. В докладе показано, что неравенство в этих странах растет как минимум с середины 1980-х годов, а может быть, и с середины 1970-х годов. Углубление неравенства отмечено в большинстве стран (хотя и не во всех); при этом особенно заметный рост неравенства в доходах в последнее время наблюдался, например, в Канаде и Германии, а сокращение неравенства – в Мексике, Греции, Великобритании [10].

За умеренным ростом неравенства на протяжении двух последних десятилетий скрывается отчетливо выраженная тенденция. В развитых странах правительства взимают больше налогов и производят больше расходов, чтобы компенсировать тенденцию к углублению неравенства: в последние годы на социальную политику расходуется больше, чем когда бы то ни было прежде. Социальные обязательства государств возрастают также из-за быстрого старения населения в развитых странах – требуется больше средств на развитие систем социального здравоохранения (страховой медицины) и пенсионного обеспечения.

В период с середины 1980-х до середины 1990-х годов перераспределяющий эффект государственных расходов способствовал замедлению роста бедности. В следующее десятилетие этот рост вновь несколько ускорился, поскольку пособия стали приобретать все менее целевой характер. Однако, отмечается в докладе, если правительства пересмотрят политику компенсации экономического неравенства и станут тратить меньше на социальные пособия, либо перейдут к менее фокусированной социальной и налоговой политике, то неравенство начнет расти еще более ускоренными темпами.

Согласно данным доклада ОЭСР, неравенство по-разному затрагивает различные возрастные категории населения. Так, у лиц предпенсионного возраста отмечен самый большой рост доходов за последние 20 лет. Во многих

странах заметно сократился также уровень бедности среди пенсионеров – в результате коэффициент Джини для этой возрастной категории оказался ниже среднего значения для стран ОЭСР, в то время как бедность среди детей, наоборот, выросла (коэффициент Джини примерно соответствует среднему уровню, рассчитанному для населения ОЭСР в целом).

Увеличение налогообложения и рост расходов на социальные нужды в целях преодоления экономического неравенства, отмечалось в докладе, может служить только временной мерой. Единственный устойчивый путь к сокращению неравенства – это сдерживание роста заработной платы и прибылей, идущих на личное потребление. В частности, следует стремиться к тому, чтобы гарантировать всем достойный уровень оплаты труда, способный обеспечить потребности семьи в материальных и нематериальных благах на уровне принятых в той или иной стране стандартов. Это означает, что развитым странам необходимо будет приложить гораздо больше усилий, чем сегодня, для расширения занятости, повышения мотивации к труду и укрепления трудовой этики, чтобы не допустить роста численности тех групп населения, которые привыкли жить на пособия по безработице или инвалидности или стремятся к раннему выходу на пенсию. Необходимо, подчеркивается в докладе, принимать все возможные меры, чтобы обеспечить высокую занятость и открывать перед работниками перспективы карьерного роста [10].

Следует отметить, что рассмотренный доклад был опубликован еще до разразившегося в 2008 г. мирового кризиса. В октябре и декабре 2011 г. ОЭСР выпустило еще два исследования по указанной проблематике: «Как живется? Измеряем благосостояние» («How's Life? Measuring Well-Being») [12] и «Остаемся разделенными: Почему растет неравенство?» («Divided We Stand: Why Inequality Keeps Rising») [8]. В 2013 г. было выпущено новое, дополненное издание «Как живется? 2013 Измеряем благосостояние» («How's Life? 2013 Measuring Well-Being») [13].

Первое было подготовлено в рамках программы ОЭСР «Лучшая жизнь» (OECD «Better Life Initiative»), принятой в честь 50-летия этой организации. Одним из основных компонентов этой программы была разработка «Индекса лучшей жизни» («Your Better Life Index») – интерактивного композиционного индекса благосостояния и вовлечение граждан стран ОЭСР в дебаты по социальному прогрессу. В этих исследованиях подробно рассматриваются наиболее важные аспекты, формирующие жизнь и благосостояние людей – доход, занятость, жилищные условия, здоровье, образование, социальные связи, окружающая среда, персональная безопасность и некоторые другие.

Данные, полученные в результате первого исследования, показали, что за последние 15 лет благосостояние людей в целом увеличилось – они стали богаче, вероятность занятости возросла, у них лучшие жилищные условия, они

дольше живут и лучше образованны, снизилась преступность и загрязненность окружающей среды. Однако различия между группами все еще очень велики. Более того, благосостояние некоторых групп населения, особенно тех, которые менее образованны и доход которых ниже среднего уровня, имеет стойкую тенденцию ухудшения всех показателей. Например, жизненный цикл у них короче, они больше болеют, их дети хуже учатся, их политическая активность низка и т.д., поэтому они, по данным опроса, менее довольны своим уровнем жизни, чем более образованные и обеспеченные группы населения [12].

Второе издание этого исследования, выпущенное в 2013 г., подтверждает выводы первого исследования и дает развернутую картину благосостояния населения в странах ОЭСР и некоторых других экономиках посредством исследования жизненных условий и качества жизни в условиях глобального экономического и финансового кризисов, влияние гендерных различий на уровень доходов и благосостояния [13].

Доклад «Остаемся разделенными: Почему растет неравенство?» рассматривает проблемы влияния глобализации, технологического прогресса и государственной политики на уровень заработной платы и неравенство в доходах [8]. В докладе констатируется, что социальное сплочение в демократических обществах основывается на том, что разрыв в уровне доходов между богатыми и бедными не должен быть слишком велик, в противном случае у людей начинают возникать сомнения в справедливости всей существующей системы. Если у среднего класса не будет достаточно средств для того, чтобы платить налоги, обеспечивать свои семьи и создавать накопления на старость, у правительств опустеют их «кошельки» и экономическое развитие замедлится. Чем меньше разрыв в обществе между богатыми и бедными, тем лучше благосостояние всего общества. Сегодня почти половина всего мирового среднего класса – 1 млрд человек живут в странах с формирующейся рыночной экономикой, а к 2030 г., по некоторым оценкам, их число увеличится в 4 раза и достигнет 3,9 млрд человек. Как же правительства должны бороться с неравенством? В странах с высоким показателем экономического роста правительствам следует увеличить инвестиции в социальное развитие – в здравоохранение, образование, социальную защиту. Это, отмечается в докладе, поможет людям переоценить свои отношения с государством и сделает социальную политику более эффективной.

Заработная плата и неравенство в доходах: Замедление роста на фоне изменившихся условий

Традиционное деление национального экономического «пирога» на заработную плату, прибыль и ренту уходит корнями в те времена, когда роли ра-

ботников, капиталистов и землевладельцев были достаточно разными. Хотя со временем эти различия несколько стерлись, разделение на заработную плату и другие формы доходов по-прежнему служит отправной точкой для описания разделения между трудовыми и нетрудовыми (финансовыми и прочими) источниками доходов.

Основным показателем измерения заработной платы является среднемесячная заработная плата (не почасовая или дневная) в реальном выражении (т.е. с учетом инфляции). Динамика среднемесячной заработной платы отражает изменения в среднем трудовом доходе, колеблется в зависимости от страны и региона, при этом влияние кризиса является очевидным на совокупном уровне. При интерпретации глобальных или региональных оценок необходимо учитывать следующие обстоятельства. Во-первых, существуют различия между странами в способах оценки заработной платы национальными органами статистики. Если в развитых странах проводятся регулярные обследования предприятий и целевые обследования структуры трудовых доходов, в других странах данные о заработной плате поступают из обследований рабочей силы, а определения того, что считать заработной платой могут иногда отличаться друг от друга. Степень охвата также может колебаться в зависимости от страны.

Во-вторых, изменения среднемесячной заработной платы суммируют массу изменения на уровне предприятий и отраслей, в том числе не только ставок почасовой оплаты труда, но и количества отработанных часов. Во многих странах следствием мирового экономического кризиса стало сокращение времени работы в связи с такими факторами, как уменьшение времени переработки, увеличение неполной занятости и / или рост численности работающих на условиях неполной занятости по отношению к полностью занятым. Все эти факторы негативно влияют на общий размер ежемесячной заработной платы.

Глобальный финансовый и экономический кризис привел к значительному снижению темпов роста реальной заработной платы во всем мире. Опираясь на данные официальной статистики по 115 странам и территориям, авторы доклада МОТ «Заработная плата в мире в 2012/13 гг.: Заработная плата и справедливый рост» показывают, что во всем мире рост среднемесячной реальной заработной платы по-прежнему сильно отстает от докризисного уровня – это отставание особенно заметно в развитых странах. Этот рост снизился с 2,8% в докризисном 2007 г. до 1,5% в 2008 г. и до 1,6% в 2009 г. В 2010 г. ее рост составил уже 2,1%, а в 2011 г. вновь отмечено снижение до 1,2%. По данным доклада, рост реальной заработной платы в мире, без учета Китая (где официальная статистика охватывает только «городские территориальные единицы» центрального подчинения), снизился с 2,2% в 2007 г. до 1,3% в 2010 г. и 0,2% в 2011 г. Темпы роста заработной платы упали практи-

чески во всех странах, но в 2008 г. более чем в четверти стран и территорий, включенных в исследование, а в 2009 г. – в каждой пятой стране и территории они вообще оказались отрицательными [9; 18].

В докладе отмечаются значительные региональные различия в динамике заработной платы. Так, если в развитых странах отмечалось две волны снижения заработной платы, то в странах Латинской Америки и Карибского бассейна и еще в большей степени в странах Азии ее рост оставался положительным на протяжении всего периода кризиса.

Таблица 1 [9]

**ДИНАМИКА РОСТА РЕАЛЬНОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ
ПО РЕГИОНАМ С 2000 г. (Индекс 2000=100)**

Региональная группа	2000 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Развитые страны и ЕС	100	103,3	104,5	104,1	104,9	105,5	105,0
Центральная и Юго-Восточная Европа	100	204,4	233,9	253,4	244,4	257,9	271,3
Азия	100	149,0	158,8	165,1	174,6	185,6	(194,9)
Латинская Америка и Карибский бассейн	100	105,4	108,5	109,3	111,0	112,6	115,1
Африка	100	103,9	105,3	108,1**	108,6**	115,4**	117,8**
Ближний Восток	100	98,3	100,1	97,2	95,8	(94,6)	(94,4)
Мир в целом	100	112	116,1	117,3	118,8	121,3	122,7*

* Темпы роста публикуются как предварительные оценки (охват составляет около 75%).

** Темпы роста публикуются как «приближенные оценки» (охват составляет около 40–74%).

( ) Темпы роста публикуются, но вероятны их изменения (охват составляет менее 40%).

Источник: Глобальная база данных МОТ по заработной плате.

Как видно из таблицы, за рассматриваемое десятилетие заработная плата в развитых странах выросла в реальном выражении практически на четверть, но отличалась высокой региональной вариативностью. Кроме того, в странах с развитой экономикой краткосрочное влияние кризиса прослеживается на фоне долгосрочного уменьшения доли заработной платы в ВВП в докризисный период и продолжительного периода сдерживания заработной платы. Средняя заработная плата в мире за этот период увеличилась, как видно из таблицы, приблизительно на четверть. Основным источником роста стали развивающиеся регионы (главным образом Южная Азия), где заработная плата за период с 2000 г. практически удвоилась, а также страны Восточной Европы и Центральной Азии, где заработная плата выросла более чем в 3 раза, что частично компенсирует резкое снижение заработной платы в этом регионе в 1990-е годы.

Несмотря на более высокие темпы роста реальной средней заработной платы, наблюдаемые в последнее десятилетие в странах с переходной экономикой, в абсолютном выражении различия ее уровня между странами и регионами по-прежнему остаются значительными. В развитых странах средняя заработная плата пережила двойное снижение – в 2008 и в 2011 гг. В 2008 г. к снижению реальной заработной платы привели необычайно высокие темпы инфляции, превышающие рост номинальной зарплаты, а мировой экономический спад, начавшийся в 2009 г. практически заморозил как номинальную зарплату, так и потребительские цены. С тех пор восстановление роста номинальной оплаты труда остановилось в 2011 г., однако при этом рост потребительских цен вернулся к докризисному уровню, что объясняет снижение реальной заработной платы в этом году [9; 18].

По данным Бюро статистики труда США, ставки почасовой оплаты труда за время, отработанное в обрабатывающей промышленности в 2010 г., колеблются от почти 35 долл. в Дании и чуть менее 23 долл. в США до 13 долл. в Греции, от 5 до 6 долл. в Бразилии и менее 1,5 долл. на Филиппинах. При использовании другой, несопоставимой методологии общие затраты на почасовую оплату труда в обрабатывающей промышленности Китая и Индии составили, соответственно 1,36 долл. в 2008 г. и 1,7 долл. в 2007 г. Хотя эти расхождения измеряются в текущих долларах и поэтому зависят от колебаний обменного курса, они тем не менее указывают на то, что в мире сохраняются огромные различия в заработной плате и производительности труда [9].

В докладе МОТ отмечено также, что доля лиц, получающих низкую заработную плату (определяемую в размере чуть менее 2/3 от медианной заработной платы), увеличилась за период с середины 1990-х годов более чем в 2/3 стран, по которым имеются соответствующие данные. К этой группе относятся, например, такие разные по уровню развития экономики и систем социальной защиты страны, как Аргентина и Китай, Германия и Индонезия, Ирландия и Республика Корея, Польша и Испания. В этих и других странах с высокой или устойчиво растущей долей низкой заработной платы существует опасность, что значительное число людей останутся в маргинальном социальном поле: возможностей для перехода на более высокооплачиваемую работу слишком мало, а риски оказаться в ловушке низкооплачиваемой работы высоки.

Это, в свою очередь, может привести к росту социальной напряженности, особенно если в среде «аутсайдеров» рынка труда будут активно распространяться настроения, оправдывающие социальный протест слишком большими потерями, понесенными ими в результате кризиса, в то время как плоды от предшествующего периода экономического роста и, возможно, будущего подъема экономики распределяются заведомо неравномерно.

Если при этом учесть, что как в развитых, так и в развивающихся странах в категории низкооплачиваемых работников и в числе безработных, в первую очередь, оказывается молодежь, что в этой категории также непропорционально много женщин, представителей социально уязвимых этнических меньшинств, расовых групп или групп иммигрантов, становится очевидным: совокупность этих признаков в среде низкооплачиваемых работников не только приводит к недооценке их труда и делает их трудоустройство проблематичным, но и таит в себе серьезную угрозу для будущего социальной системы, в которой решению проблемы неравенства доходов уделяется недостаточно внимания.

И последнее. Стагнация заработной платы в докризисный период могла усугубить течение кризиса, а также привести к снижению способности экономики к быстрому восстановлению. И хотя глобальный финансовый и экономический кризис был спровоцирован многими факторами, существует точка зрения, согласно которой структурные причины кризиса кроются в сокращении совокупного спроса в последние десятилетия. Перераспределение совокупного дохода от работников, получающих медианную заработную плату, к высокооплачиваемым, и от заработной платы к прибыли фактически означает смещение массы доходов от совокупности лиц с высокой склонностью к потреблению к совокупности лиц с высокой склонностью к сбережению, что и явилось одной из важных причин сокращения совокупного спроса.

В докризисный период одни страны могли поддерживать потребление домохозяйств за счет расширения объемов кредитования населения, в то время как основой экономического роста других стран был главным образом экспорт. Однако вторая модель, как показало время, оказалась несостоятельной. Лишь модель, при которой основой экономического роста является увеличение потребления домохозяйств и, в частности, такого потребления, которое основано на трудовом доходе, а не на растущей задолженности, отвечает интересам любой страны.

Политика в области заработной платы может внести положительный вклад в создание более устойчивой социально-экономической модели. Как установление размера минимальной заработной платы, так и трехсторонний переговорный процесс с участием представителей государства, работодателей и профсоюзов, заключение коллективных договоров, учитывающих интересы работников, могут содействовать достижению более сбалансированного и справедливого экономического роста. Необходимо, чтобы домохозяйства (работники и члены их семей) с низкой заработной платой получали «справедливую долю плодов, которые приносит каждый процентный пункт экономического роста» [18]. Установление минимальной заработной платы и охват коллективными переговорами более 30% работников, трудовые пособия, налоговые и прочие льготы, дополненные эффективным нормативным

правовым регулированием, могут также способствовать сокращению доли низкооплачиваемых работников.

* * *

Исследования процессов, связанных с динамикой неравенства в доходах и изменениями уровня заработной платы, требуют учета множества факторов, зачастую действующих разнонаправленно. Движущие силы этих процессов рождаются в сферах экономики, социальной политики, институциональной организации общества, традиционных механизмах распределения доходов и т.п. Различные факторы по-разному и в различной комбинации взаимодействуют в разных странах. Например, рынки труда в США и Великобритании столкнулись с таким явлением, как рост поляризации уровней оплаты труда. В странах еврозоны не наблюдалось никаких универсальных для всех тенденций в распределении доходов, и в ряде этих стран оно оставалось относительно стабильным в течение всего периода кризиса.

До сих пор, как отмечает сотрудник Европейского департамента МВФ Т. Харджес, среди экономистов, социологов, представителей политической и деловой элиты нет единого мнения о том, почему в одних развитых странах неравенство в доходах возрастает, а в других – сокращается [11]. Некоторые полагают, что неравенство вызвано технологическим прогрессом, распространением информационных технологий, изменениями в спросе на квалифицированный труд, косвенным влиянием аутсорсинга. Они винят во всем глобализацию и призывают вернуться к протекционистской политике [14, с. 16]. Другие же, напротив, полагают, что рост неравенства в большей степени объясняется не спросом и предложением квалифицированной рабочей силы, а изменениями в институционализации рынков труда, включая установление минимального размера заработной платы и степени объединения рынка труда каждой отдельной страны.

Меньшее неравенство в странах ЕС можно объяснить несколькими обстоятельствами. Это прежде всего более консервативная структура общественного производства в Европе по сравнению с США, обеспечивающая больший спрос на высококвалифицированный труд наемных работников и не допускающая столь значительного разрыва в уровне оплаты труда, как в США [5, с. 170]. Европейские экономики оказались в меньшей степени затронуты эффектом бурного роста богатства высших слоев населения, который был характерен для США в условиях их либеральной налоговой политики и бума на фондовом рынке в 90-е годы. Кроме того, внутренняя социальная политика европейских государств на протяжении десятилетий способствовала сглаживанию имущественных различий посредством поддержания доходов низкооплачиваемых групп населения на общественно приемлемом уровне.

Так или иначе, затронутые в данной статье проблемы остаются не только дискуссионными, но и по-прежнему остроактуальными, следовательно, в ближайшие годы правомерно ожидать новых интересных исследований мировой динамики социального неравенства.

Литература

1. Глобализация мировой экономики и социально-экономическое неравенство. – Режим доступа: <http://www.ecgb.ru/socialno-ekonomicheskoe-neravenstvo.html>
2. Глобализация усиливает неравенство: Семинар во Всемирном банке. – Режим доступа: <http://www.fastcenter.ru/smenshikov/slovo/smmslovo106.htm>
3. Глобальный экономический кризис порождает новые возможности для дискриминации в сфере труда: Новый глобальный доклад МОТ о равенстве в сфере труда. – 2011. – Режим доступа: <http://www.ilo.org/public/russian/region/eurpro/moscow/news/2011/0516.htm>
4. Грабарь Я. Богач-бедняк: Мир оказался несправедлив. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/economics/17/07/2013/866357.shtml>
5. Иноземцев В.Л. Глобализация и неравенство: Что – причина, что – следствие? // Россия в глобальной политике. – М., 2003. – № 1. – С. 158–175.
6. Рубини Н. Нестабильность неравенства. – Режим доступа: <http://hvylya.org/analytics/economics/13906-nuriel-rubininestabilnost-neravenstva.html>
7. Терборн Г. Глобализация и неравенство: Проблемы концептуализации и объяснения // Социологическое обозрение. – М., 2005. – Т. 4. – № 1. – С. 31–60.
8. Divided We Stand: Why Inequality Keeps Rising. – Mode of access: http://www.oecd.org/document/51/0,3746,en_2649_33933_49147827_1_1_1_1,00.html
9. Global Wage Report 2012/2013: Wages and Equitable Growth. – Mode of access: http://www.ilo.org/global/research/global-reports/global-wage-report/2012/WCMS_194843/lang-en/index.html
10. Growing Unequal?: Income Distribution and Poverty in OECD Countries. – Mode of access: http://www.oecd.org/document/4/0,3343,en_2649_33933_41460917_1_1_1_1,00.html
11. Harjes T. Globalization and Income Inequality: A European Perspective. – Mode of access: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2007/wp07169.pdf>
12. How's Life? Measuring Well-Being. – Mode of access: http://www.oecd.org/document/10/0,3746,en_2649_201185_48791306_1_1_1_1,00.html
13. How's Life? 2013: Measuring Well-Being. – Mode of access: http://www.oecd-library.org/economics/how-s-life-2013_9789264201392-en
14. Jaumont F., Lall S., Papageorgiou C. Rising Income Inequality: Technology or Trade and Financial Globalization? – Washington, 2008. – 36 p. – (IMF Working paper WP/08/185).
15. Milanovich B. More or Less // Finance a. Development. – Washington, DC, 2011. – September. – P. 7–11.
16. OECD. StatExtracts: Gross domestic product (GDP). – Mode of access: <http://stats.oecd.org/index.aspx?queryid=557>
17. Stiglitz J. Progress, what Progress? – Mode of access: http://www.oecdobserver.org/news/fullstory.php/aid/2793/Progress_what_progress_
18. Wage Policies in the Times of Crisis: Global Wage Report 2010/11. Executive Summary. – Mode of access: http://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_149622/lang-en/index.html

А.В. Кива

АРАБСКИЙ УЗЕЛ: КТО ВЫИГРАЛ, КТО ПРОИГРАЛ ОТ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

Кива Алексей Васильевич – доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Феномен «арабской весны» на деле еще мало изучен, не раскрыты все его причины и возможные последствия для арабского ареала и мира в целом. Остается немало загадок и темных пятен в позиции Запада, и прежде всего ведущих стран Евросоюза, по отношению к арабским потрясениям. Вызывает вопросы и позиция России по этому же поводу. Не устоялось даже определение этого феномена: революция, стихийные выступления доведенных до отчаяния масс или буйство безответственной толпы.

Немного истории

17 декабря 2010 г. мелкий уличный торговец из тунисского города Сиди-Бузид Мохаммад Буазизи совершил акт самосожжения в ответ на конфискацию полицейским его тележки с фруктами и овощами. Этот молодой человек был образован, но не мог устроиться на постоянную работу, и уличная торговля помогала выжить не только ему, но и матери и сестрам. И поскольку безработица среди образованной молодежи носила массовый характер, а установленный президентом Туниса Бен Али (Зин аль-Абидин бен Али) авторитарный режим слыл коррумпированным и был бездушным к простым людям, то самосожжение молодого парня привело к социальному взрыву. Сначала на улицы вышла молодежь, а потом к ней стали присоединяться люди разных возрастов и социальных групп. Первое время, как это обычно и происходит в странах с авторитарными режимами, Бен Али пытался справиться с ситуацией силами полиции, но его не поддержала армия и 14 января 2011 г. он бежал в Саудовскую Аравию.

Вслед за Тунисом выступления молодежи буквально через день после бегства Бен Али начались в Египте. Но они уже не были стихийными, тут

сказался демонстрационный эффект, чему сильно содействовал Интернет. Небольшая группа молодежи решила повторить опыт Туниса по отстранению от власти президента и начала активную работу по мобилизации молодежи через Facebook и Twitter. И поскольку причин для недовольства правлением Хосни Мубарака было немало, а перед глазами был первый успех борьбы «низов» против «верхов», то вскоре начатые молодежью выступления приобрели массовый характер. Хосни Мубарак, уверенный в своей популярности в стране, сначала не принял всерьез требования митингующих его отставки и так же, как и Бен Али, хотел силой подавить протестные выступления. Но также не поддержанный армией, 11 февраля 2011 г., т.е. всего через 18 дней после их начала, сложил с себя полномочия президента.

Уже на этом отрезке времени «тунисская зараза», как выражались некоторые авторы, приняла форму эпидемии. Действительно, 14 января 2011 г. начались волнения в Иордании, 17 – в Мавритании, 21 – в Саудовской Аравии, 22 – в Йемене, 26 – в Сирии, 24 февраля – в Алжире. А 20 октября они нашли продолжение в Ливии, потом – в Ираке, Кувейте, Бахрейне, Ливане, Западной Сахаре... Где-то они были быстро подавлены, где-то власти пошли на уступки и они стихли, где-то противостояние между властью и ее противниками приняло затяжной характер, а в отдельных случаях они увенчались успехом, подчас сопоставимым с пирровой победой.

Если конкретизировать, то массовые выступления привели к смене власти только в Тунисе и Египте. В Ливии режим Муамара Каддафи был свергнут при активном участии Франции и Англии и содействии США, в Йемене президент Али Абдалла Салех покинул свой пост в результате достигнутого между властью и оппозицией компромисса при посредничестве США. И только в Сирии продолжается разорительная кровопролитная гражданская война.

О феномене «арабской весны»

Термин «арабская весна» появился в период эйфории в странах Запада в связи с тем, что массовые движения протеста привели к смещению президентов Туниса и Египта и стали быстро распространяться в арабском мире. И политики, и аналитики заговорили о новом этапе в истории арабских стран, о появлении нового поколения, поколения Интернета и борцов за права человека, которое отныне и будет определять судьбу своих стран. Пафосное восприятие событий в арабских странах не обошло стороной и российских аналитиков, включая некоторых известных арабистов. Только израильские политологи скептически относились к происходящим в арабских странах событиям и даже высмеивали иллюзии идеалистов из ЕС. Журналист ИТАР-ТАСС Николай Керженцев писал из Тель-Авива: «В Израиле мало кто верит,

что на Ближнем Востоке возможно появление более или менее зрелых демократий западного типа. Сценарии возникновения республик, которые будут быстро эволюционировать от светского типа к исламскому, местным экспертам кажутся более реалистичными. Один из аргументов в пользу такого развития заключается в том, что парламентаризм в принципе базируется на борьбе не источников силы, а идеологических платформ – с этой точки зрения исламская концепция является наиболее мощной, одновременно удовлетворяя и религиозные, и национальные потребности населения. Кроме того, именно ислам формировал в течение многих веков представления о справедливости, укоренившиеся среди народных масс»¹.

«Революция», «переворот», «протестные движения», «волнения», «бунт», «мятеж», «разгул толпы» – это те слова, которые нередко появлялись в СМИ при описании происходящего в арабских странах. Что на деле в них происходило, осталось непоясненным. Революция, конечно, может вырасти из массовых протестов или смены власти, переворота и пр., если в стране накопилось массовое недовольство существующим порядком вещей и есть политическая сила, у которой имеется ясная цель, программа последующих действий и еще – потенциально мощная социальная опора, как это было у большевиков. С этой точки зрения наибольший интерес представляет Египет – ключевая страна арабского мира.

Заполнившие центральную площадь Каира Тахрир люди из разных социальных слоев представляли собой не какое-то организованное с ясными целями сообщество, а толпу. Большинство из них руководило два мотива: а) существующая власть должна уйти; б) египетский народ хочет иметь демократическое устройство страны, работу, доступ к образованию и медицинскому обслуживанию, одним словом, достойную жизнь. А дальше уже требования шли по частностям: студенты хотели высокой стипендии и университетской автономии, школьники – бесплатных обедов с шоколадом, свои требования выдвигали служащие, рабочие и домохозяйки. О том, как этого добиться, мало кто знал. А те, кто говорили об этом, решение проблемы сводили к возвращению награбленного окружением Мубарака, ликвидации коррупции, установлению более справедливого распределения доходов страны и т.п. И чем дольше длились массовые выступления, тем больше они радикализировались. У них появлялись лидеры, они выдвигали лозунги, которые скандировала толпа.

Психологию толпы хорошо описал французский социолог Густав Ле Бон (1841–1931). Укажу на некоторые характеристики поведения толпы, данные

---

1. Керженцев Н. Ближний Восток после Мубарака. – <http://rodon.org/polit-110218111922>

им в работе «Психология народов и масс»: «Толпы представляют собой скопления людей, которые объединяются вне учреждений и вопреки им на временных основаниях. Одним словом, толпы асоциальны и асоциальным образом сформированы. Они являются результатом временного или непрерывного разложения групп или классов... Толпы безумны... Следуя своему капризу, они сегодня сжигают то, чему вчера поклонялись. Они беспрестанно меняют свои убеждения и превращают события исторического значения в причудливый карнавал или в кровавую бойню, смотря по обстоятельствам»².

Разумеется, с тех пор многое изменилось, и теперь толпа далеко не всегда «чернь», «сброд», деклассированные элементы, как считалось раньше, но верным остается то, что она неустойчива в своих настроениях, требованиях и часто безответственна в действиях. Толпа склонна на пустом месте делать героев и демонизировать в чем-то не безгрешных, но и не кровавых политиков, безмерно преувеличивать свои возможности влиять на ситуацию в стране, но в то же время при определенных условиях может добиться смещения власти и даже падения режима. Корреспондент ИТАР-ТАСС Вячеслав Анчиков из Эль-Кувейта так характеризовал только что свергнутого Хосни Мубарака: «Железный маршал, прославленный летчик, герой Египта, не раз воевавший за свободу своей страны... ушел не по своей воле, хотя всячески пытался сопротивляться такому развитию событий... Арабский мир без Мубарака, вытацившего Египет из глубокой изоляции после подписания Анваром Садатом мирного договора с Израилем, вновь завоевавшего уважение и почет в арабском мире и ставшего его самой значимой фигурой, уже никогда не будет тем арабским миром, каким он был при Мубараке. В арабском мире образовался вакуум на месте Египта, который никакое военное командование, никакой новый президент в ближайшем будущем не заполнят»³.

Причины арабских потрясений

Причины, которые дали жизнь феномену «арабская весна», можно сгруппировать следующим образом: а) местные и специфические; б) глобальные; в) природные.

Причины местные. Местные – это авторитарный тип правления, монополизация власти вплоть до передачи ее от отца к сыну, коррупция, фальсификация выборов, глубокая пропасть между богатыми и бедными, быстрый рост численности населения и безработицы, в том числе образованной молодежи, ограниченные ресурсы и нищета. Все это относится прежде всего к

---

2. Библиотека Гумер – психология. Ле Бон и страх перед толпами. Глава четвертая. – <http://www.gumer.info/bibliotek/buks/psihol/mosk/08.php>

3. Керженцев Н. Ближний Восток после Мубарака.

Йемену, одной из самых бедных арабских стран, и Египту. По первой переписи 1882 г. в Египте проживали 6,8 млн человек, а в 2012 г. – уже 85 млн. В то же время лишь сравнительно узкая полоса земли вдоль Нила, да земли, орошаемые после построенной с помощью СССР Асуанской плотины, пригодны для обработки, не считая оазисов. Отсюда трудно решаемая продовольственная проблема. Но нет и ресурсов для быстрого наращивания промышленного производства. До начала массовых волнений темпы роста экономики Египта составляли около 5% в год, и маловероятно, что они могли бы быть значительно выше при другой власти и другом режиме. Для этого надо было бы ввести планирование семьи, как это сделал Китай, который, в том числе и поэтому, по темпам роста ВВП намного обогнал Индию, хотя в 1950 г. страны находились примерно на одном уровне развития. (Кстати, демографы утверждают, что без планирования семьи население КНР увеличилось бы на 400 млн человек и приблизилось к 2 млрд.) В мусульманской стране планирование семьи дело трудное, но в принципе возможное при умелой политике властей. Во всяком случае в Иране, например, естественный прирост населения ныне существенно снизился до весьма умеренного.

Мощным раздражителем, сыгравшим едва ли не решающую роль в возникновении массовых волнений в арабских странах, стало многолетнее правление в них первых руководителей. Так, Бен Али правил в Тунисе 23 года, Хосни Мубарак в Египте – 30 лет, Али Абдалла Салех в Йемене – 30 лет, Хафез Асад и его сын Башар – соответственно 30 и 13 лет, Муамар Каддафи в Ливии – 42 года. Каддафи ввел в Ливии прямую демократию, и власть была представлена Всеобщим народным конгрессом, который созывался один раз в год, постоянным органом которого был генеральный секретариат. Сам же Каддафи, будучи по факту диктатором, назывался лидером Ливийской революции и был Главнокомандующим вооруженными силами. И никто в Ливии не сомневался, что Каддафи-отца сменит у власти один из его сыновей. Мубарак тоже готовил себе в преемники успевшего прославиться скандальными махинациями младшего сына банкира Гамаль, что вызвало недовольство в генералитете, у которого были свои планы на этот счет, и что стало одной из причин отказа армии в его поддержке. Имидж Мубарака сильно пострадал, когда Гамаль, возглавивший в 2002 г. политбюро правящей Национально-демократической партии, стал продвигать во власть своих друзей, что привело к еще большему разрастанию коррупции и вызывало почти открытое недовольство в народе, особенно после появления слухов, что на президентских выборах 2011 г. Гамаль будет баллотироваться в президенты. Как говорили сами египтяне, Мубарак немало сделал для Египта и многие годы действительно пользовался авторитетом в обществе. Но долгое пребывание во власти вселило в него чувство вседозволенности, притупило восприятие реальности, отдалило от интересов народа.

Что же касается Ливии, то там не было ни массовой нищеты, ни безработицы, и те события, которые начались в Бенгази, главном городе провинции Киренаики, имели свои особенности. Ливия состоит из трех провинций: Триполитании на западе, Киренаики на востоке и Феззама (Феццама) в центральной, в основном пустынной и полупустынной части страны. Лучше других финансировалась Триполитания – родина Каддафи, что вызывало скрытое недовольство жителей Киренаики, которое при первой возможности вышло наружу. А случилось это 15 февраля 2011 г., когда в ответ на арест юриста-правозащитника в Бенгази, начались волнения. Безусловно, сказался и демонстрационный эффект: уже пали авторитарные режимы в Тунисе и Египте. Но Бенгази стал оплотом оппозиции не случайно. Киренаика – родина Идриса ас-Сенуси, внука основателя мусульманского ордена сенуситов и известного борца против колонизаторов, который на учредительном собрании в 1950 г. под именем Идриса I был избран королем Ливии, названной в 1951 г. Соединенное королевство Ливия, конституционной монархии по политическому устройству. Но в 1969 г. капитан Каддафи из бедуинской семьи со своими сообщниками совершил военный переворот, отстранив короля Идриса I от власти. Так как в Ливии сохранилась, пусть и сильно разложившаяся, племенная структура общества, то смещение с трона выходца из Киренаики, тем более из именитого рода безвестным капитаном-бедуином, не могло быть забыто.

Поскольку вокруг Ливии не утихают споры, то следует кое-что уточнить. Во-первых, хотя ливийцы и не голодали, но и не процветали, как это могло бы быть при населении около 6 млн человек и огромных запасах нефти. Рост ВВП составлял в среднем 5%, а на душу населения приходилось около 15 тыс. долл., что не является достижением для страны, имеющей такие запасы нефти. Опыт Объединенных Арабских Эмиратов и некоторых других богатых углеводородами стран показывает, что при разумном использовании нефтедолларов можно достигнуть куда больших успехов в обустройстве страны и качестве жизни граждан. Но Каддафи как раз этого добиться и не смог. Им овладела мания величия, мания миссионера, и он стремился объединяться с более крупными арабскими государствами, распространять в мире влияние «Социалистической Народной Арабской Джамахирии»⁴, как им была названа Ливия. Это вытекало из его «Зеленой книги», в которой излагалась «Третья Всемирная Теория». Поэтому много средств уходило на поддержку «революционеров» едва ли не во всем мире: в Палестине, Уганде, Северной Ирландии, Марокко, Судане, Анголе, Мозамбике, Испании, Колумбии, Турции, на Филиппинах.

---

4. «Джамахирия» (араб.) – власть народа.

Но еще больше средств расходовалось на закупку в невероятно больших масштабах для маленькой страны вооружения и содержание многочисленных силовых структур. Он даже хотел обзавестись ядерным оружием. Причем единой армии, как в других странах, в Ливии не было. Каддафи, очевидно, исходя из идеи «вооруженного народа», создавал много «армий» (бригады революционной гвардии в основном из племенных групп, гвардия масс, революционные комитеты обороны, пограничная стража, пустынная стража, интернациональные батальоны, африканские батальоны, арабские батальоны, женский батальон). Поэтому не было и военной силы, которая могла бы заставить Каддафи уйти в отставку, как это имело место в Тунисе и Египте. Тем более что элитными частями командовали его сыновья. Без вооруженного вмешательства извне созданный Каддафи режим, вероятнее всего, существовал бы и по сей день.

Во-вторых, своим вызывающим и непредсказуемым поведением Каддафи настроил против себя едва ли не весь арабский мир, а действиями, которые расцениваются как преступления против человечности, нажил себе врагов на Западе. Ливия была превращена в один из мировых центров подготовки террористов, которых, разумеется, называли революционерами. Среди организованных ливийскими спецслужбами терактов – взрыв в 1986 г. дискотеки в Западном Берлине, которую часто посещали американские военнослужащие, в результате чего погибли или были ранены 250 человек; взрыв пассажирского самолета американской компании «Панамерикан» над небом Шотландии в 1988 г., когда погибли 270 человек; взрыв французского лайнера в 1989 г., жертвами которого стали 170 человек.

Запад принял против Ливии жесткие экономические санкции, что сильно затруднило ее развитие и в конечном итоге заставило Каддафи изменить свою политику. Он отказался от террористической деятельности, от создания оружия массового поражения, ликвидировал лагеря подготовки «революционеров». Более того, согласился выплатить огромную компенсацию в 2,7 млрд долл. семьям тех, кто погиб при взрыве американского лайнера, и 33 млн долл. – семьям погибших в результате взрыва французского самолета. Казалось, что уже была перевернута черная страница в отношениях между Ливией и Западом. С Ливии были сняты международные санкции, и Каддафи мог свободно ездить по миру, бывать в столицах западных стран и даже фотографироваться с их первыми лицами. Однако возмездие оказалось лишь отсроченным и в конечном итоге настигло его...

Причины местные: Сирия. Случай Сирии характерен тем, что там борьба власти и оппозиции приобрела особую ожесточенность. На момент написания данной статьи около 100 тыс. человек погибли, не менее 1 млн человек бежали в соседние страны, несколько миллионов сирийцев покинули свои родные места и переместились в районы Сирии, где пока не идут бои.

Разрушен основной промышленный центр страны город Алеппо, стране уже нанесен ущерб в пределах 80–100 млрд долл., бедствия постигли практически весь сирийский народ. Но почему именно в Сирии выступления масс против авторитарного правления отца и сына Асада переросли в полномасштабную гражданскую войну, обернувшись таким кровопролитием и разрушением и такими труднопреодолимыми препятствиями на пути достижения мира? На то есть много причин.

Сирия, как в свое время Египет и Ирак, была страной со светским режимом, провозгласившим ориентацию на социализм («арабский социализм») и тесно сотрудничавшим с Советским Союзом. В Сирии и Ираке правили «партии арабского социалистического возрождения», сокращенно – ПАСВ, или по-арабски БААС. Первые лица двух государств были и генеральными секретарями партий. Многие молодые люди этих стран, но больше всего сирийцы, получили образование в СССР, мы им поставляли военную технику, а их офицеры и генералы учились или стажировались в наших военных академиях, включая Академию генерального штаба.

Однако так случилось, что США сумели вытеснить СССР из Египта, а Ирак по трудно объяснимой логике Саддама Хусейна сначала ввязался в войну с Ираном, а затем оккупировал богатый нефтью Кувейт, но получил отпор со стороны вооруженных сил США и их союзников. Это во многом и облегчило президенту США Бушу-младшему под надуманным предлогом создать коалицию государств, вооруженные силы которых оккупировали Ирак. В результате тесные связи у нашей страны сохранились только с Сирией, они не прекращались и после распада СССР. При этом появилось много смешанных браков, немало вышедших замуж за сирийцев россиянок уехали на постоянное жительство в Сирию. Сирийский порт Тартус является пунктом материально-технического обеспечения ВМС России (ПМТО), куда могут заходить наши военные корабли, чтобы при необходимости произвести ремонт, пополнить запасы продовольствия, питьевой воды и т.д. Другие же ПМТО в акватории Средиземного моря (в Сомали, Эфиопии и Южном Йемене) мы потеряли еще в годы СССР.

Свои партии баасисты строили по типу КПСС, у нас же они позаимствовали и пожизненное правление первых лиц и даже пошли дальше – ввели принцип наследования власти, как в Северной Корее. В Сирии после смерти Хафеза Асада в 2000 г., который пришел к власти в 1970 г. в результате военного переворота, президентом стал его сын – окулист по образованию – Башар, хотя отец готовил себе в преемники старшего сына Баселя, но он погиб в автомобильной катастрофе. Еще при жизни отца у Башара было время, чтобы пройти политическую и военную школу, получить высокие военные звания, занять ответственные посты. Став президентом, он пытался либерализо-

вать режим, но дело не очень пошло, и режим чрезвычайного положения как был, так и остался.

Заслугой Хафеза Асада было то, что в течение 30-летнего правления он сумел стабилизировать обстановку в стране, в которой до этого часто происходили перевороты и контрперевороты. Нормально развивалась и экономика. Но уязвимой его стороной, как и его сына Башара, было происхождение из алавитской общины шиитской ветви, насчитывающей всего 10–12% населения, в то время как сунниты составляют более 70% населения. То, что Башар Асад женат на выросшей в Англии суннитке знатного рода, не меняет ситуацию, поскольку алавитская община занимает ключевое положение во власти, в армии и т.д.

О внутрисирийских конфессиональных отношениях верно говорится в статье на сайте «Ladno.ru» в Интернете: «Суннитские и шиитские ортодоксы считают алавитов еретиками из-за того, что те отходят от общепринятых норм ислама: верили в переселение душ, сохранили культ солнца, звезд и луны, кроме того, обожествляли Иисуса, праздновали христианские Рождество и Пасху, а во время богослужения причащались хлебом и вином и читали Евангелие... (И тем не менее в Тегеране алавитов считают шиитами, активно их поддерживают и сирийские алавиты отвечают им тем же. – А.К.) При отце Башара Асада армию и спецслужбы контролировали члены алавитской общины, а представители других направлений ислама занимали лишь хозяйственные посты. О “неправильной”, с точки зрения “чистого” ислама, религиозной принадлежности президента постоянно напоминали населению Сирии лидеры экстремистской организации “Братья-мусульмане”, действовавшей в стране на протяжении многих десятилетий»⁵.

В 1982 г. сирийская армия по приказу Хафеза Асада после месячной осады взяла штурмом третий по величине в Сирии город Хама, в котором находился главный центр радикальных исламистов. Тогда погибли, по разным оценкам, от 20 до 40 тыс. людей, и неслучайно оплотом оппозиции стал этот город, а также Алеппо, Дераа, ряд районов Дамаска и некоторые другие населенные пункты, где проживают преимущественно сунниты. Хочу, однако, особо подчеркнуть: в течение многих лет религиозный фактор не играл решающей роли в Сирии и Ираке, хотя движение «Братья-мусульмане» возникло еще в 1928 г. Ситуация изменилась после «ренессанса ислама» в связи с победой исламской революции в Иране, краха идеи панарабизма и «арабского социализма» и после распада СССР.

Но ситуацию в Сирии не понять без учета некоторых других факторов, и в первую очередь арабо-израильского противостояния. В 1978 г. в residen-

---

5. Асад Башар: биография. – <http://www.ladno.ru/person/asad/bio>

ции президента США Кэмп-Дэвиде состоялось заключение израильско-египетского мирного договора. С исторической точки зрения это было победой здравого смысла над слепой враждой, однако договор осуждался многими в арабском мире, да и в СССР. Сирия же оставалась на старых позициях противостояния с Израилем и решила в создавшихся условиях сблизиться с шиитским Ираном. Но тем самым она настроила против себя арабские страны, в большинстве из которых население исповедует суннизм. Помимо прочего, между Ираном и Саудовской Аравией идет постоянная борьба за доминирование в регионе.

Башару Асаду, конечно, не хватило таланта отца и политического опыта, чтобы не дать перерасти движению протеста в гражданскую войну. Первые антиправительственные демонстрации начались 26 января 2011 г., но массовый характер с требованием отставки президента и его правительства они приобрели 15 марта. Ответ был стандартным для арабских авторитарных режимов: подавить силой протестные выступления. В ответ противники Асада стали вооружаться. Трудно сказать, кто ему подсказал идею называть оппозицию бандитами, иностранными наемниками и пр. Это фактически загнало ситуацию в тупик, поскольку с бандитами не о чем договариваться.

Причины глобальные. Во-первых, это мировой финансовый экономический кризис, который сильно ударил не только по целому ряду стран Евросоюза, как, например, Греция, Португалия, Испания, но и по развивающимся странам. Так, в результате сокращения поступлений от туризма и снижения экономической активности выросла безработица, ухудшились условия жизни наименее обеспеченных людей в Тунисе. В Египте во многом по этой же причине на 20% сократились доходы в государственный бюджет, что привело к постепенной отмене субсидий на продукты питания. И как справедливо ни перераспределяй общественный продукт, при объеме ВВП в 236 млрд долл. по номинальному курсу и 500 млрд долл. по паритету покупательной способности (по данным на 2011 г.), обеспечить приемлемый жизненный уровень большинства граждан невозможно.

Во-вторых, глобализация и развитие современных средств коммуникаций привели к тому, что мир становится поистине единым и неделимым. Массовые выступления в странах арабского мира по большому счету стали продолжением массовых выступлений «возмущенных» в США и странах ЕС. Разница только в том, что в демократических странах выплеснувшее на улицы недовольство масс властями снимается в ходе очередных или внеочередных выборов. В странах же с диктаторскими и авторитарными режимами такой возможности практически нет, а фиктивные выборы всегда заканчиваются «победой» действующей власти. Достаточно сказать, что на последних президентских выборах (до начала массовых протестных выступлений) Бен

Али, Хосни Мубарак и Башар Асад получили чуть ли не 100%-ную «поддержку» избирателей.

Причины природного характера. Некоторые авторы считают, что ситуацию в Сирии резко усугубила засуха, продолжавшаяся четыре сезона подряд – с 2006 по 2010 г. как следствие потепления на Земле. Как утверждает, Мировой банк еще в 2001 г. рекомендовал руководству Сирии более экономно расходовать воду при ограниченных ее ресурсах и учащении засушливых сезонов в стране. И в частности, прекратить выращивание хлопка и других водоемких культур. Но этого не произошло. Более того, используя выгодную конъюнктуру на мировом рынке, сирийские власти в 2005 г. продали большую часть стратегических запасов пшеницы. Но в условиях наступившей сильной засухи снизились урожаи, произошла потеря скота и стала остро ощущаться нехватка воды. Как следствие, крестьяне, особенно северо-восточных районов, стали бросать насиженные места и перебираться в южные районы страны. Сирия из экспортера пшеницы превращалась в ее импортера, и возникали трудности на продовольственном рынке. Как пишет один из наблюдателей, «после начала и усугубления засухи, временные поселения из пострадавших регионов стали появляться на окраинах Дамаска, Хамы, Хомса, Алеппо, Дераа. Последний город был одним из центров волнений во время первого этапа восстания в марте 2011 г. Миграция населения усугубила экономические проблемы, которые, в частности, были созданы появлением почти двух миллионов беженцев из соседних стран – Ирака и Палестины... Детальное исследование расположения ранних очагов восстания показывает, что его первые очаги возникли именно в наиболее пострадавших от засухи регионах»⁶.

Что дала «арабская весна» ее «победителям»

Поскольку принято считать, что революции произошли только в Тунисе и Египте, то с них и начнем. В Тунисе, как и предсказывали израильские аналитики, к власти пришла запрещенная при прежних режимах исламская партия «Ан-Нахда» («Возрождение»). Это партия умеренного ислама, ассоциирующая себя с правящей в Турции «Партией справедливости и развития», которую возглавляет премьер-министр Реджеп Тайип Эрдоган. Вот только многие участники массовых выступлений вместо того, чтобы реформировать страну в духе провозглашаемых ими лозунгов, устремились в страны ЕС, где несравнимо более высокий жизненный уровень. Вместе с тем массовые

---

6. Shahrzad Mohtadi. *Война в Сирии – изменение климата как одна из причин восстания*. – http://energysafe.ru/enviroment/climate_change/1000/

выступления в Тунисе время от времени возникают и направлены уже против вновь избранной власти.

Под влиянием «революции» в Тунисе в феврале 2011 г. начались митинги в Марокко, участники которых требовали ограничения полномочий короля в пользу правительства. Мудрый король Мохаммед VI пошел митингующим на уступки и в духе требований манифестантов провел конституционную реформу. И на парламентских выборах в ноябре 2011 г. победила оппозиционная партия «Исламское правосудие и развитие». Это тоже партия умеренного ислама. Идеи тунисской «революции» были подхвачены и в соседнем Алжире, но не получили широкой поддержки, поскольку Алжир прошел через кровопролитную гражданскую войну (1991–2002), которую создала еще в условиях борьбы с французскими колонизаторами армия – Фронт национального освобождения – вела против исламистов Фронта национального спасения и в конечном итоге победила. А причиной или, скорее, поводом стала отмена результатов первых в истории страны демократических выборов, в которых уже в первом туре побеждали исламисты. Глубинной же причиной, помимо коррупции и казнокрадства, стало резкое ухудшение социального положения большинства алжирцев в результате допущенных властями грубых ошибок в экономическом строительстве, в приоритетах расходования государственных средств, притом, что страна имела большие доходы от экспорта углеводородов.

Но поистине драматический характер приняло развитие событий в Египте после отстранения Мубарака от власти. Генералы, как у нас принято выражаться, «сдали» президента, в том числе и потому, что надо было выпустить пар из перегретого «общественного котла». Власть в стране перешла в руки Высшего Совета вооруженных сил во главе с министром обороны маршалом Хусейном Тантауи. Армии тогда доверяли и «революционеры». Но вскоре настроения участников демонстраций изменились, и они стали требовать отмены чрезвычайного положения, которое было введено после убийства мусульманскими экстремистами президента Анвара Садата в 1981 г., и скорейшего проведения парламентских и президентских выборов и передачи военными власти в руки гражданских лиц. Эти требования, которые активно поддерживались деятелями Евросоюза, сопровождались все более резкой критикой правления военных.

В январе 2012 г. чрезвычайное положение было отменено, и вскоре состоялись многоступенчатые парламентские выборы. «Революционеры», создавшие коалицию политических партий «Египетский блок», вместе с либеральной партией «Новый Вафд» по партийным спискам получили 9% голосов избирателей, в то время как созданная в апреле 2011 г. «Братьями-мусульманами» Партия свободы и справедливости – 47%, а партия салафитов «Ан-Нур» – 24% голосов. Это был полный провал светских партий.

Стало очевидным, что исламисты выиграют и президентские выборы. Движение «Братья-мусульмане» вначале решило выдвинуть единственным кандидатом в президенты исламиста Хайрат эль-Шатера, который подвергался многократному тюремному заключению за свою экстремистскую деятельность и вышел из тюрьмы только после отстранения Мубарака от власти. Он открыто заявил, что если выиграет выборы, то первой и последней его целью станет введение шариата. Но нашлись причины, по которым его не допустили к участию в президентских выборах, и кандидатом в президенты от «Братьев-мусульман» стал Мохаммед Мурси. Инженер по образованию, он занимался преподавательской деятельностью, защитил докторскую диссертацию в США и какое-то время преподавал в Калифорнийском государственном университете. Но в 1985 г. вернулся в Египет и продолжил преподавательскую деятельность в одном из провинциальных университетов. С 2000 по 2005 г. он даже был членом парламента как независимый депутат, хотя на деле уже был связан с «Братьями-мусульманами». Личность неяркая и, судя по его действиям, несамостоятельная. Он тут же выполнил требования «Братьев-мусульман» и ввел шариат, что сразу же настроило против него не только светскую оппозицию, но и многих далеких от политики египтян, давно привыкших жить в светском государстве. Мурси также снял с постов министра обороны и начальника генерального штаба, назначив на их место мало известных генералов. Значение этого факта многими аналитиками преувеличивалось.

Поскольку и парламентские, и президентские выборы в Египте были открытыми и честными, то и в США, и в Евросоюзе его приняли как законного президента, с которым надо строить нормальные отношения. Но за годы волнений социально-экономическое положение страны ухудшилось. Уменьшился торговый оборот, упали доходы от туризма, сократились денежные переводы от египтян, работающих в других странах, в частности в Ливии. И если в этих условиях Египту не помогать, то нельзя будет влиять и на политику новых властей, а в итоге власть может перейти к исламским экстремистам. Поэтому США планировали продолжать оказывать помощь Египту (при Мубараке она составляла 1,5 млрд долл. в год), МВФ был готов предоставить Египту кредит, а страны БРИКС пригласили М. Мурси в качестве наблюдателя на свой саммит, проходивший в ЮАР в марте 2013 г.

Но светские силы не смирились с мерами по исламизации страны, и опять в Каире и других крупных городах площади заполнились протестующими, которые требовали ухода с поста президента Мурси. Протесты приняли постоянный и затяжной характер, появилось немало сторонников Мурси, между ними начались стычки, что потребовало вмешательства полиции. Агрессивность толпы с той и с другой стороны нарастала, резко выросли гра-

бежи, изнасилования женщин, и жизнь людей в примыкающих к центру городов районов превращалась в сплошной кошмар.

Поскольку жизнь египтян при правлении исламистов становилась все хуже, то падало и их влияние. Еще недавно многим наблюдателям казалось, что армия уже не сможет вернуться к власти потому, что и ее имидж сильно подпортили коррупцией и казнокрадством генералы, и ее личный состав подвергся исламизации по типу того, как это происходило в Иране в период шиитской революции. И тем не менее 3 июля 2013 г. армия совершила государственный переворот, подвергла аресту М. Мурси и главарей «Братьев-мусульман», но формально не стала брать в руки власть, а назначила временно исполняющим обязанности президента гражданского человека, председателя Конституционного суда Египта Адли Мансура. Мурси и ряд видных деятелей движения «Братьев-мусульман» были обвинены в заговоре и должны предстать перед судом. В ответ исламисты стали устраивать митинги протеста, которые по своей агрессивности поначалу не уступали тем, которые проводились до этого.

Парадоксальным образом их устремления совпали с позицией деятелей Евросоюза, которые настойчиво стали требовать немедленно восстановить власть президента Мурси. Вряд ли они представляли себе последствия такого шага.

Позиция американской администрации была иной. Президент Барак Обама лишь ссылаясь на то, что США не могут оказывать Египту помощь, потому что по американским законам ее нельзя предоставлять странам, в которых свержается законная власть. Но позже Обама выразился в том смысле, что Египет для США по-прежнему является важным партнером, и стало быть, может рассчитывать на американскую помощь.

В чем ошибки борцов против диктаторских и авторитарных режимов, что так отчетливо высветились, в частности, и в Египте? Во-первых, в том, что они на деле не понимают, что демократия есть правление большинства при уважении прав меньшинства. Во-вторых, они плохо знают, чем живет собственный народ, полагая, что он больше заинтересован в демократии, чем в улучшении нищенских условий своего существования. В-третьих, они безмерно преувеличивают свои силы и свое влияние в обществе. В-четвертых, они неверно оценивают с кем надо не воевать, а сотрудничать. Как представляется, надо было не добиваться запрета правящей Национально-демократической партии Египта (НДПЕ), входившей в Социнтерн и уже поэтому подверженной влиянию международных демократических сил, а добиваться изменения ее политики. Притом что в НДПЕ было левое крыло, которое могло бы стать основой для создания новой партии, отражающей интересы светской оппозиции. А требование ухода с политической сцены армии, которая была гарантом светского режима, стало бы целесообразным тогда, когда

светская оппозиция уже перетянула на свою сторону симпатии если и не большинства, то немалой части избирателей.

Выиграл ли Запад и те страны, которые в той или иной мере помогали власти или оппозиции? Франция, очень активно помогавшая оппозиции в ликвидации М. Каддафи, скорее проиграла, чем выиграла. Каддафи решительно пресекал деятельность радикальных исламистов и с помощью своих военизированных «пустынной стражи», «пограничной стражи», племенных вооруженных формирований контролировал огромные районы пустыни Сахара и закрывал им туда путь на большой по протяженности границе. Как писала «Комсомольская правда», «смерть ливийского лидера Муамара Каддафи вывела регион из равновесия, и теперь кочевники-туареги, объединившись с “Аль-Каидой”, воюют с правительственными войсками Мали и французским спецназом»⁷.

Британия если и не проиграла, то и не укрепила свои позиции в странах «арабской весны».

Пока ливийцы живут в условиях не столько свободы и демократии, сколько анархии и насилия, в том числе и со стороны бывших борцов с режимом Каддафи, среди которых было немало исламистов.

США потеряли своего надежного союзника в лице Х. Мубарака и генералитета, который последние десятилетия пополнялся за счет получающих образование в американских военных училищах и академиях. А как будет дальше развиваться ситуация в Египте, никто точно не может сказать. Но США сумели сохранить свои позиции в Бахрейне, где находится штаб 5-го флота американских военно-морских сил. С помощью вооруженного персонала Саудовской Аравии было подавлено выступление шиитов, составляющих 70% населения страны и требующих равных прав с суннитами. Опасность для США состояла в том, что шииты Бахрейна тяготеют к тесным связям с Ираном, который считает эту страну своей потерянной провинцией. Вашингтон, как уже говорилось выше, активно способствовал окончанию гражданской войны в Йемене, сильно замешанной на племенных противоречиях, понимая, какое важное геостратегическое значение имеет эта страна, к тому же ставшая объектом вооруженного давления со стороны «Аль-Каиды».

С тревожным ожиданием следил за развитием ситуации в арабских странах Израиль. Режим Б. Асада, хотя и поддерживал тесные связи с Ираном, бывший президент которого Ахмадинежад грозился уничтожить еврейское государство, был все же предсказуем. Какой режим придет ему на смену в случае падения власти в Дамаске, можно было только гадать. А победа исла-

---

7. Асламова Д. Прикончив Каддафи, Европа пожала в Африке бурю. – *Комсомольская правда* 27.02.2012.

мистов в Египте ничего хорошего не сулила Израилю, и израильтяне наверняка с облегчением встретили их поражение.

Одно время казалось, что «арабская весна» была на руку Турции, которая в последние годы быстро развивалась и становилась не только в военном, но и экономическом отношении сильной региональной державой. Естественно, она приветствовала приход к власти в Египте «Братьев-мусульман» и была одним из инициаторов военного вмешательства Запада в гражданскую войну в Сирии на стороне противников Б. Асада. Как потому, что непрекращающийся приток беженцев из Сирии создает немалые трудности для Турции, так и потому, что, очевидно, Анкара надеялась, что победу в конце концов одержат сунниты, среди которых сильно влияние «Братьев-мусульман». Но неожиданно в самой Турции начались антиправительственные выступления, и светская оппозиция стала обвинять премьера Эрдогана в попытках исламизации страны, которая, по конституции, является светским государством. Помимо трудно решаемой курдской проблемы, примерно 10% населения Турции исповедуют шиизм, и какая-то часть шиитов, скорее всего, сочувствует алавитам Сирии.

Что касается России, то «арабская весна» принесла ей, скорее, потери, чем выгоды. Когда на заседании Совета Безопасности ООН встал вопрос о создании бесполетной зоны над Ливией, дабы не разрасталось число жертв, то позиция России воздержаться при голосовании и тем самым не блокировать принятие резолюции была согласована с постоянными и непостоянными членами Совбеза ООН странами БРИКС – Китаем, Индией и Бразилией, к которым присоединилась и Германия. С российской стороны это было решение президента Медведева и, на мой взгляд, оно было оптимальным: оно не закрывало России путь к сотрудничеству с Ливией как при победе «каддафистов», так и при победе повстанцев. Но потом наша дипломатия стала осуждать принятую ООН резолюцию. В результате, списав богатой нефтью Ливии при правлении Каддафи долг в 4,5 млрд долл. в расчете на выгодные поставки вооружения и доступ к газовым и нефтяным месторождениям, мы для нового режима не стали приоритетной страной.

Что касается Сирии, то мы можем повторить ту же ошибку, что и в отношении Ливии. Поставляя оружие режиму Б. Асада, мы невольно занимаем его сторону и противопоставляем себя оппозиции. Да, у нас давние и широкие связи с нынешней властью, и мы хотели бы сохранить в этой стране наши национальные интересы. В случае падения режима Асада к власти могут прийти исламисты, которые начнут репрессировать национальные меньшинства, включая христиан, поддерживающих власть в Дамаске. Не говоря о том, что более 10 млрд долл. долга мы уже по большей части списали как бы в обмен на доступ наших компаний к добыче углеводородов. Вопрос только в том, что борьба в Сирии все больше приобретает межконфессиональный

характер и может ли при этих обстоятельствах надолго сохранить власть небольшая община алавитов? На этот вопрос в данный момент вряд ли можно ответить.

Хотя еще рано подводить итоги о влиянии «арабской весны» на арабские страны и мир в целом, некоторые выводы все же сделать можно. Во-первых, была развенчана практика правителей пожизненной власти и передача ее по наследству в странах, считающихся республиками. А такое было возможно только в условиях авторитарных режимов, имитационной демократии, фальсификации результатов выборов и вело к коррупции, деградации системы государственного управления, отрыву властей от народа. Во-вторых, разрушен складывавшийся веками стереотип неизбежного подчинения «низов» «верхам». В арабских странах в послевоенный период случалось немало революционных перемен, но это были либо «верхушечные революции», либо революции, совершаемые армией под руководством офицеров. Отличительной же чертой «арабской весны» явилось то, что падение автократических режимов происходило под давлением «человека с улицы», т.е. «революций снизу».

А.В. Михалев

**«МЯГКАЯ СИЛА» СОВРЕМЕННОЙ МОНГОЛИИ
И ПРИГРАНИЧНЫЕ РЕГИОНЫ РОССИИ**

Михалев Алексей Викторович – кандидат исторических наук,
докторант кафедры истории, археологии и этнографии
Бурятского государственного университета (Улан-Удэ).

Современная Монголия – это государство, активно развивающееся благодаря открытой экономике и иностранным инвестициям в ее горнодобывающую отрасль¹. Начиная с 2012 г., она демонстрирует стабильный прирост ВВП, достигающий 14% в год. Являясь геополитически зажатой между Россией и Китаем, она не имеет выхода к морским тихоокеанским портам, а следовательно, и на мировой рынок. Однако на уровне политических взаимоотношений дело обстоит иначе. Начиная с 2000-х годов, Монголия в рамках сотрудничества с НАТО разместила свои контингенты в Афганистане, Сьерра-Леоне и Ираке. Все это дало основание ряду западных экспертов говорить о том, что Монголия в перспективе может стать важным центром, на который будут ориентироваться страны Центральной Азии. Как утверждает американский исследователь А. Кэмпби: «Монголия имеет все шансы стать лидером в Центральной Азии. Эталоном демократии. Она может стать ключевым связующим звеном между Востоком и Западом, возрождая Великий Шелковый Путь» [10, с. 4].

Сегодня Монголия активно формирует свой положительный образ в мире, что находит соответствующий отклик в приграничных регионах России, связанных с ней общностью истории и культуры. Позитивный образ Монголии способствует более тесному региональному экономическому сотрудничеству, в котором она стремится получить экспортные привилегии на регио-

---

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного исследовательского проекта РГНФ («Большая игра» в современной Внутренней Азии: Проблемы нестабильности и безопасности в регионе), проект № 12-03-00007.

нальных рынках России, а историко-культурную общность использует для решения демографических проблем. Эта тема остается все еще малоизученной, несмотря на достаточно большое количество опубликованных работ. На протяжении последних 20 лет в политологической литературе Монголия чаще всего рассматривалась как объект влияния мировых держав. В первую очередь, это исследования Б.В. Базарова [2], А.С. Бреславского [3], А.С. Железнякова [5], Н.И. Карбаинова [4], С.Г. Лузянина [6], В.А. Родионова [8].

В данном исследовании предпринимается попытка рассмотреть основы «мягкой силы» Монголии в контексте региональных отношений с Россией. Работа опирается на материалы социологического исследования, проводившегося на базе Бурятского госуниверситета в 2006 г. «Бурятия и Монголия: Образы геокультуры в региональном дискурсе» [7].

«Мягкая сила» и постпанмонгольский дискурс

В период советского присутствия почти любое взаимодействие Монголии и приграничных с ней регионов СССР, выходящее за рамки идеологии и практики социалистического содружества, рассматривалось через призму панмонголизма². К концу 1980-х годов идеи общности монгольских народов и стремления создать некую общность «Великая Монголия» стали выглядеть политическим оксюмороном. В новых экономических условиях, возникших после распада СССР и ухода России из его зоны влияния, Монголия стала развиваться в рамках модели либеральной демократии, постепенно теряя связи с приграничными российскими регионами. В итоге место бывшего СССР в ее экономике занял активно развивающийся Китай, а в политике таким партнером стали США.

В начале 2000-х годов Россия стала предпринимать активные попытки «возвращения» на монгольские рынки и к более тесному стратегическому партнерству. В результате этого упрочились связи на региональном уровне. Хотя в Монголии конца 2000-х годов сохранялся низкий уровень жизни (средний заработок в стране составил 300 долл. в месяц – существенно меньше среднесибирского показателя в 500 долл.), экономические успехи Улан-Батора стали привлекать внимание в приграничных регионах России (на Алтае, в Бурятии и Туве). Улан-Батор постепенно стал приобретать статус туристического центра, сумевшего сформировать облик столицы «кочевой демократии».

---

2. Под этим термином зачастую понимались любые попытки поиска общемонгольского единства. В 1937 г. НКВД «раскрыло» в Бурятии «панмонгольский заговор», были расстреляны несколько десятков тысяч человек.

Более того, Монголия стала выступать как исторический центр демократии в регионе. Дж. Буш, говоря о монголо-американском сотрудничестве, назвал Монголию «бастионом демократии в Северной Азии»³. Генеалогию этого явления принято выводить со времен Великого курултая, избравшего Темучжина великим ханом, который получил имя Чингисхан. Был разработан образ родины Чингисхана и аутентичной номадной цивилизации, в основе которой лежат скотоводство, буддизм и демократия. Эти три составляющие определили содержание постпанмонгольского дискурса, выражающего новые региональные амбиции Улан-Батора. Претендуя стать центром демократического движения в Центральной Азии, Монголия активно выступает с идеей открытого общества. Однако эта ситуация осложняется ростом ксенофобских настроений в столице страны, что портит ее благоприятный образ за рубежом.

Кочевая цивилизация

Концепт кочевой цивилизации принадлежит А.Дж. Тойнби [9, с. 190], рассматривавшего данный тип цивилизации в числе так называемых «задержанных цивилизаций», фактически отказывая им в творческом начале. Впоследствии эти идеи были развиты другими европейскими и монгольскими учеными, и термин утратил негативный смысл. Сегодня кочевая цивилизация – это уникальный способ существования человека, а также особая культура и философия, основанная на бережном отношении человека к природе и противопоставляемая аграрному и индустриальному миру. Ядром данной цивилизации принято считать Монголию. Российские субъекты Тува и Бурятия являются в данной концепции периферией, утратившей изначальные коды, поэтому активно их восстанавливающей [1]. В этих условиях происходит экспорт идей кочевой цивилизации из Монголии как некоего особого уклада, характерного для всех монгольских и тюркских народов. В основе концепции кочевой цивилизации философия тенгрианства – почитание неба. Нарратив тенгрианства прослеживается в большинстве публикаций в региональных СМИ, транслирующих идеи монгольской кочевой цивилизации: «Жить по законам неба – значит жить в гармонии с природой. Это непреложный закон степняков... Стремление нанести минимальный ущерб природе выражается как в психологии монголов, так и в способах вести домашнее хозяйство, а также в рационе народной кухни... Лес в Монголии не подвергается столь варварскому уничтожению, как у нас, по вине двуногих хищников... В Монголии развита охота на волков... Тем не менее прагматизм у монголов соче-

---

3. Буш ездил в Монголию проведать лошадь Рамсфельда // [Электронный ресурс] / Режим доступа: news.flexcom.ru/world/2005/11/22/141265/

тается поразительным образом с бережным почитанием культа волков как мифических небесных псов, благородных, сильных, беспощадных к предателям, признающих волю вожаков»⁴.

Данные идеи напрямую заимствованы или перекликаются с теориями Л.Н. Гумилёва и евразийцев, но в преломлении к кочевой цивилизации. С другой стороны, тенгрианство является особой формой неогегельянства. В этой модели Вечное Синее Небо обладает всеми атрибутами мирового духа и находит свое воплощение в скотоводческой экономике и особой культуре. Эта культура связана с культом Чингисхана, средневековых воинов, почитанием волков и коней. Публичный дискурс приграничных субъектов России заимствует данные художественные образы из Монголии. Однако подчеркнем, что идеи кочевой цивилизации хорошо осваиваются в России не только в силу исторических корней, но и потому, что некоторые ее философские основания были разработаны отечественными мыслителями Л.Н. Гумилёвым и Н.К. Рерихом.

Распространение идей кочевой цивилизации позволяет Монголии быть центром притяжения, ориентиром для Тувы и Бурятии. Речь идет прежде всего о национальной элите данных субъектов Российской Федерации, ориентирующихся на ценности кочевой культуры. Монголия сохраняет привлекательность в глазах этой элиты, несмотря на партнерские отношения Улан-Батора и НАТО, а также давление на российские предприятия, находящиеся на ее территории.

Цивилизационный код был де-факто сформулирован в последнее 20-летие XX в., однако оказался вполне востребованным инструментом современной политической жизни. При этом даже та часть СМИ, которая не склонна оперировать новым лексиконом кочевничества, зачастую ссылается на специфический характер жителей степи. Он подразумевает открытость, дружелюбие, гостеприимство и наивность: «...и в центре страны, в Гоби, случается по 200 км людей не встретишь. Потому и сердечны встречи людей.... Но бесспорный вывод – люди везде предобрейшие, отменно гостеприимные. Главная пословица в Монголии: “Мой дом – твой дом”»⁵. Данные категории чаще всего воспроизводятся в прессе и формируют образ страны, который способствует ее туристической привлекательности и экспортируется в страны Запада. Путевые заметки современных европейских путешественников, как правило, находятся под влиянием идей кочевой цивилизации.

---

4. Хамаганова Д. «Благословенный край Монголия» // «Номер один» от 18 августа 2004 г.

5. Гончаров Г. Неведомая Монголия // [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://veter.turizm.ru/49/nevedom.shtml>

Демократия

Демократия стала основным атрибутом Монголии, наряду с кочевой цивилизацией и буддизмом. Презентация себя как наиболее демократичного государства в регионе является едва ли не основой современной внешнеполитической доктрины Монголии. Эти идеи активно поддерживаются западными политологами, рассматривающими Монголию как оплот демократии, зажатый между двумя авторитарными гигантами: Россией и Китаем (островок демократии в море авторитаризма⁶). В этом духе высказывалась госсекретарь США Хилари Клинтон во время своего визита в Улан-Батор в 2012 г.⁷.

На уровне повседневности демократия связывается с кочевым наследием и идеей курултая (племенных советов) эпохи Средневековья. Современная Монголия выступает как исторический преемник Великого монгольского государства времен Чингисхана, а сам Чингисхан выступает как основатель монгольской демократии. Эти идеи транслируются в российских региональных СМИ: «Чингисхан объединил всех монголов, а когда можно будет ждать нормальной помощи от нынешнего монгольского государства?! Могли бы хоть школу монгольскую в Бурятии финансировать»⁸.

Распространение идей демократии в ее либеральном варианте – это миссия, которую выполняют и монгольские вузы. Конференции, школы и семинары, формирующие представление о монгольской демократии как особом пути, являющемся продуктом кочевой ментальности, ежегодно проводятся в Улан-Баторе. В то же время отмечается устойчивая мода на получение высшего образования в Улан-Баторе среди части выпускников школ Бурятии и Тувы. Формируется статус Монголии как идеологического ориентира в регионе. «В Казахстане, России, Китае, почти во всех странах Центральной Азии президенты и их сторонники любят утверждать, что демократия, как форма правления, не подходит менталитету народов региона. Тем самым они отказывают своим народам в праве выбора. Во время своего недавнего визита в Монголию государственный секретарь США Хилари Клинтон сказала, что Монголия помогает преодолеть стереотип, что демократия – это понятие,

---

6. Выражение получило широкое распространение после визита Дж. Буша в Улан-Батор в 2003 г.

7. В Монголии госсекретарь Клинтон призывает к укреплению демократии и прав женщин // [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://iipdigital.usembassy.gov/st/russian/article/2012/07/201207108743.html#axzz2dL6J642m>

8. Форум «Новости из Монголии» // [Электронный ресурс] / Режим доступа: www.buryatia.org

присущее только Западу»⁹. О высоком уровне свободы в Монголии в сравнении с Китаем и Россией вынесли заключение такие организации, как Freedom House и Amnesty International. Президент Национального фонда демократии США К. Гершман заявил, что Монголия стремится внести свой вклад в дело укрепления демократии и обеспечения прав и свобод человека; более того, сегодня она может поделиться с другими странами опытом и уроками, накопленными на пути демократии¹⁰.

Говорить о планомерном идеологическом влиянии Монголии на приграничные регионы России было бы неправомерно. Однако региональные российские СМИ достаточно часто некритично пишут о ситуации в соседней стране, замалчивая недостатки и преувеличивая достижения. Изредка выходящие в центральных российских СМИ достаточно взвешенные публикации о Монголии расцениваются в приграничных регионах как проявление колониализма. Все это формирует отношение к политическому режиму в Улан-Баторе как к правительству единственного монгольского государства, борющегося за свою независимость и свободу в сложных политических условиях. Выступая перед представителями СМИ в Вашингтоне, президент Ц. Элбэгдорж заявил: «Я верю в силу свободы, когда люди свободны, они склонны творить, они склонны быть чуткими... и это ведет к миру и процветанию. Сила свободы делает Монголию великой, и мы ведем к ней своим примером». Руководство Монголии, следуя выбранной модели развития, убеждено, что своим примером оно способно увлечь своих соседей на данный путь.

В то же время необходимо сказать, что региональные средства массовой информации чутко реагируют на изменения в Улан-Баторе. Так, арест бывшего президента страны Н. Энхбаяра и лишение его сына и преемника по партии активных избирательных прав были квалифицированы как свидетельство стремления монгольских демократов к авторитаризму. Эти действия нанесли существенный ущерб демократической репутации Монголии, особенно в приграничных регионах России. Важно отметить, что во время визитов в Бурятию Н. Энхбаяр неоднократно заявлял о своем смешанном халхаско-бурятском происхождении, что вызывало определенные симпатии у населения. Президентские выборы 2013 г. в Монголии сместили представления о политическом режиме в этой стране в сторону аналогии с Казахстаном.

---

9. *Демократия Монголии стала примером в Азиатско-Тихоокеанском регионе* // [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.montsame.gov.mn/ru/index.php/politics/item/605-2013-04-28-04-27-02>

10. Там же.

Буддизм

В период строительства социализма на территории этой страны находилось единственное в странах СЭВ учебное учреждение, готовившее ламское духовенство. Оно находилось при храме Гандан Тегчленг в Улан-Баторе. В него поступали послушники монастырей из Бурятии, Калмыкии, Тувы – так называемых буддистских регионов СССР. В 1970 г. под влиянием конфликта между СССР и КНР в Монголии была создана Азиатская буддистская конференция за мир. Во многом ее деятельность была направлена против китайской экспансии, а также на символическую поддержку тибетского правительства в изгнании. Именно поэтому Далай-лама XIV получил возможность посетить Монголию в 1979 г. Все это способствовало росту внешнеполитической роли Гандан Тегчленга как буддистского центра в странах социализма. Однако с 1990-х годов ситуация начинает меняться. Это связано с двумя тенденциями, характерными для Внутренней Азии в целом. Во-первых, это национализация буддизма в контексте национально-культурного возрождения, начавшегося в постсоветский период. Роспуск Центрального духовного управления буддистов (ЦДУБ) определил процессы децентрализации буддизма на территории России. Формирование национально ориентированного буддизма (бурятского, монгольского, тувинского), несмотря на противоречие с самыми основами этой религии, привело к утрате Монголией статуса центра. Во-вторых, 1990–2000-е годы – это период распространения буддизма, проповедуемого тибетскими ламами, приезжавшими из Индии и создававшими самостоятельные структуры, которые действовали автономно от национальных. Рост авторитета тибетских учителей буддизма в Бурятии, Монголии и Туве стал едва ли не главным идеологическим трендом начала XXI в. в этих странах.

Это зачастую приводит к дипломатическим эксцессам в отношениях с КНР. Особенно это касается визитов лидера тибетских буддистов в Улан-Батор. Далай-лама открыто приезжает в Монголию, встречается с верующими, политическими и общественными деятелями. Это вызывает негативную реакцию в Пекине, поскольку власти КНР считают его главой тибетских сепаратистов¹¹. Однако Монголия занимает последовательную позицию, ссылаясь на исторические традиции. Каждое поколение буддистских лам в этой стране имело тесную связь с Тибетом и его теократическим главой. Сегодня эта традиция продолжается, в результате обучения монголов в Дхармасале формируется влиятельная группа поддержки тибетского правительства в изгнании. По сей день вопрос о Далай-ламе и его деятельности является одним из наи-

---

11. МИД Китая осудил Монголию за организацию визита Далай-ламы // [Электронный ресурс] / Режим доступа: www.interfax-religion.ru/?act=news&div=13410

более сложных в монголо-китайских отношениях. С другой стороны, буддизм как культурная и религиозная традиция является основной составляющей образа Монголии как суверенного государства в мировом общественном мнении.

Сегодня монгольские ламы представляют в буддистских регионах России группу духовенства, пользующуюся большим авторитетом. Так, в Бурятии представитель Монгольского буддийского центра (монастыря «Гандан») Бурэнжаргал-лама работает в дацане (буддийском монастыре-университете) Хамбын Хурэ (г. Улан-Удэ) по контракту уже второй год. В число видных представителей монгольских буддистов в Бурятии входит хандалама Туяа. О ней часто пишет региональная пресса, в буддистском мире хандалама является достаточно крупной величиной. На протяжении 15 лет Цэндсүрэнэй Туяа приезжает в Бурятию. Ее деятельность во многом способствовала становлению и развитию женской буддистской общины (сангхи) в Улан-Удэ. Особенности буддистской миграции в регионе емко раскрыл в интервью один из священнослужителей: «Для нас, буддистов, не существует границ и государств – это все иллюзия. Где бы мы ни находились, главное – учение. Мы живем в сангхе, а она не имеет границ. Многие из наших учителей учились в Индии, Непале, Монголии» [7, с. 98].

Связи между буддистами Монголии и Бурятии на протяжении последних 300 лет были наиболее устойчивыми. Наряду с монголами в Бурятию по приглашению Традиционной Буддистской Сангхи приезжают и тибетцы. Делить по этническому признаку буддистов было бы не совсем правильно, так как это отдельное направление в миграционных процессах Центральной Азии, связанное не с этнической, а с религиозной идентичностью. Большое значение имеет принадлежность к различным направлениям буддизма, так называемым школам Ньингмапа, Карма Кагью, Чод. Все перечисленные направления появились в буддистских регионах России в 1990-е годы.

Помимо этого существует еще религиозная иерархия территорий. Пространство буддийских регионов Внутренней Азии персонифицируется с воплощениями буддистских божеств. Так, хранителем Монголии является Ваджрапани, его нахождение буддийские монахи предположительно локализуют на севере Монголии [7, с. 85]. Покровителем Бурятии является Зеленая Тара. В иерархии образов Монголия занимает позицию «защитника веры». Данный образ активно эксплуатируется в региональных СМИ и формирует специфику восприятия Монголии в регионе.

Подчеркнем в заключение, что современная Монголия – это страна, балансирующая между Китаем, США и Россией. В условиях стабильного экономического роста стало возможным говорить об ее амбициях регионального лидера. Улан-Батор может рассчитывать на экономический успех за счет привлечения туристов из России, а также на лоббирование идеи восстановления

ния разрушенных советских производственных связей. После 1990 г. объемы поставок монгольского сырья в приграничные регионы России существенно упали. Монополию на закупку этого сырья получил Китай, диктующий на него демпинговые цены.

В то же время монгольский национализм служит сдерживающим фактором в отношении китайской экспансии в Монголию. Создание стройной концепции «мягкой силы» позволило бы Улан-Батору оказывать влияние на монголов, проживающих в КНР.

В 2012 г. президент Монголии Ц. Элбэгдорж обратился к монголам всего мира с призывом приезжать в Монголию и принимать участие в развитии ее экономики и культуры. На его призыв откликнулись не только монголы Китая, но и хазарейцы Афганистана. Опираясь на идею кочевой цивилизации, демократию и буддизм, современная Монголия претендует как минимум на три ключевых позиции в регионе: 1) прародину всех монголов; 2) территории равных возможностей; 3) лидера буддистского мира. Используя «мягкую силу», она сможет более успешно решать как текущие, так и стратегические задачи своего развития.

Литература

1. Абаев Н.В. Цивилизационная геополитика и этнокультурные традиции народов Центральной Азии и Алтай-Байкальского региона. – Кызыл, 2006. – 100 с.
2. Базаров Б.В. Глобализация и проблемы рубежных геополитических регионов // Байкальский регион и геополитика Центральной Азии: История, современность, перспективы. – Иркутск, 2004. – С. 12–22.
3. Бреславский А.С. «Благословенный край Монголия»: Версия бурятских СМИ // Монголия и Бурятия: Геокультурные образы пространства. – Улан-Удэ, 2006. – С. 34–47.
4. Галиндабаева В.В., Карбаинов Н.И. Интернет-образы Монголии: «Окраина цивилизации» и «историческая родина» // Монголия и Бурятия: Геокультурные образы пространства. – Улан-Удэ, 2006. – С. 19–34.
5. Железняков А.С. Монгольская геополитика и фактор России (по данным социологического опроса) // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. – Улан-Удэ, 2007. – № 1. – С. 15–18.
6. Лузянин С.Г. Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004–2008 гг.). – М., 2007. – 448 с.
7. Монголия и Бурятия: Геокультурные образы пространства / Отв. ред. А.В. Михалев. – Улан-Удэ, 2006. – 135 с.
8. Родионов В.А. Региональная идентичность современной Монголии // Владимирские чтения-V. Доклады Всероссийской научной конференции. – М., 2006. – С. 90.
9. Тойнби А. Дж. Постигание истории / Пер. с англ. – М., 2001. – 640 с.
10. Campi A. Mongolia's Integrating with Asia's Heartland. Finding a Future and Rediscovering the Past // VIII Международный конгресс монголоведов. – Улан-Батор, 2002. – С. 3–9.

СТРАНЫ СНГ СЕГОДНЯ

Л.Б. Вардомский, А.Г. Пылин

СТРУКТУРНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СТРАНАХ СНГ В 1991–2012 гг.: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Вардомский Леонид Борисович – доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра постсоветских исследований Института экономики РАН.

Пылин Артем Геннадьевич – кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра постсоветских исследований Института экономики РАН.

На основе сравнительного анализа динамики экономик стран СНГ в 1991–2012 гг., макроструктурных изменений и внешних факторов развития проводится типология стран и дается оценка структурных преобразований постсоветского пространства. В проектах евразийской интеграции необходимо учитывать возросшие социально-экономические различия на постсоветском пространстве и сократившуюся комплементарность национальных экономик.

Динамика экономического развития постсоветских стран

Начавшаяся во второй половине 1980-х годов на советском пространстве экономическая рецессия резко усилилась после распада СССР. Одной из непосредственных причин сильнейшего спада экономики в регионе в 1990-е годы стало разложение советской денежно-кредитной системы и жесткая финансовая политика стабилизации финансовой сферы. Дефицит денег, высокая инфляция, открытие рынков для импорта сильно ударили по доходам предприятий и населения, государственным заказам, вызвав в новых государствах резкое сокращение внутреннего спроса. Создаваемые рыночные институты плохо взаимодействовали с унаследованными от плановой эконо-

мики традициями управления и структурами хозяйства. Ситуацию усугубляли новые пограничные барьеры и острая нехватка кадров.

Трансформационный шок вскрыл множество неэффективных производств, в которых были сосредоточены большие материальные активы. Они были обречены либо на перемещение в другие производства, либо на декапитализацию. Безвозвратные потери активов, которые академик А.Д. Некипелов определил как «системный гистерезис» [3, с. 9], поразили страны СНГ. Наследие советской экономики в виде крупных предприятий полного технологического цикла в условиях рыночной трансформации было обречено на коммерческую несостоятельность.

Экономический спад в 1990-е годы, как по масштабам, так и по продолжительности, затронул страны Содружества в разной степени. Наиболее сильно пострадали Молдова, Грузия, Украина, Армения, Таджикистан и Азербайджан, сократившие физический объем ВВП по сравнению с 1989 г. более чем в 2 раза. С меньшими потерями этот период прошли Узбекистан, Белоруссия и Туркменистан. Самым продолжительным трансформационный спад был в Украине – 10 лет, а наименее продолжительным в Армении – 4 года [5, с. 8, 16].

Масштабы и продолжительность спада в странах зависели от многих факторов. Среди них следует выделить характер проводимых реформ: страны осуществлявшие трансформацию по шоковой модели в среднем пострадали сильнее, чем страны проводившие реформы по консервативному сценарию. Весьма сильно на величину спада повлияли структурные и институциональные особенности экономики, резкое изменение ценовых пропорций, степень зависимости экономик от межреспубликанских связей, ухудшение внешне-торговой конъюнктуры. Экономический спад в Азербайджане, Армении, Грузии, Молдове, России, Таджикистане был усилен этнополитическими и гражданскими конфликтами. Для многих стран СНГ весьма чувствительным оказался финансовый кризис 1998 г. в России [6]. В целом в величине спада отразилась отрицательная синергетика геополитических, внутривнутриполитических и трансформационных шоков.

В 2000–2008 гг. в постсоветских республиках наблюдались высокие по мировым меркам темпы роста ВВП, которые отчасти объяснялись низкой базой 1990-х годов. В этот период среднегодовые темпы прироста реального ВВП в регионе СНГ были одними из самых высоких в мире, уступая лишь развивающимся странам Азии, и составляли 7–8%, что в 1,5–2 раза превышало среднемировые значения. В результате доля стран СНГ в мировом производстве увеличилась с 3,5 до 4,5% (ВВП по ППС), в том числе стран СНГ без России – с 0,9 до 1,3% [12].

Темпы роста были сильно дифференцированы по странам (табл. 1). Лидерами стали Азербайджан, Туркменистан и Армения. Заметно меньший рост показали Кыргызстан, Узбекистан, Молдова и Россия. Рост экономики был

СТРАНЫ СНГ СЕГОДНЯ

обусловлен восстановлением производства, хотя и избирательным, макро-экономической стабилизацией, продвижением рыночных реформ, а также благоприятными внешними условиями [13, с. 4–5, 32].

Таблица 1

ДИНАМИКА ВВП В СТРАНАХ СНГ (в постоянных ценах)

Страны	Темпы прироста, %						Индексы физического объема, %			
	среднегодовые		к предыдущему году							
	1991–1999	2000–2008	2009	2010	2011	2012	1995 к 1991	2000 к 1991	2012 к 2000	2012 к 1991
Азербайджан	-5,9	16,6	9,3	5,0	1,0	4,5	42,2	59,3	424,8	251,9
Узбекистан	-0,5	6,3	8,1	8,5	8,3	8,2	81,5	98,5	229,0	225,5
Туркменистан	-2,6	7,6	6,1	9,2	14,7	11,1	66,2	82,4	267,6	220,5
Белоруссия	-1,6	8,0	0,2	7,7	5,5	1,5	66,1	89,7	218,8	196,4
Казахстан	-4,8	9,4	1,2	7,4	7,5	5,1	69,0	78,0	250,4	195,3
Армения	-3,4	11,2	-14,1	2,1	4,7	7,1	59,8	76,8	240,8	184,9
Россия	-5,1	7,0	-7,8	4,5	4,3	3,4	65,4	70,9	172,9	122,5
Кыргызстан	-4,4	5,0	2,9	-0,5	6,0	-0,9	55,0	72,3	157,1	113,5
Таджикистан	-10,2	8,9	3,9	6,5	7,4	8,0	40,9	41,0	255,5	104,7
Грузия	-8,4	7,0	-3,8	6,3	7,0	6,0	35,8	47,5	207,6	98,7
Молдова	-10,2	5,9	-6,0	9,4	18,6	6,4	47,7	42,4	212,7	90,2
Украина	-9,2	6,9	-14,8	4,2	5,1	0,3	52,4	47,4	160,4	76,1

Источник: Составлено и рассчитано по данным World Bank. World Development Indicators (WDI), November 2013.

Глобальный кризис 2007–2009 гг. по-разному затронул страны региона [2]. В Украине, Армении, России и Молдове произошел весьма сильный спад, а в Азербайджане, Туркменистане и Узбекистане удалось сохранить сравнительно высокие темпы роста.

В 2010–2012 гг. наиболее высокие темпы экономического роста показали центральноазиатские страны. Гораздо медленнее выходили из кризиса Армения и Украина, которые по итогам 2012 г. не смогли достичь докризисного объема экономики. Белоруссию при довольно высоких темпах экономического роста в первой половине 2011 г. охватил валютный кризис – отложенное проявление кризиса 2009 г. В Азербайджане из-за стабилизации добычи углеводородов существенно снизились темпы роста ВВП.

В целом динамика экономики в периоды трансформационного спада, восстановительного роста, кризиса и в послекризисные годы у каждой из рассматриваемых стран была весьма индивидуальна. По итогам 20-летия, наиболее высокий прирост экономики показали Азербайджан, Туркменистан, Узбекистан, Белоруссия, Казахстан и Армения, в советское время заметно

отстававшие от наиболее развитых республик. К «неудачникам» же следует отнести Украину и Молдову, которые по итогам 2012 г. так и не достигли дореформенного уровня (1991) объема экономики.

В результате разной экономической динамики произошли существенные изменения в соотношении экономик СНГ. За 2000–2012 гг. в общем ВВП в номинальном выражении и в текущих ценах повысились доли нефте- и газодобывающих стран: Азербайджана – с 1,5 до 2,6%, Казахстана – с 5,2 до 7,6, России – с 73,7 до 75,9 и Туркменистана – с 0,8 до 1,3%. Доли остальных стран СНГ сократились: Украины с 8,9 до 6,6%, Узбекистана с 3,9 до 1,9%.

За последние 20 лет произошло резкое усиление межстрановых различий по душевому показателю ВВП, что стало результатом разницы не только в экономической, но и демографической ситуации (табл. 2).

Таблица 2

**ВВП НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ В СТРАНАХ СНГ
(в текущих ценах)**

Страны	1991		1999		2008		2012		Индекс, Россия=100		
	долл.	ранг	долл.	ранг	долл.	ранг	долл.	ранг	1991	1999	2012
Россия	3427	1	1339	1	11700	1	14037	1	100,0	100,0	100,0
Казахстан	1512	3	1130	3	8514	2	11935	2	44,1	84,4	85,0
Азербайджан	1209	6	574	8	5575	4	7392	3	35,3	42,9	52,7
Белоруссия	1747	2	1210	2	6377	3	6685	4	51,0	90,3	47,6
Туркменистан	848	7	551	9	3919	5	6511	5	24,7	41,1	46,4
Украина	1490	4	636	5	3891	7	3867	6	43,5	47,5	27,5
Грузия	1310	5	629	6	2920	8	3508	7	38,2	47,0	25,0
Армения	589	10	597	7	3917	6	3338	8	17,2	44,5	23,8
Молдова	835	8	321	10	1696	9	2038	9	24,4	24,0	14,5
Узбекистан	659	9	702	4	1023	10	1717	10	19,2	52,5	12,2
Кыргызстан	576	11	258	11	966	11	1160	11	16,8	19,3	8,3
Таджикистан	468	12	178	12	709	12	872	12	13,7	13,3	6,2

Источник: Составлено и рассчитано по данным World Bank. World Development Indicators (WDI), November 2013.

Так, если в 1991 г. разница между Россией и Таджикистаном по данному показателю составляла 7 раз, то в 2012 г. Россия опережала Таджикистан уже в 16 раз. Заметно ослабли позиции Украины и Грузии, и существенно улучшились у Азербайджана и Туркменистана.

Структурные изменения в экономике

На фоне спада производства 1990-х годов произошли кардинальные изменения в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости (ВДС) стран

СТРАНЫ СНГ СЕГОДНЯ

СНГ. Они выразились в сокращении доли промышленности повсюду (кроме нефтедобывающих Азербайджана и Казахстана), сельского хозяйства и строительства в большинстве стран и росте доли сферы услуг (табл. 3). При этом в большинстве стран сократилась доля городского населения.

Наиболее сильно деиндустриализация затронула экономики Армении и Грузии¹. Доля сельского хозяйства сильнее всего сократилась в Казахстане и Таджикистане. Сильный рост доли услуг был обусловлен не только падением реального производства, но и довольно быстрым развитием розничной торговли, банковского сектора и сектора рыночных услуг (посреднических, консалтинговых, в сфере недвижимости и т.д.) [16, с. 67–77].

Таблица 3

ОТРАСЛЕВАЯ СТРУКТУРА ВАЛОВОЙ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ В СТРАНАХ СНГ, %

Страны	Промышленность			Сельское хозяйство			Строительство			Услуги		
	1991	1999	2012	1991	1999	2012	1991	1999	2012	1991	1999	2012
Азербайджан	26	29	53	32	19	6	7	11	10	35	40	31
Армения	37	23	19	25	29	21	12	9	13	26	39	47
Белоруссия	41	32	35	21	14	10	8	6	8	30	49	47
Грузия	29	14	17	29	31	9	8	4	8	34	52	67
Казахстан	26	30	33	29	10	5	9	5	7	36	55	56
Кыргызстан	29	24	19	37	38	20	7	3	6	27	35	56
Молдова	25	18	16	34	26	13	6	4	4	35	52	67
Россия	39	32	30	14	8	4	9	6	7	37	55	60
Таджикистан	27	24	16*	37	27	27*	10	6	9*	26	43	48*
Туркменистан	72	31	–	11	25	–	5	12	–	12	32	–
Узбекистан	25	17	26	34	34	19	10	8	6	31	42	49
Украина	42	33	26	22	14	9	8	5	3	28	48	62

* 2011 г.

Источник: Составлено по данным 10 лет СНГ (1991–2000). Межгосударственный статистический комитет СНГ. – М., 2001; Содружество Независимых Государств в 2012 г. Стат. сборник. Межгосударственный статистический комитет СНГ. – М., 2013. – С. 29; National Statistics Office of Georgia (Geostat).

Сокращение доли промышленности в ВДС сопровождалось изменением соотношения отраслей в самой промышленности, что было обусловлено их разной динамикой. В период 1991–2000 гг. у всех стран возросла доля

1. Особый случай представляет Туркменистан: 72% – долю промышленности в его ВДС в 1991 г., видимо, можно объяснить особенностями национального статистического учета этого показателя.

топливно-энергетического комплекса (ТЭК) – наиболее сильно в Армении (с 5 до 30%), Грузии (с 4 до 32%), Молдове (с 4 до 23%) и Азербайджане (с 16 до 70%). У большинства стран увеличилась доля металлургии – наиболее сильно в Кыргызстане (с 4 до 41%), Таджикистане (с 8 до 60%) и Белоруссии (с 1 до 4%). Одновременно произошло сильное снижение долей машиностроения и легкой промышленности – отраслей, дающих высокую добавленную стоимость и ориентировавшихся преимущественно на внутри-союзный спрос. Наиболее сильно доля машиностроения в промышленном производстве сократилась в Армении – с 35 до 4%, Кыргызстане – с 27 до 4, Таджикистане – с 7 до 1%. Увеличение доли этой отрасли в промышленном производстве в 1990-е годы произошло только в Узбекистане.

Еще более масштабным оказалось сокращение доли легкой промышленности, которое охватило все страны, но наиболее сильно Армению – с 28 до 1%, Грузию – с 21 до 1, Украину – с 12 до 2, Казахстан – с 16 до 2% [10, с. 21]. Отрасль, производящая товары для населения, не выдержала резкого сокращения доходов населения и напора дешевого импорта, поступавшего по каналам как организованной, так и неорганизованной торговли, при резком удорожании импорта исходного сырья для национального производства.

Системный гистерезис вызвал сильное сокращение потенциала НИОКР, упрощение структуры промышленного производства за счет вымывания обрабатывающих отраслей и высокотехнологичных производств, которые опирались на бюджетное финансирование и не имели спроса на внешних рынках. Одновременно увеличилась доля добывающих отраслей и производств низкой степени обработки, на которые такой спрос сохранился [4, с. 35–42].

Структурные изменения в национальных экономиках в минувшем десятилетии стали продолжением трендов 1990-х годов, но в ослабленном виде. Восстановительное расширение производства не требовало крупных инвестиций, и его потенциал у большинства стран был довольно быстро выработан из-за декапитализации унаследованных производственных фондов, невысокого качества производимой на их основе продукции, которая по мере роста доходов населения все меньше выдерживал конкуренцию с импортными товарами.

Произошедшие структурные изменения в 2000-х годах в Азербайджане, Белоруссии, Туркменистане и Узбекистане сопровождались увеличением доли промышленности в ВДС. В остальных странах она уменьшилась. Везде еще более сократилась доля сельского хозяйства. В то же время в большинстве государств росла доля услуг. В Грузии, Молдове и Украине она превысила 60%. Наиболее динамично развивались такие секторы сферы услуг, как финансовый, недвижимости, автоуслуг, мобильной связи и т.п.

Доля строительства сильно выросла в Армении (в 2008 г. она достигла 29%, но в ходе кризиса уменьшилась в 2 раза) и существенно – в Белоруссии,

СТРАНЫ СНГ СЕГОДНЯ

Кыргызстане и Таджикистане. В Азербайджане, Туркменистане и Украине из-за кризиса она заметно сократилась.

Производственный сектор стран СНГ в целом продолжал упрощаться и примитивизироваться. Экономический рост не сопровождался качественными структурными изменениями экономики, масштабным обновлением их производственной части. Он также не привел к восстановлению дореформенной структуры промышленности, советского уровня диверсификации, к формированию новой специализации стран СНГ в мировой экономике. Модернизация в странах СНГ начала осуществляться во второй половине первого десятилетия XXI в. в основном по адаптивной модели (на основе заимствованных в третьих странах технологий) [1, с. 47–52].

Ослабление потенциала машиностроения компенсировалось быстрым ростом ввоза машинотехнической продукции. В ряде государств стали создаваться сборочные производства на основе импорта, а также новые производства на основе копирования зарубежных оригиналов, импорта комплектующих и компонентов из третьих стран. Это вызывало опережающий рост импорта машинотехнической продукции из третьих стран, доля которых в конце нулевых годов в общем импорте машин и оборудования колебалась от 70% в Узбекистане до более 90% в России.

Наиболее крупные производственные мощности создавались преимущественно в традиционных секторах экономики, опирающихся на природные ресурсы и ориентированных на экспорт, а также в обслуживающей их инфраструктуре. Так, например, в 2000–2012 гг. за счет освоения новых месторождений объем производства нефти в Азербайджане увеличился с 14 до 43 млн т, а природного газа – с 5,6 до 17,2 млрд м³, в Казахстане, соответственно, с 35,3 до 79,2 млн т и с 11,5 до 40,3 млрд м³.

В начале нового века страны стремились диверсифицировать рынки сбыта для своего экспорта, источники импортного снабжения и транспортные маршруты для сообщения с внешним миром в целях сокращения унаследованной от единого народнохозяйственного комплекса зависимости от постсоветских партнеров. Эта зависимость создавала определенные политические и экономические риски их развития. В рамках диверсификации внешних связей были построены Балтийская трубопроводная система в России, нефтепровод Баку–Тбилиси–Джейхан, газопровод Баку–Тбилиси–Эрзерум, газопроводы из Туркменистана в Иран и Китай (через Узбекистан и Казахстан), нефтепроводы из Казахстана в Китай и к Черному морю (КТК), газопровод «Северный поток» и строящийся «Южный поток», новые морские порты России в Финском заливе, Казахстана на Каспии и т.п.

По видам экономической деятельности, выступавшим в качестве драйверов роста в 2000–2012 гг., страны СНГ довольно сильно различаются. Нами выделены следующие основные группы стран: 1) *аграрно-сервисные* – Арме-

ния, Грузия, Молдова, Кыргызстан и Таджикистан; 2) *моносырьевые* – Азербайджан и Туркменистан; 3) *полисырьевые* – Казахстан и Узбекистан²; 4) *промышленно-транзитные* – Белоруссия и Украина.

Типология стран СНГ по внешним факторам развития экономики

Динамика экономики и характер макроструктурных изменений в ней зависели от наличия в странах финансовых ресурсов, отражающих особенности их включения в международные экономические связи. Открытость экономик привела к резкому усилению влияния внешних факторов на развитие стран СНГ. Исследование, проведенное МВФ по итогам 2000-х годов, показало, что вклад внешних факторов в рост экономики в среднем по Содружеству составлял примерно одну четверть [13, с. 32]. Однако в этом исследовании, на наш взгляд, не в полной мере учитывалось влияние внешних инвестиций и кредитов, стимулирующих внутренний спрос. В результате прямое и косвенное влияние внешних факторов на экономическое развитие стран региона было существенно выше.

На экономическую динамику в минувшем десятилетии сильное воздействие оказывала конъюнктура на мировых рынках биржевых товаров, капитала и рабочей силы. Страны СНГ активно развивали торгово-экономические связи с третьими странами, привлекая из них растущие объемы капитала. Возрастающие объемы ПИИ с середины 1990-х годов стали важным фактором роста в Азербайджане и Казахстане в последующие годы. Привлекательность этих стран для иностранных инвесторов была обусловлена благоприятными условиями освоения месторождений нефти и газа. С прямыми инвестициями был связан рост импорта оборудования и материалов из третьих стран и встречный экспорт минеральных продуктов.

Взаимное экономическое сотрудничество стран СНГ в ходе жесткой дезинтеграции 1990-х годов заметно ослабло, но продолжало играть важную роль в становлении и укреплении национальных экономик. В 1990-е годы оно, благодаря торговле и транзиту, сдерживало экономический спад, а в 2000-е годы – способствовало восстановительному росту. Но влияние взаимных связей на экономический рост отдельных стран СНГ было неодинаковым [9, с. 383–392]. В меньшей степени от него зависел рост экономики России и Азербайджана, в большей – Армении, Белоруссии, Кыргызстана, Молдовы,

---

2. Узбекистан отнесен нами к полисырьевому типу, но имеет черты аграрно-сервисного типа, что, на наш взгляд, способствовало более ровному экономическому росту этой страны в 2000–2012 гг.

СТРАНЫ СНГ СЕГОДНЯ

Таджикистана и Украины. При этом Казахстан, Туркменистан и Узбекистан занимали промежуточное положение.

Наиболее важным региональным фактором роста стран СНГ оставались экономические связи с Россией, которая для большинства из них остается главным рынком сбыта товаров и услуг и основным рынком труда. В последнее десятилетие Россия оказывала заметное влияние на их экономический рост через денежные переводы трудовых мигрантов [11, с. 17] и инвестиции компаний российского происхождения. При этом традиционные торговые связи в относительном измерении до кризиса сокращались. Для ряда стран Россия играет немаловажную роль в модернизации экономики и трансфере технологий, прежде всего в сфере мобильной связи и Интернета.

Разная реакция экономик стран на глобальный кризис проявилась в том, что у стран – экспортеров углеводородов в среднем спад был меньше, чем у стран-импортеров. По последствиям глобального кризиса страны СНГ можно разделить на три группы.

1. Страны, в которых наблюдалось замедление темпов роста экономики при сохранении сравнительно высоких показателей – Азербайджан, Узбекистан и Туркменистан. Темпы роста ВВП удалось удержать благодаря сохранению внутреннего спроса (особенно внутреннего потребления), а негативное влияние мирового кризиса передавалось в основном по линии внешнего спроса. Важную роль также сыграли наиболее жесткое среди стран СНГ государственное регулирование кредитно-финансовой сферы и крупные денежные резервы, накопленные от экспорта минеральных ресурсов.

2. Страны, сохранившие незначительные темпы роста на уровне близких к нулевым – Таджикистан, Кыргызстан, Казахстан и Белоруссия. Небольшой положительный прирост ВВП удалось сохранить в основном за счет инвестиционного спроса, который был подкреплен участием Китая в кредитовании ряда крупных проектов. Положительная динамика стран Центральной Азии также была связана с высоким урожаем 2009 г.

3. Страны, которые испытали сильное падение темпов экономического роста – Украина, Армения, Россия, Молдова и Грузия. Спад экономики здесь был связан, прежде всего, с масштабным снижением экспорта, инвестиционной и потребительской активности. Эти страны сильно зависят от внешних источников финансирования экономики и не располагают кроме России значительными резервами. Их экспорт в значительной степени ориентировался на ЕС и Россию, спрос которых в условиях кризиса резко сократился.

Особенности и характер распространения кризиса внутри СНГ показывают, что после того, как крупнейшие страны региона, наиболее интегрированные в глобальные финансовые связи (Россия, Казахстан и Украина), испытали негативные последствия финансового кризиса в развитых странах, они сами становились «переносчиками» кризиса в другие государства регио-

на (в этом качестве среди упомянутых стран резко выделяется Россия), ориентированных преимущественно на внутрирегиональные связи.

По соотношению влияния внешних факторов на экономическое развитие страны СНГ можно условно разделить на несколько групп или типов (табл. 4).

Таблица 4

**ЗАВИСИМОСТЬ ЭКОНОМИК СТРАН СНГ
ОТ ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ В 2012 г.**

Группы стран	Страны	Сальдо счета текущих операций, % ВВП	Экспорт товаров, % ВВП	Экспорт энергоресурсов, % общего экспорта	Экспорт машин, оборудования и транспортных средств, % общего экспорта	Экспорт транспортных услуг, % ВВП	Денежные переводы мигрантов в страну, % ВВП	Накопленные в стране ППП, % ВВП
Экспортеры энергоресурсов	Азербайджан	21,7	46,4	93,4	0,4	1,1	2,9	16,2
	Казахстан	3,8	45,9	69,9	1,4	1,3	0,1	53,3
	Россия	3,7	26,2	70,3	5,0	1,0	0,3	25,3
	Туркменистан	0,0	31,7	93,4	0,3	–	–	59,4
	Узбекистан	0,7	9,7	7,2	18,3	–	9,4**	15,4
Экспортеры рабочей силы	Армения	-11,3	16,0	7,6	7,0	1,8	19,7	51,1
	Грузия	-11,5	21,8	2,1	31,4	5,4	10,6	67,1
	Кыргызстан	-15,3	29,7	10,5	12,9	2,8	27,6	42,6
	Молдова	-7,0	23,4	0,7	17,4	5,2	22,8	46,0
	Таджикистан	-1,3	9,1*	0,1	0,7	3,0*	46,9	18,4
Экспортеры с диверсифицированной товарной структурой	Белоруссия	-2,9	72,0	35,6	17,9	5,6	1,3	22,8
	Украина	-8,4	36,3	5,3	19,3	4,9	4,8	41,3

* Данные за 2011 г.

** Переводы из России (расчеты по данным ЦБ РФ).

Источник: Рассчитано и составлено по данным IMF. World Economic Outlook Database, October 2013; World Bank. World Development Indicators, November 2013; WTO International Trade Centre. Trade Map; UNCTAD, FDI/TNC database.

1. Страны – экспортеры энергоресурсов (Азербайджан, Казахстан, Россия и Туркменистан) – разные по уровню открытости экономики страны, но располагающие крупным природно-ресурсным потенциалом и имеющие широкие возможности наращивать экспорт в традиционных отраслях, прежде всего в ТЭК. В докризисный период высокий мировой спрос и рост цен на углеводороды способствовали увеличению объемов добычи и экспортных поставок. В 2000–2008 гг. в этих странах отмечались самые высокие темпы

СТРАНЫ СНГ СЕГОДНЯ

роста экспорта при растущем положительном сальдо внешней торговли. Это позволяло пополнять международные резервы, создавать резервные фонды. Однако экономики этих стран подвержены симптомам «голландской болезни», что повышает их уязвимость при ухудшении условий торговли.

Страны – экспортеры углеводородов создают импульсы экономического роста для других стран СНГ посредством транзита нефти и газа и через спрос на производимые в них товары, услуги, а также на их трудовые ресурсы [15, с. 171].

Узбекистан занимает особое положение, хотя и является чистым экспортером углеводородов. Он обеспечен собственными энергоресурсами и сохраняет устойчивое положительное сальдо счета текущих операций. Но страна имеет сравнительно небольшой объем экспорта при относительно диверсифицированной промышленности, ориентирующейся на достаточно емкий внутренний рынок и рынки соседних стран. Сравнительно невысокие темпы роста экономики в 2000-е годы во многом поддерживались внутренним спросом, опирающимся на растущие инвестиции и денежные переводы трудовых мигрантов.

2. Страны – импортеры энергоресурсов (Армения, Белоруссия, Грузия, Кыргызстан, Молдова, Таджикистан, Украина) при больших различиях, в том числе и по факторам, способствующим экономическому росту, объединяет устойчивое отрицательное сальдо внешней торговли и хронические проблемы платежного баланса. Эти страны имеют значительно более слабую национальную финансовую базу развития. Поэтому они вынуждены проводить более либеральную и открытую экономическую политику, а устойчивость их развития во многом определяется участием в интеграционных проектах с более крупными и экономически сильными государствами (ЕС, СНГ или ТС-ЕЭП). Эти страны в большей степени зависят от внутрирегиональных рынков сбыта своей продукции, а также от цен на углеводороды, получаемых из стран-экспортеров.

Внутри данной группы стран наблюдаются существенные различия, касающиеся, прежде всего, уровня экономического развития и источников покрытия внешнеторгового дефицита.

2.1. Экспортеры рабочей силы (Армения, Грузия, Кыргызстан, Молдова, Таджикистан) – страны с наиболее значительным дефицитом торгового баланса, экономическое развитие которых во многом определяется поступлениями денежных переводов от трудовых мигрантов, поддержкой диаспоры и внешней помощью. Экономический рост поддерживается также благоприятной конъюнктурой на рынках многих видов неэнергетического сырья. Это страны аграрно-сервисного типа, с узкой отраслевой структурой промышленности и низкой емкостью внутреннего рынка. Среди них особое место занимает Грузия с ярко выраженным евроатлантическим вектором внешней и

внутренней политики, наиболее либеральной экономикой и высоким транзитным потенциалом страны³.

2.2. Экспортеры с диверсифицированной товарной структурой (Белоруссия и Украина) располагают серьезным экспортным потенциалом, но сохраняют дефицит торгового баланса. Это страны промышленно-транзитного типа, с диверсифицированной структурой промышленности и более емким внутренним рынком. Они играют важную транзитную роль в торгово-экономических связях между Россией и ЕС. Для них первостепенное значение имеет постсоветский рынок сбыта продукции обрабатывающей промышленности, прежде всего российский.

Белоруссия решает проблему финансирования роста экономики за счет сохранения льготных цен на российские углеводороды и частично их реэкспорта по мировым ценам (до 2010 г. на двустороннем уровне, а с 2010 г. в рамках Таможенного союза и ЕЭП) и внешних заимствований, в том числе у Антикризисного фонда ЕврАзЭС. Украина, утратившая эти ценовые преференции, с середины 2000-х годов и до кризиса 2009 г. активно занимала позиции на внешних кредитных рынках. В настоящее время она сталкивается с серьезным недостатком финансовых ресурсов для оплаты процентов по ранее взятым кредитам, реализации социальных программ и развития экономики.

Сегодня страны Содружества стоят перед непростым вопросом, как дальше развивать свои экономики. Развитие «в долг» обрекает на ограничение социальных программ и создает высокие риски социально-политической нестабильности. Развитие «на свои» не обеспечивает необходимых темпов развития и модернизации экономики, роста новых рабочих мест и оборачивается трудно решаемыми социальными проблемами.

Некоторые общие выводы

На протяжении всего постсоветского периода в странах СНГ продолжались тренды развития, возникшие в советское время, но в более заметной форме: нарастали различия в демографическом развитии и росте трудовых миграций с юга на север, наблюдался более быстрый рост экономик южных регионов при усилении разрыва между ними в подушевом объеме ВВП. Но главное – экономика приобрела в основном топливно-сырьевой характер.

Деиндустриализация наиболее сильно ударила по производствам, отразившим советские технологические достижения. Из конкурента Запада пост-

---

3. При этом высокая доля машин, оборудования и транспортных средств (31,4%) в экспорте Грузии (см. табл. 4) во многом связано с реэкспортом европейских подержанных автомобилей в страны СНГ, а не с развитием собственной обрабатывающей промышленности.

СТРАНЫ СНГ СЕГОДНЯ

советское пространство превратилось в его топливно-сырьевую базу. Основные доходы большинства стран СНГ стали связаны либо с производством топлива, сырья и материалов, либо с их доставкой конечным потребителям, либо с развитием сопутствующих услуг (торгово-посреднических, банковских, аутсорсинговых и т.п.). Ряд стран оказался на трудо-миграционной «игле».

Новые задачи постсоветского пространства в основном формировались под влиянием мирового спроса и предложения, которые не стимулировали диверсификацию производства на основе новых высокотехнологичных производств. За рассматриваемый период произошло не только усиление сырьевой специализации стран СНГ, но и одновременно повысилась их зависимость от потоков капитала и технологий из третьих стран, от импорта из них продовольствия и потребительских товаров. В этой связи резко возросло экономическое влияние на рассматриваемые страны ЕС, Китая, Турции и США.

Структурные изменения повысили потенциальную уязвимость стран СНГ перед глобальной нестабильностью. Но при этом страны – экспортеры углеводородов продемонстрировали большую устойчивость своих экономик. Страны – экспортеры рабочей силы, в свою очередь, ощутили зависимость от доходов стран – экспортеров углеводородов, поскольку динамика цен на нефть и газ прямо коррелирует с масштабами трудовых миграций. Чем выше цены, тем выше энергетика миграционных потоков и наоборот. В результате Россия оказалась в опасной зависимости, как от экспорта углеводородов, так и от импорта рабочей силы.

В результате произошедших в странах СНГ изменений технологическая и структурная комплементарность их экономик сократилась. Структурные изменения сузили производственную основу региональной интеграции на постсоветском пространстве.

Современное состояние стран Содружества позволяет им решать кратко- и среднесрочные задачи развития. Но нет долгосрочных перспектив, поскольку происходит обострение социальных и этнокультурологических проблем, ухудшение позиций в мировой политике и экономике. Новые интеграционные проекты – ЕЭП и зона свободной торговли в рамках СНГ – должны быть нацелены на диверсификацию экономик стран-участниц, для чего необходимы немалые финансовые ресурсы, новые технологии, квалифицированные кадры, эффективные институты и свежие подходы к развитию национального хозяйства.

Литература

1. Вардомский Л.Б., Шурубович А.В. Факторы и модели модернизации экономик стран СНГ // Мир перемен. – № 3. – 2011.
2. Национальные особенности проявления мирового финансового кризиса в постсоветских странах / Под общ. ред. Л.Б. Вардомского. – М.: ИЭ РАН, 2010.

3. Некипелов А.Д. Глобализация и стратегия развития экономики России // Проблемы прогнозирования. – № 4, – 2001.
4. Некипелов А.Д., Головин М.Ю. Экономическая трансформация в России 1985–2008 гг. / Российские трансформации в контексте мирового развития. – М., 2010.
5. Новые независимые государства: Сравнительные итоги социально-экономического развития / Под общ. ред. Л.Б. Вардомского. – М.: Институт экономики РАН, 2012.
6. Постсоветские страны и финансовый кризис в России. Ч. I, II. – М.: ИМЭПИ РАН, 2000.
7. СНГ в 1991–2010 гг. Статистический сборник. МГСК СНГ. – М., 2011.
8. Содружество Независимых Государств в 2012 г. Стат. сборник. Межгосударственный статистический комитет СНГ. – М., 2013.
9. Социально-экономическое развитие постсоветских стран: Итоги двадцатилетия / Отв. редактор Л.Б. Вардомский. – М.: ИЭ РАН, 2012.
10. 10 лет СНГ (1991–2000). Межгосударственный статистический комитет СНГ. – М., 2001.
11. Alturki F., Espinosa-Bowen J., and Ilahi N. How Russia Affects the Neighborhood: Trade, Financial, and Remittance Channels // IMF Working Paper No. 09/277. – Washington: International Monetary Fund. 2009.
12. IMF. World Economic Outlook Database, October 2013 // <http://www.imf.org/>
13. Iradian G. Rapid Growth in Transition Economies: Panel Regression Approach // IMF Working Paper WP/07/170. 2007.
14. National Statistics Office of Georgia (Geostat) // <http://www.geostat.ge/>
15. Technology Diffusion in the Developing World. Global Economic Prospects 2008. The World Bank. – Washington DC. 2008.
16. Transition Report 2010. Recovery and Reform. European Bank for Reconstruction and Development. – London, 2010.
17. UNCTAD FDI/TNC database // <http://unctad.org/en/Pages/Statistics.aspx>
18. World Bank. World Development Indicators (WDI), November 2013 // <http://databank.worldbank.org/data/home.aspx>
19. WTO International Trade Centre. Trade Map // <http://www.trademap.org/>

И.Я. Левяш

ИДЕЯ «ИНТЕГРАЦИИ ИНТЕГРАЦИЙ» И ПЕРСПЕКТИВЫ УКРАИНЫ*

Левяш Илья Яковлевич – доктор философских наук,
профессор Белорусского государственного педагогического университета.

1. «Интеграция интеграций» как идея. Казус Украины

«Нужда» в реформации взаимоотношений между постсоветскими государствами не требует комментариев, но проблема – в ее смысле и направленности. В таком контексте в программных статьях В. Путина и А. Лукашенко в 2011 г. солидарно выражена идея «интеграции интеграций». В. Путин констатировал *европейский контекст* евразийской интеграции и подчеркнул, что действующие структуры СНГ, как и проектируемый Евразийский союз, будут «...строиться на универсальных интеграционных принципах как *неотъемлемая часть Большой Европы* (курсив мой. – И.Л.), объединенной едиными ценностями свободы, демократии и рыночных законов». Реализация этих ценностей «...позволит каждому из его участников быстрее и на более сильных позициях интегрироваться в Европу»¹. В свою очередь, А. Лукашенко в резонансной статье также обратил внимание на то, что «...в создании Евразийского союза не следует усматривать попытку некоего раздела Европы ...Евразийский союз я вижу как неотъемлемую часть общеевропейской интеграции ...Мы предлагаем "*интеграцию интеграций*" (курсив мой. – И.Л.)»².

Таким образом, «осевая» идея российского и белорусского президентов заключается в «*интеграции интеграций*», т.е. *привилегированного партнерст-*

---

* Эта статья, отражающая оптимистическое видение преодоления украинского кризиса, была содана в набор в канун 2014 г. – Прим. ред.

1. Путин В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. – М., 2011. – 4 октября.

2. Лукашенко А. О судьбах нашей интеграции // Известия. – М., 2011. – 19 октября.

ва как фундаментального условия плодотворной синергии двух интеграционных процессов – *евросоюзного* и *евразийского*, основанных на общности интересов и ценностей вовлеченных в эти процессы государств.

Это действительно инновационная формула **общеввропейской** интеграции. Она выражает исторически уникальную для наших государств, Европы и мира в целом, структурно сложную, многоуровневую и разноскоростную тенденцию нашего времени и требует кардинального *обновления концептуальных оснований и геостратегических ориентиров* деятельности ее основных акторов.

Вместе с тем идея «интеграции интеграций» – это очевидный неологизм не только в концептуальном отношении, но и в практической политике. *Инновационный* смысл этой идеи пока не получил, на мой взгляд, воплощения в практической политике России. Как только официальный Киев заявил о готовности к подписанию договора об *ассоциации* с ЕС, Москва оперативно отреагировала в формате логики «или – или»: или интеграция Украины в Таможенный союз, или – в случае ее соглашения с Брюсселем – пересмотр полудлительных договоренностей с Киевом о поставках российского газа. Аргумент Киева, который разъясняет, что ассоциация с ЕС не только не противоречит консолидации СНГ, но и будет способствовать его сближению с Европой, не был принят во внимание, а готовность Украины принять председательство в СНГ (после Беларуси) трактуется как стремление «ласкового теляти» пользоваться сразу двух «маток».

Вопреки панъевропейским декларациям о намерениях, по-прежнему речь идет о двух относительно *независимых региональных*, но не трансконтинентальных процессах: с одной стороны, драматической интеграции в формате Евросоюза, с другой – вялотекущей интеграции в различных форматах СНГ. Сегодня Содружество напоминает едкую притчу о тех, кто спит в одной постели, но видит разные сны. Отмеченные подходы – в лучшем случае отражение ситуационных *событий*, но в сущности это недооценка (или непонимание) глубинных *процессов*, которые происходят в современном мире и требуют кардинального *обновления* смыслов и геостратегических ориентиров России и других государств СНГ.

Однако императивом остается ответ на вопрос: *с кем* мы? В 2012 г. президент РБ высказал свою точку зрения по этой фундаментальной проблеме в статье «О судьбах нашей интеграции». В ней подчеркивается, что Россия впервые за многие годы заявила о *приоритете* отношений с государствами, с которыми, перефразируя классика, вышла из общей советской шинели. Приоритете не пропагандистском, а пронизывающем всю жизнедеятельность наших стран и народов. Понятно, что Россия, как крупнейшая держава, не может и не будет игнорировать работу с иными союзами. «Но приоритеты –

принципиально другое. Это дорогого стоит. За словами статьи – стратегия. Правильная стратегия».

Приоритеты как России, так и других государств СНГ означают выбор на основе органического триединства культурно-цивилизационных, геополитических и геоэкономических оснований. Диалектический подход ориентирует на постижение не только сущего (реального состояния России, ее партнеров и союзников в интеграционном процессе), но и *должного*, императивного с точки зрения фундаментальных интересов и ценностей общества, государства, личности. Снова и снова необходимо задавать вопрос: «Откуда мы? Кто мы? Куда мы?» Это проблема *идентичности наших государств и их субъектности в европейском и евразийском контекстах*.

II. Последствия украинского казуса

Уже почти четверть века украинского государственного суверенитета показали, что «необходимо различать “движение за независимость” и “движение к самоопределению”». Независимость не приводит автоматически к самоопределению. Более того, независимость может быть обретаема в исторически краткие, обозримые сроки; самоопределение – это всегда длительный процесс, растянутый на десятилетия. Получившее независимость государство продолжает в течение долгого времени строить свою политику “от противного”, отмежевываясь от бывшей метрополии. Нужны годы и годы, чтобы политический курс молодого государства начал вырабатываться на своих собственных основах. Это и является признаком достижения подлинного самоопределения»³.

Постсоветская Украина обладает всей полнотой международной правосубъектности, но непреходящая проблема в том, как ею распорядиться, начиная с выбора приоритетов. Если ясно, что НАТО *опасно* для национальной безопасности Украины, где надежная перспектива? Прозападная часть украинской элиты увидела «свет в туннеле», ведущем в Евросоюз. Однако этот адрес по-своему отмечен высокой неопределенностью. В принципе, «как много» Украины может осилить Евросоюз? По масштабам Украина – крупное европейское государство с населением более 45 млн человек (уступающее только Германии, Франции, Великобритании и Италии) и территорией в 603 549 км² (для сравнения: в соседней Польше – 38,5 млн человек, территория – 312 679 км²). В стране – квалифицированные кадры, обширный машино- и станкостроительный комплекс, авиа- и кораблестроение, большая химия, легкая и пищевая промышленность, развитая транспортная инфра-

---

3. Пастухов В.Б. Украинская революция и русская контрреволюция // Полис. – М., 2010. – № 5. – С. 10–11.

структура, доступ к морю, примерно равная французской армия и т.п. Известный политолог М. Джилас отмечал, что, хотя, к примеру, «объединенная Германия является самым сильным европейским государством, но в то же время она явно переоценивает свою роль. И ей не удастся взять под свой контроль, допустим, Украину. Эта задача трудновыполнима даже для Америки»⁴. Добавлю от себя: тем более – для Америки.

По украинскому присловью, для Запада это ситуация «тяжко нести, та й жалко кидати». В «Среднесрочной стратегии» ЕС декларативно сказано: «Развитие партнерства с ЕС должно способствовать укреплению роли России как *главной силы* (курсив мой. – И.Л.) в построении новой системы межгосударственных политических и экономических связей на пространстве СНГ». Однако вопрос о зависимости взаимодействия ЕС–Украина от эволюции сотрудничества ЕС–Россия остается напряженно открытым. «*На деле*, – отмечал еще в начале 2000-х годов В. Шнайдер-Детерс, руководитель украинского бюро Фонда Ф. Эберта, – ЕС ... вряд ли согласится признать претензии России на главенствующую роль во взаимоотношениях с соседними государствами». Он полагает, что признание за Россией роли государства – лидера в СНГ влечет за собой «подспудное *исключение* Украины из объединительных процессов»⁵.

В Киеве уже прошли значительную дистанцию в направлении «Прочь от Москвы!» (аналогично ряду государств Центральной Европы, ставших членами ЕС), чтобы стать необходимыми как России, так и Западу. Верен ли такой геостратегический расчет?

Прошло более десятилетия, но статистика по-прежнему выявляет в Украине «раздвоение единого». За период 2005–2012 гг. идея присоединения Украины к союзу России и Беларуси имеет поддержку в украинском обществе в пределах 53–61%, вступления Украины в Евросоюз – 43–47, двойного гражданства в Украине – 39–47%⁶. В этой структуре по первой позиции доля элит – 44,3%, населения – 56,5%. По второй позиции доля элит – 60,8%, населения – 46,0%. Поддержка внешнеполитических проектов политическими элитами Украины в 2012 г. (в %) выглядит следующим образом: за снятие таможенного и других видов пограничного контроля на российско-украинской и белорусско-украинской границах: да – 67,6, нет – 31,3; создание на Украине зоны свободной торговли (ЗСТ) с Евросоюзом: да – 68,8, нет – 30,0;

4. *Московские новости*. 1992. – № 19, май.

5. Шнайдер-Детерс В. К конкретизации концепции «Большой Европы» // *Полис*. – М., 2000. – № 6. – С. 97.

6. *Українське суспільство 1992–2012: Стан та динаміка змін: Соціологічний моніторинг*. – Київ, 2012. – С. 644.

присоединение Украины к Единому экономическому пространству (ЕЭП): да – 67,1, нет – 30,⁷.

Рефлексия ситуации российским экспертным сообществом также неоднозначна. Ныне оценки колеблются между не лишенным эмоций скепсисом и сдержанным оптимизмом. До «оранжевой революции» стратегия сотрудничества мыслилась в категориях «евроатлантического пространства», в котором не столь значимой, но наиболее «строптивой» выступала украинская сторона. На семинаре «Россия и Украина в евроатлантическом пространстве» (Москва, 1999) А. Пушков констатировал, что «Украина состоялась как независимое государство... Она еще не утвердилась, но это уже не от России зависит... Отношения между Украиной и Россией будут зависеть от отношений между Россией и Западом... Речь идет о том, будет ли Россия великой державой или нет. По этому поводу идет... вся борьба...» Однако эти здравые суждения сопровождалась достаточно примитивной парадоксальной аргументацией: «Потому что Россия по-прежнему представляет для Запада стратегическую проблему, а Украина для Запада стратегической проблемой являться не может».

Как видим, ментальность Старшего брата труднопреодолима. А суть дела – не в масштабах или «ранге» проблемы, но в дефиците ее *всестороннего* видения в русле геоглобалистского подхода. Принципиальная альтернатива в том, какой мир выстраивается – *многополярный* или *многомерный*. Обе тенденции имеют объективный характер. В первой ипостаси – это нарастающая тенденция к отчуждению и реанимации «холодной войны» между Россией и НАТО–ЕС. «Обычная схема рассмотрения обсуждаемой нами проблемы – Украина должна сделать выбор, с кем она – либо с нами, либо с другими, – говорил на заседании названного семинара проректор МГИМО А. Загорский. – Это предположение враждебного окружения». Напротив, в *многомерном* мире, отметил А. Загорский, процесс объединения Европы – это «коренной путь». «В этой связи... и перед Украиной, и перед Россией... встает вопрос..., *в какой форме, какими путями мы будем входить в Европу*. Для решения этой задачи важны два серьезных требования. Первое и самое главное – и Россия, и Украина должны сначала справиться с домашним заданием, решить свои внутренние проблемы... Мы не должны и не будем разбегаться друг от друга, мы должны встретиться в европейском пространстве в новом качестве... партнеров, как полноценные и равноправные участники этого процесса».

Россия и Украина – «одинаково сильные братья» (Гоголь), и существуют объективные и фундаментальные основания для строительства *единой* Евро-

---

7. Зоткин А.А. Украина как политический проект // Политическое проектирование в пространстве социальных коммуникаций. Материалы Межд. конф. 31 октября – 1 ноября 2013. Часть 2. – М., 2013. – С. 349.

пы, в которой должно быть достойное место и пассионарная роль и России, и Украины.

III. Основные сценарии исхода из украинского казуса

Сценарий 1. Украина в Восточном партнерстве. Ассоциация с ЕС

В концептуальных основаниях и практике Евросоюза выявляются две противоречивые интенции — а) геополитического и геоэкономического *расширения*; б) органического культурно-цивилизационного *воссоединения* Большой Европы⁸. Обе интенции не действуют в «чистом виде», а взаимопереплетаются и реализуются с различной степенью эффективности и интенсивности. Первую из них британский политолог З. Бауман определяет как «...освобождение предпринимательского интереса от всех форм этического контроля ...и последовавшее обретение таким интересом “иммунитета” к любым ценностям, отличным от стремления к максимизации прибыли»⁹. Однако для значительной части населения Евросоюза и ее политических и культурных элит характерна ориентация не на безоглядную вестернизацию, а на органическое *воссоединение* Европы на общих культурно-цивилизационных основаниях. Так, один из фундаторов ЕС Ж. Монне признал, что «если бы снова пришлось начать работу по объединению Европы, ее надо было начинать с культуры»¹⁰.

Противоречие между двумя стратегиями — расширения *или* *воссоединения* Европы — особенно остро проявляется в предпринятом Евросоюзом крупномасштабном включении ряда центральноевропейских государств в свою структуру. Ее экстенсивный рост, наряду с достижением определенных геополитических и геоэкономических целей, создал ряд проблем. Ранее они трактовались в духе премьер-министра Франции Ж. Д'Эстена: «Концепция интеграции оказалась разорванной между расширением Союза и его углублением».

Тенденция к расширению в духе «smart power» нашла выражение в том, что ряду среднеевропейских стран, не являющихся членами ЕС, была предложена инициатива «Восточного партнерства». Следует признать, что это по-своему сильный ход Евросоюза. Геостратегический приоритет такого

8. Леваш И.Я. Дилемма «расширение / воссоединение» Европы // *Европа*. — Варшава, 2006. — № 3 (20). — www.pism.pl/europa

9. Бауман З. *Европейский путь к мировому порядку* // *Свободная мысль*. — М., 2004. — № 9.

10. *Вестник Европы*. Т. 12. — М., 2004. — С. 11–12.

партнерства очевиден в сравнении с теми скромными экономическими преференциями и участием в зоне свободной торговли с ЕС, которые, вероятно, можно получить в результате продвинутого сотрудничества. Напомним, что в свое время Рузвельт развалил Британскую империю, пообещав Черчиллю помощь при условии, что все территории, контролируемые Британией, станут зоной открытой свободной торговли для американского бизнеса. На этом и закончилась британская колониальная система, в которой никогда «не заходило солнце».

«Восточное партнерство» также оказалось «двуликим Янусом». В Брюсселе это партнерство интерпретируют как пробный камень дальнейшего расширения Европейского союза (не исключено – и с антироссийским прицелом). Об этом свидетельствует уже то, что первоначальная инициатива Швеции и Польши относительно «Центральноевропейского партнерства» была отклонена и заменена «Восточноевропейским партнерством». Суть здесь не в терминах: партнеры рассматриваются либо как «восточные», т.е. *внешние* для Евросоюза, либо как «свои», чье место, по словам польского премьер-министра Д. Туска, в европейской семье. Пока же мы только «соседи Европы» и рассчитывать на реальную *субъектность* наших государств в этом альянсе не приходится. Не зря «Восточное партнерство», по сути, верно окрестили аббревиатурой БУМАГА (по первым буквам участников).

Проблема перерастает рамки украинского казуса и требует разработки адекватных концептуальных оснований. Введение термина «*Центральная Европа*» (ЦЕ) в постдисциплинарный европейский дискурс предполагает пересмотр как его чисто географической версии, так и геополитической неопределенности термина «Центральная и Восточная Европа» (ЦВЕ). Речь идет о степени соответствия Украины, как и Беларуси, основным параметрам именно *центральноевропейского* (среднеевропейского) суперрегиона. Эти параметры (признаки) таковы: а) «цветущая сложность» (К. Леонтьев) или максимум многообразия при минимуме жизненного пространства; б) историческая общность христианской культуры народов Средней Европы и вместе с тем водораздел ее основных ветвей; в) острый дефицит материально-энергетических ресурсов и тем не менее – наличие главного производительного ресурса – квалифицированного работника; г) наследие объектов, нередко и «дубьектов» (А. Платонов), но неизменно – хроническом статусе хронических аутсайдеров великих держав; д) основной театр военных действий прошедших и потенциальных мировых войн.

Однако гегелевский крот истории прокладывает и иные маршруты. Еще не поздно, не покидая «Восточного партнерства», предложить трансформацию его концептуальных оснований в духе первоначальных предложений Швеции и Польши о «Центральноевропейском партнерстве» и в этом ключе преобразовать скорее символическую, чем реальную организацию

«Центральноевропейская инициатива», в которую входят государства Вышеградской группы, в направлении практической активизации всего сообщества средневропейских государств (членов и не-членов Евросоюза). Это был бы заметный вклад в реализацию идеи «интеграции интеграций». Но Запад оказался не готовым вознаградить Украину ясной перспективой вступления в Евросоюз (см. резолюцию Европарламента от 26 февраля 2010 г. «О ситуации в Украине»¹¹) и ограничивается предложением об ассоциации.

В то же время совершенно очевидно, что финансово-политические элиты ЕС и промышленный капитал Старого Света не рассматривают Украину как самостоятельное, суверенное и независимое государство, обладающее промышленностью, способной производить и поставлять на европейский рынок готовую продукцию высоких переделов. Таких государств в Европе и без Украины более чем достаточно – Брюссель отнюдь не заинтересован в обострении конкуренции на внутреннем рынке и притоке товаров и услуг новых членов. Тем более в ситуации, когда экономика Старого Света находится в кризисном состоянии, безработица растет на протяжении последних трех лет, реальный уровень жизни населения неуклонно снижается, платежеспособный спрос падает, а кредитование домашних хозяйств усыхает.

В такой ситуации Украина нужна Евросоюзу как поставщик дешевой и квалифицированной рабочей силы, сырьевой придаток (прежде всего в области черных и цветных металлов, а также угля и зерновых культур) и, безусловно, рынок сбыта для продукции европейских промышленных гигантов.

Однако не все так мрачно. Через десять лет вся экономика Украины должна будет работать по техническим, экологическим и фитосанитарным нормам и регламентам ЕС. Тот путь, который индустриально развитые страны Европы (Германия, Франция, Австрия, Голландия и т.д.) прошли за 50–60 лет, Украина, отброшенная назад в результате разрушительных рыночных реформ, должна пройти за 5–10 лет. Стоит сказать, что по самым скромным оценкам украинских экспертов, для того, чтобы в полной мере соответствовать техническим регламентам и нормативам ЕС, Украине до 2020 г. потребуется вложить свыше 100 млрд долл. в модернизацию инфраструктуры и развитие производительных сил.

Тем не менее Брюссель уверяет, что поэтапная интеграция Украины в ЕС ведется не против России и не за ее счет. Еврокомиссар по вопросам расширения и европейской политики соседства Штефан Фюле публично заявил 11 октября 2013 г. на встрече с политическим руководством Украины в Киеве: «Чтобы не было ошибок: Соглашение об ассоциации не заключается за счет России. Напротив, Россия также получит очень большие преимущества

11. <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&reference=P7-TA-2010-0035&language=EN&ring=P7-RC-2010-0116>

СТРАНЫ СНГ СЕГОДНЯ

от интеграции стран «Восточного партнерства» в более широкую европейскую экономику... Наше представление таково, что в долгосрочной перспективе Соглашение должно внести большой вклад в создание общего экономического пространства, как мы говорим – от Лиссабона до Владивостока на основе правил ВТО».

Сценарий 2. Украина в СНГ, но не в ТС

Украинский президент В. Янукович на инаугурации заявил: «Приоритетными для нас будут отношения с Россией и СНГ». Этого нельзя сказать об отношении к Таможенному союзу. Украина исходит из того, что принципы зоны свободной торговли и ТС несовместимы, хотя на «тройку» приходится 40% украинского товарооборота. В сравнении с ЗСТ ТС предполагает более тесную гармонизацию таможенного законодательства и таможенных тарифов, политики госсубсидирования национальных производителей, налоговой политики.

При этом даже наиболее прозападно настроенные и политически ангажированные сторонники интеграции Украины с ЕС не отрицают, что страна с финансово-экономической и научно-технической точек зрения находится в критической зависимости от России. Так, по итогам января–июля 2013 г. на долю Российской Федерации пришлось порядка 24,8% суммарного экспорта Украины в стоимостном выражении (8,9 млрд долл. из 35,9 млрд долл.) и 27,3% импорта (11,4 из 41,7 млрд долл.). С учетом Казахстана и Беларуси, которые также входят в Таможенный союз и ЕЭП, зависимость Украины от России и других стран СНГ становится подавляющей.

По показателям экспорта украинских товаров Россия опережает страны Америки (3,9 млрд долл.) и Африки (2,4 млрд) и лишь немного уступает странам Азии (9,1 млрд долл.) и Европы (9,8 млрд долл.). С точки зрения емкости внутреннего рынка и экспортных поставок украинских товаров на эти рынки даже крупнейшие европейские внешнеторговые партнеры в разы уступают России. Аналогичная ситуация складывается в отношении импортных поставок иностранных товаров на Украину – Россия уступает лишь суммарно всем странам Европы (15,6 млрд долл.), существенно опережая страны Азии (8,8 млрд), Африки (450 млн долл.) и Америки (2,57 млрд долл.).

Не менее тесными внешнеэкономические связи России и Украины выглядят под углом зрения инвестиционных потоков, согласно официальным данным Госстата Украины, Россия входит в четверку крупнейших инвесторов в экономику Украины.

Проблему отношений и взаимодействия Украины и России необходимо рассматривать в перспективе формирования Евразийского союза как ответа на потребность объединения научно-производственного потенциала постсо-

ветских государств в интересах эффективного освоения огромной территории и богатейших природных богатств.

Однако, пишет лидер Прогрессивной социалистической партии и «Евразийского народного союза» Украины, доктор экономических наук Н.М. Ветренко, если в Беларуси вопрос интеграции с Россией решен давно, то Украина находится все годы своей «независимости» под мощным внешним управлением, которое не позволяет украинской власти и ангажированным политикам принять единственно юридически выверенное (и соответствующее Всеукраинскому референдуму от 1 декабря 1991 г.), экономически и цивилизационно обоснованное решение о вхождении Украины в Таможенный союз и Единое экономическое пространство с Россией, Беларусью и Казахстаном, с дальнейшей интеграцией в Евразийский союз.

Ориентация на Запад для Украины, ее экономики, науки, культуры и политической стабильности – пагубный, заведомо разрушительный путь. Исследования, проведенные в Институте экономического прогнозирования Национальной академии наук Украины, показали, что ЗСТ и ЕС принесут неминуемые потери ВВП Украины ввиду интенсивного вытеснения отечественной продукции с внутреннего рынка. Неконкурентная экономика Украины (энергозатраты на единицу ВВП в 4 раза выше среднеевропейских) будет полностью разорена, суверенитет потерян. Украина добавит проблем для ЕС несравнимо больше, чем Кипр, Греция, Испания, Италия или Португалия.

Напротив, интеграция в ТС принесет Украине несомненные выгоды. «От 1,5 до 6,5% прироста ВВП», – подчеркнул президент РФ В. Путин на встрече с президентом Украины В. Януковичем 4 марта 2013 г. Исследования, проведенные в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН, подтвердили, что с вхождением в ТС украинская экономика выиграет порядка 7 млрд долл., объем экспорта Украины возрос бы на 60%, увеличиваясь на 9 млрд долл. в год.

На перспективах Украины остановился секретарь Таможенного союза, академик С. Глазьев в своем докладе на конференции «Перспективы евразийской интеграции Украины», проходившей 15 декабря 2011 г. в Верховной раде Украины. Он отметил: «Стремление Украины вступить в Евросоюз повлечет за собой серьезную потерю роста ВВП, ухудшение общей структуры экономики Украины, превращение Украины в резервуар дешевой рабочей силы, и вследствие этого, потерю реального экономического суверенитета. При интеграции Украины в экономические структуры Евразии, макроэкономические прогнозы намного более благоприятные. Прирост ВВП Украины в ближайшие 10 лет составит 200 млрд долл., произойдет наращивание общей конкурентоспособности экономики Украины в машиностроительной, авиастроительной и судостроительной областях. Процедура принятия решений в

Таможенном союзе прозрачна, суверенитет ни одного из государств – членов ТС не ущемляется ни на йоту»¹².

Сценарий 3. Украина в «интеграции интеграций»

Формирование Евразийского союза обуславливает высокую вероятность практической реализации панъевропейской «интеграции интеграций» – «модели мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом»¹³.

Исходный пункт и «точка опоры» в этом противоречивом процессе – *совпадение или конфликт базовых интересов и ценностей*, свои *pro* и *contra*. Назовем убедительные свидетельства ориентации *pro*. Ж. Тириар: «Европа от Дублина до Владивостока»; руководитель берлинской экспертной группы по изучению РФ Х. Тиммерманн: «Берлинский призыв Путина к стратегическому сотрудничеству стал внушительным доказательством значения ЕС для России: в будущем Европа могла бы играть самостоятельную влиятельную роль в глобальном плане, ...если она объединит свой потенциал с потенциалом России»¹⁴; К. Энъере, министр по европейским делам Франции, космонавт и герой России: «Вне всякого сомнения, связи Европейского союза с Россией имеют стратегическое значение... Как можно выйти на стратегическое партнерство, учитывающее статус игроков – Евросоюза и России?»¹⁵; британский политолог У. Хаттон: «Стратегические интересы ЕС и России по большому счету совпадают»¹⁶. Британский политолог Ф. Кэмерон акцентирует, что геостратегические выкладки – не последний довод, и опирается на такой аргумент, как *общность культурных приоритетов*. «Можно утверждать, что между Россией и ЕС не меньше связей, чем между ЕС и США. В Америке трудно найти фигуры, равные Толстому, Пастернаку, Пушкину и Достоевскому, Чайковскому и Тургеневу»¹⁷. Наконец, компания «Группа ИМА» (ФРГ) провела исследование ее жителей о России. Опрошены 1 тыс. человек,

---

12. Ветренко Н.М. Евразийская интеграция как шанс выживания // *Свободная мысль*. – М., 2013. – № 4. – С. 37–46.

13. Путин В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // *Известия*. – М., 2011. – 4 октября.

14. Тиммерманн Х. Стратегическое партнерство: Как ЕС может упрочить связи с Россией? // *Европа в мировой политике*. – М.: ИНИОН РАН, 2003. – № 4. – С. 167.

15. Цит. по: *Независимая газета*. – М., 2005. – 25 апреля.

16. Хаттон У. Мир, в котором мы живем. – М.: Ладомир, 2004, с. XLIV, XXXVII, XXXIX, XLI.

17. Кэмерон Ф. Европейский союз и Соединенные Штаты: Друзья или соперники? // *Свободная мысль*. – М., 2004. – № 11. – С. 76.

проведено 50 экспертных интервью с представителями культурной элиты Германии. По критерию «культурный авторитет» немцы ставят Россию на *первое* место – впереди даже Франции (Германия – на третьем месте, далее США, Чехия, Польша)¹⁸.

Как бы подытоживая эти размышления, Д. Доминик, директор исследований по безопасности (Французский институт международных отношений), главный редактор журнала «Внешняя политика» (Париж), сделал вывод: «Россия, бесспорно, сделала выбор в пользу партнерства с Западом... *Мы должны услышать Россию, но и она должна услышать нас* (курсив мой. – И.Л.)»¹⁹.

Итак, Европа высоко ценит культуротворческий авторитет России, признает ее роль как потенциального стратегического партнера в общеевропейском и глобальном измерениях, проявляет однозначную заинтересованность во взаимовыгодном разделении и кооперации труда в общеевропейском масштабе.

А Украина? По аналогии с ревнивой реакцией ельцинской Москвы на идею Н. Назарбаева еще в середине 90-х годов прошлого века о создании Евразийского союза, путинская Россия, недооценивая сетевой характер современного мира и субъектность государств СНГ, *монополизирует* запоздалую инициативу реинтеграции постсоветского пространства, как и «интеграции интеграций» в панъевропейском масштабе, и поэтому рассматривает идею ассоциации Украины с ЕС как политику «поперед батька». С диалектикой «и – и» в официальной Москве пока проблемы. Но ассоциация Украины с ЕС неизбежно подстегнула бы СНГ и его структуры, как и предстоящий Евразийский союз, к *действительной* модернизации. Ее логика должна подтвердить правоту О. Бисмарка, который говорил, что «Россия медленно запрягает, но быстро едет». И, повторяя вслед за А. Солженицыным, «в самостоятельном развитии – дай Бог Украине всяческого успеха».

18. Независимая газета-Ex libris. – М., 2003. – 3 марта.

19. Независимая газета-Дипкурьер. – М., 2003. – 7 февраля.

А.В. Докучаева, В.П. Михайлов, Л.В. Федорченко

РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА – СВЯЗУЮЩИЙ ФАКТОР НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Докучаева Александра Викторовна – кандидат физико-математических наук, заведующая отделом диаспоры и миграции Института стран СНГ.

Михайлов Виктор Петрович – заслуженный деятель культуры Казахской ССР, старший научный сотрудник Института стран СНГ.

Федорченко Лариса Владимировна – научный сотрудник Института стран СНГ.

«Культурная дипломатия» на службе России

В реализации внешнеполитической стратегии России, направленной на укрепление ее международных позиций и обеспечение благоприятных внешних условий для развития страны, особая роль принадлежит культуре. Место и авторитет российского государства в мире определяются не только его политическим весом и экономическими ресурсами, но и культурным достоянием народов Российской Федерации, их духовным и интеллектуальным потенциалом.

Концептуальные положения «культурной дипломатии», разработанные в конце 90-х годов, стали идеологической основой внешней культурной политики Российской Федерации последних лет в международных отношениях с зарубежными странами, в том числе и со странами Содружества Независимых Государств.

Новые вызовы начала XXI в. и масштабные задачи, встающие перед Россией в сфере международных отношений в условиях глобализации и стремительно меняющегося мира, прозрачности границ, информационной революции и ускорения цивилизационных процессов, придают культурным

связям страны еще большую значимость, открывая для них дополнительные возможности и более широкие исторические горизонты. «Не империя, а культурное продвижение, не пушки, не импорт политических режимов, а экспорт образования и культуры помогут создать благоприятные условия для российских товаров, услуг и идей», – подчеркнул Президент РФ В.В. Путин в статье «Россия и меняющийся мир» [7].

Естественным приоритетом внешних культурных связей России являются отношения с государствами СНГ и Прибалтики. Итог работы по продвижению российской культуры в «ближнем зарубежье» – успех или «напрасные хлопоты» – определится в конце концов отношением к этому процессу населения наших стран.

Насколько Россия, ее культура интересна гражданам стран СНГ и Грузии, выясняло исследование, проведенное в 2011 г. по заказу Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ (МФГС) [5]. Оно охватило 11 стран: Азербайджан, Армению, Белоруссию, Грузию, Казахстан, Киргизию, Молдавию, Россию, Таджикистан, Узбекистан, Украину. В опросе приняли участие около 12 тыс. человек.

Было изучено отношение населения стран СНГ к русскому языку как языку межнационального общения, уровень знания русского языка и его использования. Получены сведения об основных источниках информации о событиях, происходящих в странах Содружества в целом и в России, в частности, а также отношение к главным социально-политическим явлениям и процессам.

Во всех странах, где проводилось исследование, больше половины опрошенных не интересуются культурой соседних постсоветских стран и, соответственно, не испытывают дефицита информации в гуманитарной сфере об этих странах. Те же, кому постсоветские страны интересны, выделяют Россию. При этом 40% опрошенных интересуются российским кинематографом, 35 – музыкой и российскими исполнителями, 28 – достижениями российских спортсменов, 26% – российской литературой. Небольшая часть (13% из всех опрошенных) отметила нехватку информации о России. В некоторых странах неудовлетворенность информированием в гуманитарной области высказали вдвое больше респондентов, чем в среднем: 27% – в Киргизии, 24 – в Таджикистане, 23 – в Узбекистане, 20% – в Молдавии. На наш взгляд, это связано в первую очередь с низкой долей теле- и радиовещания на русском языке в этих странах, а также с неразвитостью интернет-ресурсов и недоступностью их для широких слоев населения. Менее всего недостаток информации о России ощущают в Азербайджане (3,4% респондентов). Но там менее чем в других странах интересуются Россией.

Наиболее распространенным источником информации о событиях в гуманитарной сфере соседних стран назвали национальное телевидение

СТРАНЫ СНГ СЕГОДНЯ

(55% всех опрошенных), Интернет (27%), телевидение других стран (25%). Почти пятая часть из всех опрошенных получают и доверяют информации, полученной от друзей и знакомых. Лидируют по популярности «сарафанного радио» Таджикистан (51% опрошенных) и Молдавия (28%).

К числу приоритетных направлений взаимодействия между странами в сфере культуры треть опрошенных отнесла проведение музыкальных и театральных фестивалей и совместное создание кинофильмов. В области науки и образования для трети опрошенных важными кажутся обмен студенческими группами и стажировки молодых ученых. Наиболее интересными направлениями сотрудничества в СМИ почти половина опрошенных назвала доступность телевидения стран СНГ, 38% – создание совместных теле- и радиопередач. 40% респондентов назвали важными мероприятия в области спорта (проведение соревнований, олимпиад) и развитие туризма.

Неотъемлемой частью российской культуры и одновременно средством ее усвоения является русский язык, изучение которого за рубежом повышает его роль как языка межнационального и международного общения, стимулирует интерес к России. В рамках описываемого исследования выяснилось, что подавляющее большинство опрошенных (90%) знают русский язык, из них 71% – свободно им владеют, 13% – свободно говорят, но испытывают сложности с чтением. Каждый девятый опрошенный отметил, что плохо говорит и понимает русскую речь. Самая высокая доля последних (43%) выявлена в Азербайджане.

Мотивы для использования русского языка у жителей постсоветских стран разнообразны: у 31% всех опрошенных на нем говорят в семье, 20% он нужен для просмотра фильмов и телепрограмм, 17% общаются на нем с друзьями, для 15% он необходим в работе. В то же время 14% респондентов заявили, что у них нет мотивов говорить на русском языке.

Для повышения уровня владения русским языком, по мнению 45% из всех опрошенных, необходимо открывать учебные заведения с обучением на нем, расширять доступ к телевидению и радио (37%), литературе (34%), создавать и делать доступными специальные учебники по русскому языку (33%). Практически все опрошенные (96%) отметили, что они хотят, чтобы их дети знали русский язык.

Таким образом, исследование МФГС доказывает, что позиции русского языка в государствах Содружества по-прежнему сильны, а граждане этих стран проявляют неподдельный интерес к изучению русского языка и сохранению его для своих детей. Данные опроса демонстрируют также, что спрос на российскую культуру среди жителей новых независимых республик сохраняется, они заинтересованы как в продвижении российских проектов в области культуры, так и во взаимном сотрудничестве во всех гуманитарных сферах.

Еще одним важным источником для нашего исследования является аналитический доклад Российского государственного университета нефти и газа им. И.М. Губкина о потребностях населения в изучении русского языка за рубежом и получении образования на русском языке на основе технологий дистанционного обучения [9].

По данным авторов, на момент исследования (2006) доля населения стран СНГ, в той или иной степени владеющая русским языком, оставалась в большинстве республик достаточно высокой: более 80% в странах СНГ европейского региона и Казахстане и от 60 до 80% в странах Закавказья, Киргизии и Узбекистана. В Таджикистане этот показатель находится на среднем уровне – 47% и лишь в Туркменистане на очень низком – 20%.

Для оценки возможностей экспорта российского образования с использованием дистанционных технологий важным показателем является число активно владеющих русским языком за рубежом. По этому параметру страны СНГ делятся на несколько групп. Первая – страны, где большая часть населения (свыше 60%) активно владеет русским языком: Белоруссия, Украина, Молдавия и Казахстан. Вторая группа (от 24 до 37%) – страны Закавказья. Третья группа, с низким процентом (от 16 до 30%) активно владеющих русским языком, – республики Средней Азии, за исключением Туркменистана, где этот показатель ниже 10% населения.

Однако Интернет распространяется по всей постсоветской территории очень быстро и охватывает уже десятки миллионов людей. Если на начало января 2007 г. Интернетом в СНГ пользовались в той или иной степени 35,4 млн человек [3], то на 31 марта 2011 г. в СНГ и Грузии число пользователей составило уже 102,9 млн человек [8], т.е. выросло втрое. За пределами России темпы охвата Интернетом росли еще быстрее. Если в 2007 г. число пользователей Интернета составляло 11,5 млн человек, то в 2011 г. – 43,2 млн.

Уровень проникновения Интернета в повседневную жизнь людей на постсоветском пространстве иллюстрирует таблица 1.

Приведенные в таблице 1 цифры показывают противоречивую динамику для разных стран. Данные по Белоруссии, Киргизии и Украине указывают на уменьшение охвата Интернетом населения за год, однако видимые причины для этого отсутствуют. Скорее всего, разнотенность связана с различными по репрезентативности и методике источниками сведений за 2011 и 2012 гг. Но с учетом определенных девиаций можно утверждать, что Интернет активно завоевывает постсоветское пространство. Только в Туркменистане и Таджикистане его продвижение остается на низком уровне.

СТРАНЫ СНГ СЕГОДНЯ

Таблица 1

УРОВЕНЬ ОХВАТА ИНТЕРНЕТОМ НАСЕЛЕНИЯ (%)

№ п/п	Страна	На 31 марта 2011 г. [8]	На середину 2012 г. [6]
1	Эстония	75,7	76,5
2	Латвия	68,2	71,4
3	Литва	59,5	65,1
4	Азербайджан	44,1	50,0
5	Россия	43,0	49,0
6	Армения	47,1	нет данных
7	Казахстан	34,1	45,0
8	Белоруссия	46,3	39,6
9	Молдавия	30,9	38,0
10	Грузия	28,3	36,6
11	Украина	33,9	30,6
12	Узбекистан	26,8	30,2
13	Киргизия	39,3	20,0
14	Таджикистан	9,2	13,0
15	Туркменистан	1,6	5,0

Главными проводниками русскоязычного высшего образования в странах СНГ являются совместные университеты, учрежденные министерствами образования Российской Федерации и национальных республик: Российско-Армянский (Славянский) университет в г. Ереване, Российско-Белорусский (Славянский) университет в г. Могилеве, Российско-Киргизский (Славянский) университет в г. Бишкеке, Российско-Таджикский (Славянский) университет в г. Душанбе. В Туркменистане учреждена Российско-Туркменская общеобразовательная школа в г. Ашхабаде. Конкурсы в эти учебные заведения с каждым годом увеличиваются, что свидетельствует о росте спроса на обучение на русском языке, в том числе и по российским образовательным программам.

Эти учебные заведения могут стать и базовыми центрами по продвижению дистанционных форм российского образования в странах своей дислокации, решая проблему проведения непосредственно за рубежом итоговых экзаменов и тестовых испытаний.

Состояние русской культуры и положение русского языка в странах СНГ стало предметом исследования фонда «Наследие Евразии» в 2008 г. [10]. Опрос проводился в 12 постсоветских республиках и представлял собой субъективную оценку респондентами уровня владения русским языком. Результаты исследования продемонстрировали, что на русском языке может общаться подавляющее большинство населения новых независимых государств. Выявились три основные условные группы. В первой группе с высоким уровнем владения русским языком и его распространенностью оказались страны, где приблизительно две трети населения свободно владеют русским языком:

Белоруссия – 77%, Украина – 65, Казахстан – 63%. В этих республиках русский язык является либо доминирующим (Белоруссия), либо столь же распространенным, как и титульный (Украина и Казахстан). Во вторую группу вошли Киргизия и Молдавия, где, несмотря на доминирование языка титульной национальности, достаточно большая доля населения владеет русским языком, и около четверти населения общаются на нем. Третью группу составили Азербайджан, Армения и Таджикистан. Здесь свободно владеет русским языком меньшая доля населения (30% и ниже), и он реже используется в сфере общения. Соотношение свободно владеющих и совершенно не знающих русского языка детей в этих странах пропорционально названным цифрам.

По результатам исследования, авторами были сделаны выводы о том, что в Азербайджане, Белоруссии, Киргизии и Молдавии в ближайшей перспективе не произойдет значительного сокращения доли населения, владеющего русским языком. Напротив, в Армении, Казахстане, Таджикистане и на Украине можно прогнозировать достаточно серьезное ослабление позиций русского языка. Из всех постсоветских республик выделяется Белоруссия, где почти три четверти детей, по словам их родителей, в полной мере владеют русским языком, 14% – владеют частично и лишь 2% – вообще не знают русского языка.

Как отмечают эксперты фонда «Наследие Евразии» [4], русский язык для новых независимых государств является, по сути, не русским, а советским языком, языком СССР и советского народа. В этой своей функции он и достался новым независимым государствам в двух основных качествах. Во-первых, «советский язык» взял на себя, в том или ином объеме, роль языка межнационального общения в пределах новых самостоятельных государств. Во-вторых, он выступает в качестве возрастного (поколенческого) средства коммуникации.

Таким образом, хотя процесс вытеснения «советского языка» может длиться очень долго, тенденция его замещения будет вырисовываться все более и более определенно. В частности, именно в таком направлении проводят свою языковую политику Казахстан и Украина (казалось бы, наиболее нуждающиеся в использовании русского языка страны). Потребность в русском языке естественным образом будет сокращаться по мере уменьшения численности «советских» поколений.

Главная задача для российской языковой политики в СНГ – не допустить, чтобы естественное и закономерное развитие национальных культур стран привело к ограничению возможностей использования русского языка. Вытеснение русского на вторые-третьи позиции в постсоветских странах не должно означать сворачивания культурно-информационной политики поощрения русского языка со стороны самой России.

Авторы исследования фонда «Наследие Евразии» подчеркивают, что желание или нежелание партнеров России содействовать развитию и поддержанию русской культуры – это пластичный фактор, на который Россия при необходимости может воздействовать посредством медийных механизмов, качественных продуктов массовой культуры, инвестиций в образовательную сферу СНГ, отдельных исследовательских грантов. Задачи поддержки русского языка должны быть полностью включены в повестку двустороннего и многостороннего гуманитарного сотрудничества стран СНГ.

Одним из важных элементов русской культуры является русское православие. В этой связи интерес представляет статья «Русское культурное пространство: границы, устойчивость и перспективы» [1], в которой анализируется роль православной церкви в сохранении ареала русской культуры в мире. Автор отмечает, что прихожанами Русской православной церкви в настоящее время являются около 200 млн человек. РПЦ вместе со своими епархиями в странах СНГ вносит важный вклад в консолидацию Русского мира, являясь не только религиозным, но и культурным институтом. При храмах действуют воскресные школы, в которых ученики осваивают основы православной культуры: изучают иконопись, читают нравственную литературу, создают театральные постановки на библейские сюжеты, учатся церковному песнопению. Благодаря этому многие граждане СНГ имеют возможность, не проживая в России, не отрывать себя от своих духовных корней.

Результаты названных выше исследований в области культуры свидетельствуют, что в настоящее время в ближнем зарубежье проживает значительное число граждан, в той или иной степени владеющих русским языком, испытывающих потребность в его изучении и совершенствовании, интересующихся российской культурой, имеющих деловые и личные связи в России, желающих получить образование на русском языке. Это является реальным базисом для пропаганды российской культуры, продвижения и укрепления позиций русского языка и российских образовательных услуг на постсоветском пространстве.

Экспертные оценки востребованности русской культуры в странах СНГ

В работе, осуществленной в 2012 г. Институтом стран СНГ по заказу Министерства культуры Российской Федерации [2], был проведен углубленный опрос экспертов в шести странах СНГ (Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Украина) и трех российских регионах (Москва, Московская область, Белгородская область).

Целью исследования было выявление общественного мнения в отношении продвижения российской культуры за рубежом, в частности степени

поддержки гражданским обществом России и стран СНГ гуманитарной составляющей интеграционных процессов на постсоветском пространстве в новых исторических условиях.

При анализе результатов опроса учитывались страна, регион и возраст респондентов (до 35 лет, от 36 до 50 лет, старше 50 лет). Общее количество опрошенных составило 108 человек. В число респондентов вошли государственные служащие, руководители общественных организаций, писатели, журналисты, преподаватели вузов, экономисты, социологи, политологи, психологи, юристы, инженеры, работники музеев и библиотек. Число опрошенных экспертов по странам и возрастным группам представлено в таблице 2.

Таблица 2

<i>Страны</i>	<i>Возраст / количество респондентов-экспертов</i>			<i>Всего респондентов</i>
	<i>До 35 лет</i>	<i>35–50 лет</i>	<i>Старше 50 лет</i>	
Армения	4	1	6	11
Белоруссия	1	5	6	12
Казахстан	10	4	1	15
Киргизия	1	3	3	7
Молдавия	6	2	4	12
Россия	10	13	4	27
Украина	12	6	6	24
Итого:	44	34	30	108

Опрос в странах СНГ выявил следующую картину.

Востребованность российской культуры

Большинство зарубежных экспертов подтвердили, что российская культура востребована в странах их проживания. Лишь один молодой казахстанец дал отрицательный ответ, и только шесть респондентов, тоже молодые люди, затруднились с ответом.

Какие сферы российской культуры наиболее интересны

Многие эксперты наиболее интересными для них областями российской культуры назвали литературу (56% опрошенных), СМИ (48%), кино (43%) (предлагались на выбор: литература, СМИ, кино, драматический театр, эстрада, музыкальный театр, классическая музыка, деятельность РПЦ, народное творчество, изобразительное искусство, скульптура, архитектура). Почти 40% респондентов считают, что интересны все сферы. При этом особенных отличий по странам и возрастным группам не отмечено. Значимое место для экспертов занимает театр (почти для трети опрошенных). В Белоруссии и Мол-

СТРАНЫ СНГ СЕГОДНЯ

давии четверть опрошенных отметили важность деятельности РПЦ в области культуры. Респондентов, ответивших, что «российская культура их не интересует», не было ни в одной из исследуемых стран.

В какой мере российская культура представлена за рубежом

44% всех опрошенных экспертов отметили, что в их странах российская культура представлена «в должной мере», но большинство (52%) считают, что «недостаточно».

В разных странах ответы респондентов на этот вопрос существенно различаются. В Армении они разделились поровну. В Киргизии все эксперты считают, что российская культура представлена в достаточной мере. В Казахстане и Молдавии около 60% опрошенных полагают, что российская культура представлена в их странах «в достаточной мере», а 33% – «недостаточно». В то же время в славянских государствах существенное большинство ответили, что «недостаточно»: в Белоруссии это 83,3%, в Украине – 75% респондентов. Таким образом, в наиболее близких в культурном отношении странах острее ощущают нехватку возможностей ознакомиться с российской культурой. Возможно, что такое восприятие связано не только с фактическим дефицитом российского культурного присутствия в Украине и Белоруссии, но и с психологическим фактором несбывшихся ожиданий российских соотечественников в этих государствах, предполагающих в силу родства культур большие возможности для российского культурного присутствия. Этот вопрос, по-видимому, нуждается в более детальном исследовании. Но и по результатам проведенного опроса можно заключить, что необходимо обратить особое внимание на развитие форм и объемов культурного взаимодействия России с Украиной и Белоруссией.

Каналы распространения российской культуры и информации о ней

Во всех странах, кроме Киргизии, наибольшее число опрошенных назвали российские СМИ главным источником, из которого они черпают сведения о российской культуре (в целом – 79% респондентов). В Киргизии российские СМИ назвали только 14% опрошенных; знания о русской культуре большинство получают из Интернета (71% экспертов).

Важным явлением российской культуры названы русские драматические театры, их выделили во всех странах (в общем – 40% опрошенных). Центры фонда «Русский мир» и Центры русской культуры в представительствах Россотрудничества также являются значимыми источниками российской культуры в Белоруссии (их отметили 80% опрошенных) и Молдавии (58%), в то

время как казахстанские эксперты, задействованные в опросе, о них даже не упомянули.

Источником знаний о русской культуре 3/4 опрошенных в Белоруссии назвали общественные объединения, что свидетельствует об активной работе обществ русской культуры в Белоруссии.

Треть опрошенных во всех странах назвали источником информации о российской культуре Интернет. Важнейшим направлением продвижения российской культуры, которое нужно развивать и поддерживать, названо «содействие созданию, функционированию в странах СНГ интернет-сайтов, социальных сетей общественных объединений российских соотечественников, ассоциаций земляков-выходцев из регионов России, любителей русской культуры, содействие через Интернет организации их встреч, других коллективных мероприятий, проводимых по поддержке Центров культуры России».

Следует отметить, что ни в одной из стран источником знаний о российской культуре не названы школы или другие учреждения образования, что, по-видимому, свидетельствует о вытеснении предметов русской культуры и российской истории из образовательных программ наших соседей.

Экспертов попросили назвать также источники, из которых они получают информацию о мероприятиях и событиях в области российской культуры. В целом по всем странам 86% экспертов (без особых возрастных различий) важнейшим источником назвали Интернет. Следующим по рейтингу названы российское телевидение (56% опрошенных); российские газеты, журналы и национальное телевидение указали по 42% респондентов. Треть экспертов узнают новости российской культуры от своих знакомых.

Меры по продвижению российской культуры в странах СНГ

Большинство экспертов считают важной и необходимой работу по расширению присутствия России в культурном пространстве стран СНГ. Причем независимо от возраста на первые позиции большинство экспертов ставят распространение российского теле- и радиовещания на страны СНГ (67% из всех опрошенных), инвестиции в объекты культурного назначения (56%), подготовку специалистов для стран СНГ в российских вузах, так же как и выпуск в России качественных продуктов массовой культуры (по 54%), выделение грантов на творческие и исследовательские проекты в области российской культуры в странах СНГ (53%).

Десятая часть опрошенных экспертов (всех возрастов) считают, что в продвижении российской культуры нет необходимости, поскольку, как им кажется, достаточно того, что уже есть.

Одно резко отрицательное высказывание относительно русской культуры сделано молодым респондентом из Армении, который считает недопустимым

СТРАНЫ СНГ СЕГОДНЯ

продвижение российской культуры за рубеж, так как видит в этом проявление имперских амбиций.

Практически все эксперты подчеркнули, что усилия по продвижению российской культуры будут иметь перспективу на успех, если в этом будет заинтересована молодежь. При этом названы конкретные меры и мероприятия, ориентированные на молодежь, среди них:

- создание русских школ, поддержка преподавания русского языка и литературы в образовательных учреждениях;
- обмен школьниками, студентами, учителями, учеными;
- молодежный ознакомительный туризм;
- поддержка общественных, прежде всего молодежных, историко-культурных проектов (создание общественных музеев, поисковая работа, историко-культурная работа с детьми);
- издание детской историко-культурной литературы для детей стран СНГ (школы, библиотеки), совместные молодежные фестивали и т.д.

Респонденты также отмечают, что подготовку специалистов для стран СНГ в российских учебных заведениях следует рассматривать как одну из мер по укреплению позиций России на постсоветском пространстве.

Опрос российских экспертов

В опросе приняли участие 11 экспертов в Москве и Московской области (Московский регион) и 16 экспертов в Белгороде.

Почти половина экспертов (40%) затруднились дать оценку положения российской культуры в странах СНГ. Только три эксперта старше 35 лет из Белгорода оказались оптимистами, положительно оценив ситуацию с русской культурой в СНГ, но шесть белгородцев, так же как и семь московских экспертов, дали отрицательную оценку.

Вместе с тем большинство экспертов независимо от возраста и в Московском регионе, и в Белгороде уверены, что Россия может влиять на укрепление позиций российской культуры в странах СНГ. Причем все респонденты из Белгорода – оптимисты в этом вопросе, среди москвичей – таких только половина.

Большинство экспертов также считают, что продвижение российской культуры за рубежом необходимо, что это способствует развитию возможностей для сотрудничества и в других областях. При этом некоторые москвичи (четыре из девяти) и белгородцы (два из 16) первоочередной задачей считают укрепление позиций культуры России в славянских странах (в Белоруссии и Украине) и в Казахстане.

Есть и скептики. Двое молодых людей (один – в Москве, а другой – в Белгороде) считают работу по укреплению позиций российской культуры в странах СНГ бесполезной тратой средств.

Отвечая на вопрос о мерах, которые могут способствовать продвижению российской культуры в странах СНГ, российские респонденты разных возрастов и в столичном регионе, и в Белгороде высший рейтинг выставили проектам в образовательной сфере (82%), затем следует «организация фестивалей российской культуры в странах СНГ» (67%). Многие также выделили «развитие российского теле- и радиовещания на страны СНГ» (41%), а также подписание межгосударственных соглашений в области культуры (37%).

Российским экспертам был задан вопрос о мерах, которые сделают более популярным изучение русского языка в молодежной среде стран СНГ. Наибольший рейтинг получила «подготовка специалистов для стран СНГ в российских учебных заведениях» (59%), затем следует «наличие телеканалов и радиопередач на русском языке» (56%), «рост привлекательности России для населения стран СНГ» (52%). Что коррелирует с их ответами о мерах по популяризации российской культуры.

Некоторые эксперты выразили уверенность, что грамотная внешняя и внутренняя политика России, повышение статуса российского гражданства на международном уровне также сделают изучение русского языка более привлекательным для молодежи стран СНГ.

Российская культура остается мостом, на котором сходятся культурные и духовные запросы народов бывшего СССР. Опоры этого моста – русский язык, российское образование, российское информационное присутствие на постсоветском пространстве. Укрепление их – залог успеха интеграционных проектов.

Литература

1. Герасимов С. Русское культурное пространство: Границы, устойчивость и перспективы // <http://www.geostrategy-msu.ru> 2010 г.
2. Институт стран СНГ. Анализ отношения населения стран СНГ к продвижению российской культуры на территории этих стран // Отчет о НИР. – М., 2012. – 316 с. – Сайт Министерства культуры РФ. – <http://mkrf.ru/deyatelnost/scientific-work/detail.php?ID=263968>
3. Интернет-рынок в странах СНГ: Темпы роста в Узбекистане впечатляют // http://pc.uz/publish/doc/text11029_internet-rynok_v_stranah_sng_tempy_rosta_v_uzbekistane_vpechatlayut 2007. 19 апреля.
4. Караваев А. Русская речь и культура в странах СНГ (на примере Азербайджана): Исследование фонда «Наследие Евразии» // <http://www.ia-centr.ru/expert/874/> 2008, 10 апреля.
5. Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ, исследовательский холдинг РОМИР. Гуманитарное сотрудничество государств – участников Содружества Независимых Государств и Грузии. Социологический портрет // Издательство МГУ. – М., 2012. – 200 с.

СТРАНЫ СНГ СЕГОДНЯ

---

6. ООН представила данные о пользователях Интернетом в 177 странах мира – в России 50% жителей имеют доступ к всемирной паутине // 24.09.2012 – <http://www.un.org/russian/news/story.asp?newsID=18268#UguRXNyGiic>

7. Путин В. Россия и меняющийся мир // Российская газета, 27 февраля 2012 г. – <http://www.rg.ru/2012/02/27/putin-politika.html>

8. Развитие Интернета в Казахстане // <http://www.lincompany.kz/index.php/ru/inet/2012-01-18-09-06-49>

9. Российский государственный университет нефти и газа им. И.М. Губкина. Аналитический доклад о потребностях населения зарубежных государств в изучении русского языка и получении образования на русском языке на основе технологий дистанционного обучения // М., 2006 г. – <http://russianforall.ru/monitoring/reports.php>

10. Русская речь и культура в странах СНГ. Исследование фонда «Наследие Евразии» // <http://www.fundeh.org/about/articles/40/2008>

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

В.А. Ковалёв

НАШЕ НЕПРЕДСКАЗУЕМОЕ ПРОШЛОЕ: ПОПАСТЬ В АЛЬТЕРНАТИВУ

Виктор Антонович Ковалёв – доктор политических наук,
профессор Сыктывкарского государственного университета

*Книжечки беленькие, книжечки красенькие
В детстве стояли на полочке,
«Библиотека современной фантастики»...
Все угробили, сволочи...*

*Я все понимаю: Сталин,
Репрессии, пятилетки...
Но зачем мы Космос сменяли
На фанерные табуретки?*
(Всеволод Емелин. Космос как воспоминание)

1. От дистопии к дистопии: Прошлое вместо Будущего

Недавние мечты и грандиозные планы по скорейшему освоению Космоса действительно становятся воспоминаниями. Они воспринимаются не только как нечто ненужное, непрактичное, неподъемное в экономическом и научном отношении, но еще и как странная мечта, со значительной долей утопизма. А – «нынче не время утопий». Но – это не совсем так. Без утопий люди жить не могут, просто на смену одним мечтаниям приходят другие. Это хорошо видно по такому репрезентативному для (анти)утопий жанру, как фантастическая литература. И – особенно в нашей стране. В 1960–1980 гг. типичный персонаж советских фантастических романов, повестей и рассказов садился в звездолет и летел покорять Вселенную; если же где-то попадалась разумная жизнь, то наш коммунар-прогрессор со всей страстью и научной мощью помогал освободительным силам звездных аборигенов установить у себя более совершенное общественное устройство (читай: коммунизм). Нынче совсем не то: космическая фантастика если и пишется, то уже без прежней веры, и го-

раздо большей популярностью у (еще) читающей публики пользуются такие жанровые направления как фэнтези или «альтернативная история», в которой наибольшим успехом пользуются истории о «попаданцах» в прошлое. Типичный для последней разновидности фантастики герой какой-нибудь (не)выдающийся «Вася Пупкин» вольно или невольно оказывается в прошлом – или сам непосредственно, или в сознании своего предка – и там начинает творить свои подвиги. Наш Вася помогает выиграть какую-нибудь судьбоносную войну или переиграть катастрофу 1941-го года, становится наперсником ведущих государственных деятелей или просто оказывается в теле одного из них. Корректирует историю он так, чтобы не допустить иго, Цусиму, большевистский переворот, перестроечное предательство и т.д., и т.п.

Разумеется, от всего этого можно отмахнуться как от глупых эскапистских фантазий: развлекаются взрослые дети, играя в компьютерные игры или представляя себя героями-попаданцами. Но этот популярный феномен сегоднешнего дня кажется нам весьма любопытным объектом для анализа. Конечно, у многих *серьезных ученых* подобный интерес вызовет в лучшем случае недоумение, однако, ведь известно, что «игры исторических коррективщиков» описываются и анализируются довольно часто [5].

Вообще, когда начинаешь знакомиться с библиографией работ о фантастике, то среди тысячи названий находишь немало интересных работ. Отрасль знания, которую можно назвать фантастиковедением, следует считать весьма развитой [см.: 17]. Хотя так называемое «фантастиковедение» – это, по большей части, сегмент *литературоведения*, наши профессиональные интересы лежат довольно далеко от проблем жанра и стиля (это может затрагивать меня, как читателя, но как исследователя меня более всего привлекают идейно-политические аспекты современных утопий и причины их образования). Но наряду с довольно устоявшейся традицией изучения утопического сознания в прошлом, мы видим явный недостаток внимания к элементам утопического сознания в нынешней России, пусть оно бывает плохо выраженным и фрагментированным. На наш взгляд, сегмент массовой литературы, к которому мы здесь обращаемся, весьма насыщен материалом, подходящим для изучения данной проблематики. Попытка рассмотреть современную политику через призму фантастики для нас не первая: ранее мы пытались выделить метаидеологические составляющие в фантастической литературе о будущем [10; 22] или рассматривали социально-политические перспективы новых технологий опять-таки на примере произведений авторов-фантастов [11].

В самом деле, об утопиях, в том числе выраженных в художественной форме, написано огромное количество работ, в том числе и в последние годы.

Вдоль и поперек исследуется утопическое сознание дореволюционного¹, а также, наряду с ним, советского периода² отечественной истории. Внимания же к обильному выходу современных утопий, пусть и напоминающих сорняки, явно не хватает. В свое время в нашей стране было весьма модным использовать материал фантастических произведений для изучения того или иного учебного курса в школе. Писались и издавались даже специальные методические пособия [6]. Быть может, это и кажется сейчас наивным, но автор хорошо помнит, как в учебнике природоведения для 4 класса в разделе по популярной астрономии пересказывался один из сюжетов «Туманности Андромеды» (приключения на планете Железной звезды). И я узнал впервые о ефремовском шедевре именно из школьного учебника.

Рамки статьи не позволяют подробно сосредоточиться на очень многих аспектах проблематики, связанной с изучением утопий и различных подходах к этому феномену. Здесь мы не стремимся к тому, чтобы сконструировать какое-то новое определение, нам достаточно попробовать применить уже имеющиеся дефиниции и посмотреть, как они работают на новом «эмпирическом» материале. Утопию мы понимаем в устоявшемся значении, как «место которого нет», в традиции, идущей от Т. Мора. Советские исследователи в свое время плодотворно разрабатывали эту тему, и, на наш взгляд, труды таких авторов, как В. Чаликова, Э. Араб-Оглы, И. Бестужев-Лада, Э. Баталов, эмигрант Леонид Геллер и др., – до сих пор остаются полезными и интересными, выглядят «свежо» как с точки зрения теоретической проработанности темы, так и ее политической актуальности.

Феномен утопии, само понятие утопии и ее «эпифеномена» – антиутопии, несмотря на их, на первый взгляд, «понятность» и «общераспространенность», весьма сложны для анализа; они требуют хорошей теоретической подготовки в разных областях. В данной работе, повторим, не ставится цель продемонстрировать какой-то новый подход к феномену (анти)утопии; не будем мы и подробно анализировать исходные понятия. Наша задача подойти с известным уже инструментарием к новой политической реальности, проанализировать с его помощью материалы новых и уже известных (классических) фантастических произведений, которые в нашем новом мире представляются актуальными, так как, возможно, предупреждают об опасностях уже ближайшего будущего. Но сами основные понятия в работе используются в традиционных, привычных значениях. «Утопия – это вымышленная страна; воображаемое общество, которому отдается предпочтение перед реальным, и

---

1. См., напр.: Егоров Б.Ф. *Российские утопии: Исторический путеводитель*. – СПб., 2007. – 416 с.

2. См., напр.: Мильдон В. *Санскрит во льдах, или Возвращение из Офира*. – М., 2006 – 288 с.

в образе которого, с большей или меньшей полнотой, воплощается представление о совершенном обществе и человеке, о социальном идеале» [2, с. 11]. В. Чаликова определяет этот феномен более пространно: «Утопия – это подробное и последовательное описание воображаемого, но локализованного во времени и пространстве общества, построенного на основе альтернативной социально-исторической гипотезы и организованного – как на уровне институтов, так и человеческих отношений – совершеннее, чем то общество, в котором живет автор. Такое определение позволяет исключить из утопии короткие рассказы о будущем, в которых нет описания его как системы; романы, в которых описываются события, происходящие в будущем обществе, но не описывается его устройство; многочисленные описания подземных и подводных миров, похожих на земной; романы о воображаемых войнах, научно-фантастические романы, которые сосредоточены на технологии будущего, а не на его социальном устройстве, а также многие феминистские, психоделические и фантастическо-порнографические романы...

«При таком подходе *утопией можно считать книги о прошлом, а не о будущем, если в них описано идеальное взаимодействие и самовыражение большой группы людей* (курсив мой. – В.К.) или подобных им существ» [18, с. 8].

Как раз книги об «альтернативном» прошлом (или об истории, которая становится «альтернативной» в силу подвигов пришельцев из будущего), на наш взгляд, хорошо укладываются в русло утопического сознания, как пишущих, так и читающих подобную литературу.

Если говорить о более детальных классификациях этого «массолита», то они интересуют нас здесь «постольку-поскольку», т.е. поскольку мы выбрали это жанровое направление материалом для анализа, и поскольку надо его при этом точнее определить. Дадим здесь слово знатокам и любителям фантастики. Липецкий любитель и исследователь С. Соболев делает это так: «Альтернативная история – это произведения, в которых рассматриваются вероятностные миры, выросшие из известных обстоятельств, после какого-то значительного или незначительного события, которое произошло не так, как в нашей реальности, и поэтому альтернативный мир стал кардинально отличаться от нашего. В произведении автор волен использовать известных исторических персонажей, порою – в совершенно несвойственном для них качестве, если это служит ему для решения каких-то определенных художественных задач. Фантастические произведения в жанре Крптоистории описывают негласную подоплеку реальных событий (всего лишь неизвестные стороны общеизвестных фактов), а альтернативная история (АИ) описывает якобы свершившиеся последствия вымышленных фактов [14, с. 34]. Таким образом, романы о «попаданцах» относятся скорее к разряду АИ, нежели «крипто». Например, в русле «крипто» работает известный фантаст Андрей

Валентинов (Шмалько), который отзывался весьма едкими памфлетами на истории о попавших в прошлое³.

Собственно, мы не очень хотим вдаваться в цеховые споры о разновидностях и путях развития фантастической литературы. Наша задача диагностировать сознание современников на ее примере. И лучше всего сейчас, как нам кажется, это можно сделать через глуповатые, на первый взгляд, романы о «попаданцах» и «корректировщиках» прошлого. Альтернативная история – по существу жанр социально-политической фантастики, посвященный изображению реальности, которая могла бы быть, если бы история в один из своих переломных моментов (точек бифуркации, или точек развилки) пошла по другому пути. Особенности произведений, созданных в жанре альтернативной истории, является то, что неизменным элементом сюжета является изменение хода истории в прошлом (относительно момента создания произведения). По фабуле произведения, в некоторый момент прошлого по какой-либо причине, либо случайно, либо в результате вмешательства внешних сил, например пришельцев из будущего, происходит что-то отличное от происшедшего в реальной истории. Случившееся может быть связано с широко известными историческими событиями или историческими личностями и может казаться, на первый взгляд, малозначительным. В результате этого изменения происходит «разветвление» истории.

В некоторых произведениях вместо или вместе с идеей перемещения во времени используется идея параллельных миров – «альтернативный» вариант истории реализуется не в нашем мире, а в параллельном, где история идет другим путем. Такая трактовка позволяет устранить известный логический парадокс путешествия во времени, называемый иногда «парадоксом убитого дедушки».

Основоположителем жанра альтернативной истории считается римский историк Тит Ливий, описавший возможную историю противостояния Рима и империи Александра Македонского, предположив, что Македонский не умер в 33 года, а продолжил жить и править своей империей.

Повторим, что мы рассматриваем эти произведения как своеобразные утопии. Классификация утопий также весьма разнообразна: В. Чаликова в свое время писала о литературно-теоретической, народной и официальной [19, с. 3]. Ясно, что рассматриваемые нами в этой статье примеры относятся к первому виду: это не только какая-то литература, но и часто *какая-то теория*.

Ж.-Н. Вюарне выделял среди «места, которого нет» еще и «неопределенное пространство исторической утопии, которая освобождается от норм

---

3. См.: Валентинов А. Наши в Хроносе, или Необычайные похождения майора Пупкина. – В книге: А. Валентинов, Г.-Л. Олди «Турмен». – М., 2008. – С. 498–508.

настоящего и принимает иные нормы, приписываемые неким прошедшим или будущим временам» [цит. по: 15, с. 266].

Э. Араб-Оглы называл среди многообразных проявлений утопического сознания: 1) социально-реформистский утопизм; 2) различного рода религиозные и близкие им псевдонаучные проекты; 3) своего рода социально-психологические «утопии личности» [15, с. 13]. В рассматриваемых нами романах, в свете этой классификации, интересны именно «утопии личности», – но не личности выдуманных персонажей, которые, попав в прошлое, из кожи вон лезут, чтобы приспособиться к незнакомым реалиям и избежать разоблачения со стороны «хроноаборигенов». Нет, хотелось бы увидеть переживания и понять политические взгляды типичного для сегодняшнего дня автора или читателя очередной «альтернативки».

Наконец, интересным для наших целей является разделение утопий на преобразующие («прометеевские») и «пелагианские» – утопии бегства и смирения [7, с. 6–7].

Что касается антиутопии, то это «темный двойник», «тень» утопии, Хайд по отношению к доктору Джекиллу; так показывается, как правило, квази-идеальное общество (зачастую тоталитарное). Впервые термин «антиутопия» (англ. *dystopia*, *anti-utopia*) был введен английским философом и экономистом Джонам Стюартом Миллем в 1868 г.

Конечно, само по себе предположение о переносе сознания или героя в далекое и недалекое прошлое выглядит как типичное «бегство от действительности». Но в отличие от миров фэнтези, которые связаны с нашей реальностью лишь через ряд идей или аналогий, в «попаданческих» альтернативах чувствуются остатки прометеевского и даже «фаустовского» духа. Ведь персонажи этих книг, попав в прошлое каким-нибудь магическим способом, далее, по большей части, ведут себя вполне обычным для нашего времени образом, в русле «целе-рационального социального действия», придерживаясь при этом ценностно-рациональных принципов, чаще всего патриотических – они спасают Родину от злодеев, предупреждают худшие варианты развития событий, превращают реальные поражения в фантастические победы и т.п. В произведениях, хотя бы немного пригодных для чтения, они хорошо стимулируют «социологическое воображение».

Но перед тем как рассматривать конкретные примеры, попробуем все же предварительно предположить, отчего утопическое сознание опять расцвело и именно в такой форме. Почему опять тема социокультурной утопии стала актуальной и, надеемся, востребованной.

Посмотрел на свой рабочий стол. Вот передо мной старые потрепанные выпуски сборников «Социокультурные утопии XX века». Наряду с грозной надписью «Для служебного пользования» на обложке проставлен номер (очевидно для того, чтобы тайной полиции и ее стукачам было легче отследить

утечку информации, если кто-то использует знание об Оруэлле и пр. не «для служебного пользования»). Словом, напоминание об обстановке в духе «1984». Сама составительница этих сборников вспоминала: «Свой доклад “Социалистический реализм как извращенная форма утопии” я предварила кратким рассказом о ситуации в нашей науке об утопии. С изумлением слушали ученые из разных стран о том, как мы, группа референтов Института научной информации АН СССР, еще совсем недавно по особому допуску получали в спецхране зарубежные книги об утопии, анализировали и обобщали их содержание и, составив сборники обзоров и рефератов, сдавали их в спецхран же. Как эти ротاپринтные сборники кем-то тайно ксерокопировались и продавались на черном книжном рынке» [18, с. 5].

В конце 1980-х – начале 1990-х годов действительно показалось, что эти времена, смешные и страшные одновременно, ушли в прошлое и не вернуться. Однако антиутопии имеют обыкновение не только воплощаться (о чем, кажется, предупреждал еще Н. Бердяев), но иногда – «они возвращаются». Виктория Чаликова умерла в начале 1990-х годов [4] и не застала «прекрасного нового мира» посткоммунистической дистопии. Но многие из тех, кто с энтузиазмом воспринял «перестройку» и надеялся на лучшее, – застали и были неприятно поражены, что многие их надежды воплотились либо в виде карикатуры, либо в виде антиутопии. Возможно, кроме всего прочего, речь может идти о крупном интеллектуальном просчете. В условиях «железного занавеса» многие советские интеллигенты воспринимали «Запад» по переводным книгам, фильмам, запрещенным текстам и дефицитным товарам-артефактам как-то очень поверхностно, абстрактно-«утопически». И советские обществоведы из академических институтов, допущенные до чтения-реферирования того, что простым советским людям знать было не положено, вероятно, чувствовали себя неким подобием египетских жрецов, посвященных в тайны «западных земель». Каким же должно было быть их разочарование, когда то знание стало не только доступно-профанным, но еще и многое из него оказалось либо бесполезным, либо вредным для наших условий.

Когда система «реального социализма» рухнула, и на ее обломках «Запад» стал устанавливать реальное господство – тогда пришло время говорить о новой *дистопии*. Это «уникальный философско-художественный жанр XX века – дистопия, то есть образ общества, преодолевшего утопизм и превратившегося вследствие этого в лишенную памяти и мечты “кровавую сиюминутность” – мир оруэлловской фантазии» [18, с. 8].

О характеристиках реальной ситуации и определениях дистопии, конечно, можно спорить. Скажем, М. Афанасьев остроумно замечает: «Многолюдное государство, у которого сегодня вся сила и так много денег, мнит себя Большим Братом, но похоже, скорее, на Большого Паразита» [1, с. 18]. Но ведь иметь дело с «большим паразитом» тоже неприятно, и если тоталитар-

ный «Большой Брат» уничтожал ростки свободы практически без промедлений, то авторитарно-коррупцированный Большой Паразит работает медленно, и «жить вроде можно», но судьбе свободомыслия и ее носителям в «посттоталитарной» России также не позавидуешь. Период эмансипации и надежд был, мягко говоря, непродолжительным. Мы вновь оказались в социальном аду очередной антиутопии.

Ну, конечно, если нельзя исправить положение, можно скорректировать отношение к нему. Например, прибегнуть к очередной форме утопизма и рассматривать положение как обычное состояние «нормальной страны», которое сменило мессианство бывшей «сверхдержавы» на удовольствия консюмеризма и положение сырьевого придатка развитых стран. Такой подход нам подсказан [см.: 21] и имеет в нынешней РФ массу приверженцев. Зачем переживать за критическое состояние и неблагоприятные перспективы России или мечтать об их исправлении, (утопизм!), когда можно спокойно и объективно анализировать место России среди других стран [13], сетуя, что оно ни слишком хорошо, но в целом ничего особенного, сойдет. Главное, что уничтожена «империя зла», а «автократичную клептократию» россияне как-нибудь переживут. (Эти определения заимствованы из работы А. Шлейфера и Д. Трейсмана «Обычная страна».) [21].

Но многих *носителей утопического сознания* не устраивает подобный отстраненный позитивизм в отношении собственного государства. Всякого рода приверженцы идеи «Третьего Рима» никак не могут смириться с тем, что Держава, на протяжении веков определявшая судьбы мира, ныне превратилась в сырьевую периферию и влачит жалкое существование «нормальной страны», занимая в мировых рейтингах место в конце первой сотни или в середине второй.

Носителей такого сознания немало среди авторов фантастических альтернатив, которые мечтают о самых невероятных способах исправления нынешней ситуации.

Обратимся опять к текстам В.А. Чаликовой: «под камуфляжем научной фантастики, енгеники, сексологии, феминизма вновь возрождается утопия... Существовая как визионерство и ностальгия, пророчество и заклятие, уход от мира и стремление преобразовать его, *утопия в той же мере тщетно стремится быть социальной терапией, в какой – независимо от своих устремлений – всегда бывает социальной диагностикой*» [19, с. 11] (курсив мой. – В.К.). Именно эта функция – социальной диагностики – и привлекает нас более всего.

Но прежде чем заняться вариантами диагноза, посмотрим внимательнее на сам материал, проиллюстрируем наши тезисы рядом литературных примеров.

2. «Старые песни о главном»: Какую утопию выбрать?

К жанру альтернативной истории обращались многие известные писатели и историки. Скажем, на примере Античности в АИ «играл» Арнольд Тойнби⁴. Американский фантаст Пол Андерсон создал целый цикл рассказов «Патруль времени». К известным романам этого типа принадлежит «Человек в высоком замке» Ф. Дика (мир после победы Японии и Германии во Второй мировой войне) и роман У. Мура «Дарю вам праздник» о последствиях победы южан над северянами в Гражданской войне середины XIX столетия.

В России уже выходят монографии, посвященные проблемам АИ, рассматривающие проблему как в широком философско-историческом контексте [12], так и в связи с анализом произведений, написанных в жанре АИ применительно именно к нашей стране [20]. Одно время в либеральных СМИ усиленно рекламировалась книга об исторических развилках в нашей истории, проскочив которые Россия давно могла бы перестать быть «тюрьмой народов» и превратиться в «обычную страну», чему, однако, мешали всякие неприятные обстоятельства и случайности [9]. Выходят целые монографии и сборники, посвященные изложению и комментированию альтернативных исторических сценариев⁵.

Разновидностью АИ являются истории о современных людях, попавших в прошлое, которые вольно или невольно его меняют. Сюжет строится по принципу «бога из машины», когда «люди как боги» творят новую реальность, но не на далеких планетах («трудно быть богом»), а в прошлом своего мира или собственной страны. Это один из любимых сюжетов в литературе. Можно вспомнить классическую сатиру Марка Твена «Янки при дворе короля Артура». В нынешней России хорошая сатира встречается редко, книги о будущем рисуют его или катастрофически, в духе «Метро» Д. Глуховского, или еще какого-нибудь «Зомби Апокалипсиса». Нередко можно встретить крайне пессимистическую оценку будущих перспектив, в духе тех отвратительных картинок, что рисует скандально известный литератор В. Сорокин в своих романах («День опричника», «Сахарный Кремль», «Теллурия») и пр. – жизнь будет продолжаться, но разве это жизнь!

Зато в нынешней России косяком пошли романы о попадании в прошлое с целью его скорректировать. Их издано, наверно, уже тысячи. О чем-то важном это должно свидетельствовать.

---

4. Тойнби А. «Если бы Александр не умер тогда...» // «Знание – сила». – 1979. – № 2. – С. 39–42; Его же. «Если бы Филипп и Артаксеркс уцелели...» // «Знание – сила». – 1994. – № 8. – С. 60–65.

5. Например: Лещенко В. Ветвящееся время. История, которой не было. – М.: АСТ, 2003. – 588 с.

Скучно повторять банальности о том, что реальная история не терпит слагательного наклонения, но история как исследование начинается с гипотезы «что было бы, если бы...» Собственно, по нашему убеждению, в сотнях «альтернативок» речь идет не только и не столько об играх в исторические гипотезы, сколько о симптомах настоящего, состояние которого таково, что хочется отправлять «попаданцев» в прошлое, – порой огромными партиями. И таким способом утопией подвига «попаданца» отодвигается какая-нибудь страшная антиутопия, которая имела несчастье сбыться в нашей реальной истории, например, разгром Красной Армии летом 1941 г. или катастрофа, которую после 1991 г. то с ускорением, то с замедлением, переживает Россия. С помощью фантастических утопий авторы книг о «наших в хроносе» и / или активисты форумов по альтернативной истории пытаются «заклясть» или, что проще, отвлечься от реальности воплотившихся антиутопий.

Рассуждения о «ветвящемся времени» представляются нам весьма достойным интеллектуальным занятием для тех же любителей истории, например. Но, разумеется, это всего лишь интеллектуальная игра, талантливая или нет, в зависимости от способностей и эрудиции автора. Конечно, попасть в прошлое никак невозможно и изменить его тоже. В данной ситуации исследовательской возможностью для обществоведа остается не гадание о том, как можно было «перенграть войну», а социологический анализ причин и основных способов такой «корректировки» в сценариях современных авторов, находящих отклик среди читающей публики. Разве не интересно выявить, в какой период прошлого более всего стремятся герои наших дней?

Обработать весь массив российских книг об изменении хода нашей российской и мировой истории нам не представляется возможным. Их очень много, выходят они в разных издательствах, сериях, многие невозможно читать в силу литературной слабости текста или глупости содержащихся там идей и т.д. К тому же такие подсчеты быстро утратят свою актуальность, так как к уже отправившимся в прошлое современникам постоянно приходит подкрепление – чтиво такого рода сейчас очень модно, и все новые книги быстро пишутся и раскупаются.

Поэтому, среди нескольких наборов книг мы выбрали как наиболее, на наш взгляд, репрезентативную, серию «Военно-историческая фантастика» (ВИФ) издательства «Эксмо». Обратившись к списку вышедших книг «ВИФ»⁶, мы провели нехитрые подсчеты. Получилось, что популярность тех или иных хронопутешествий персонажей военно-исторической фантастики выглядит примерно следующим образом:

---

6. См.: *Лаборатория фантастики*. – <http://fantlab.ru/series713>

- Великая Отечественная война (прежде всего, 1941-й год) – 43%;
- Вторая мировая война (с существенным изменением событий ВОВ, типа «первого удара») – 10%;
- революция и Гражданская война в России – 11%;
- Первая мировая и ее альтернативы – 3%;
- Русско-японская война 1904–1905 гг. – 9%;
- более ранние периоды – 5%;
- забросы исторических личностей в настоящее и будущее – 7%;
- другие случаи и комбинации – 12%.

Мы не претендуем здесь на точность таких распределений (да в этом и нет необходимости, так как речь идет о чистом вымысле), так как база названий меняется, помимо романов есть сборники рассказов про различные времена, а в ряде случаев однозначно отнести то или иное произведение к какой-то категории не представляется возможным. Но порядок, в котором распределяются *попадания* в историю, выглядит весьма любопытно и показательно.

Как видим, прежде всего, это ВОЙНЫ. Когда фантазия авторов советской фантастики устремлялась в прекрасное далёко, на Земле, как правило, уже устанавливался вечный мир. Хотя для удержания читательского внимания и требовались далекие путешествия и опасные приключения в других галактиках. В нынешней же отечественной фантастике вместо вечного Эдема царит какой-то сплошной Рагнарёк⁷. Героям бесчисленных фантастических боевиков уготованы самые невероятные способы смертоубийства. Война идет везде: на Земле, в Космосе, в будущем, в прошлом, в иных измерениях и параллельных мирах. Авторы АИ тоже не отстают от общей моды, ведь читателю фантастики сражения гораздо интереснее любовных переживаний – для них существуют другие серии массовых изданий и иная гендерная аудитория. В то же время сочинители военно-исторических фантазий всячески подчеркивают, что точки исторической бифуркации высвечиваются на полях боев, и именно военные победы / поражения меняют ход времени. Культурные, экономические, социальные факторы явно не пользуются большой популярностью и служат лишь плохо прописанным фоном. Порой герои забрасываются из настоящего в относительно мирные периоды. Но чем они там занимаются? – готовятся к войне, о которой знают заранее, или стараются ее предотвратить.

Тематически здесь события Великой Отечественной находятся вне конкуренции. ВОВ за последние десятилетия превратилась в наш главный героико-исторический миф, еще как-то скрепляющий российское единство. Историческая травма страшного разгрома и «драпа» Сорок Первого Года никак не

---

7. Рагнарёк – в скандинавской мифологии гибель богов, конец света.

заживает, да ей и не дают зажить – слишком многие деятели политики и культуры заинтересованы сейчас в разнообразных спекуляциях на военные темы. Фантасты, естественно, не отстают. Помимо ВИФ есть целые серии (например, «Военно-фантастический боевик» Лениздата), где собраны тексты именно о переигрывании сражений 1941–1945 гг.

Другой, набирающей популярность темой, является переписывание событий Гражданской войны и / или революции. Здесь герои оказываются либо в роли исторических личностей в самый разгар событий 1917–1922 гг., либо загода меняют историю так, чтобы Смута начала XX в. в Российской империи, а потом и страшные войны тоталитарного мира не произошли вовсе. Или – линии конфликтов меняются до неузнаваемости.

Особой популярностью авторов пользуется Русско-японская война 1904–1905 гг. Авторы как будто следуют подзаголовку популярной книги историка Анатолия Уткина, в котором трагедии Порт-Артура, Мукдена и Цусимы называются «началом всех бед» [16].

Политические пристрастия авторов военно-исторической фантастики разнятся: иногда они играют «за красных», иногда «за белых», порой просто стремятся развлечь читателя, не придавая идеологическим расколам решающего значения – главное, чтобы было побольше стрельбы и приключений.

Экскурсии за пределы прошлого столетия пользуются несколько меньшей популярностью в данной серии. Произведения на эти сюжеты присутствуют (например, о попадании в XVII–XIX вв.), но здесь исторический материал кажется гораздо более трудным для достоверной реконструкции и связь с сегодняшней «злостью дня» значительно менее очевидной. Порой используется обратный прием: герои прошлого оказываются в будущем или настоящем. Например, солдаты Красной армии помогают отразить нашествие инопланетян или же Берия предотвращает развал Союза в 1991 г. Но «ретро-антрополопопоток» пользуется гораздо большей популярностью.

Великая Отечественная война

Великая Отечественная – это основная поворотная эпоха в историях про «попаданцев», и культ личности Джугашвили там совсем не редкость. Мы в данной статье не хотели бы увлекаться сталинскими сюжетами, хотя отчетливо видим, что популярность сталинского мифа сейчас сопоставима с 1930–1950 гг. Чтобы уж совсем не игнорировать эту проблему, отошлем читателя к дельной статье «Сталинский дизельпанк», где ее автор Д. Завольский (очевидно, псевдоним) утверждает: «Как ни оценивай сегодняшнюю положительную мифологизацию образа Сталина и сталинского периода, но с тем, что это явление в российском обществе разрастается, уже не поспоришь... В отсутствие емкого и ясного образа России лик вождя и эпитет “сталин-

ский” превращаются в символ – но только не России, а потерявшей нации и запутавшегося государства. Навязчивые игры с советским прошлым, все дальше уводящие от реальности, что насущной, что исторической – это не национальная идея, а национальный наркотик, и зависимость от него все усугубляется. Уже несталинская советская действительность окрашивается в сталинские тона. Русское по сей день до предела отождествлено с советским; теперь же советское на наших глазах отождествляется со сталинским. Красный морок, в который до сих пор окрашен русский мир, принимает кроваво-багровый оттенок. Фантомный советизм, имеющий все больше общего с глянцевою сталинианой, вытягивает из русского патриотизма соки, превращаясь во все менее совместимый с жизнью нарост» [8].

В целом мы согласны с диагнозом автора этой пространной цитаты. Хотелось бы также отметить, что отказ от реальной модернизации и демократизации России, отсутствие успехов на этом пути, блокирование попыток обретения русской национальной идентичности чреваты воскрешением мифа не только Сталина, но и Гитлера. «Вдруг» в массовом сознании становится неожиданно популярным не только сталинский, но и нацистский тоталитарный миф, который имеет немало приверженцев в нынешней России. Сюжет о победе Третьего рейха был и раньше популярен в мировой и отечественной фантастике (мы упоминали классический роман Ф. Дика), но сейчас все чаще меняется отношение к подобной «альтернативе» с «какой ужас» до «ничего страшного». Изверившееся и запутавшееся сознание массового человека, не видящее особой радости в настоящем и перспектив в будущем, вяло реагирует на подобные страшилки, что побуждает разрабатывать их более подробно.

Помимо ряда авторов-фантастов, есть и своеобразные «теоретики». Например, небезызвестный питерский игротехник С. Переслегин всюю конструирует альтернативное прошлое и будущее, причем опирается при этом, как он сам утверждает, на «творчество братьев Стругацких»⁸. Согласно Переслегину, наилучшим вариантом был бы союз Германии и СССР в начале 1940-х годов, более раннее и успешное освоение космического пространства, и дальше – добро пожаловать в «мир Полдня», описанный в произведениях «натычей». В сопроводительных комментариях к «Мирам братьев Стругацких» эта переслегинская «концепция» излагается подробно. Не берусь сказать, много ли сегодня найдется людей, желающих жить в таком мире, но попытки ряда «образованцев» придумать сценарии контроля над Россией и ее растворении в чем-то ином (германском или евразийском союзе, всепланетном коммунизме и т.д.) повторяются с завидной регулярностью.

---

8. Один из вариантов такой корректировки события временного континуума см.: Переслегин С. Возвращение к звездам: Фантастика и эволюция. – М., 2010. – 570 с. (Особенно характерны некоторые главы второй и третьей частей.)

Мечты Переслегина и ему подобных (А. Лазарчука, В. Гончарова и пр.) вызвали острую негативную реакцию у некоторых коллег по цеху. Харьковский фантаст А. Валентинов усмотрел в них попытки обеления национал-социализма и надругательство над памятью наших отцов и дедов – поколением Победителей⁹.

Остроумную *деконструкцию* подобных мифов в жанре альтернативной истории, предпринял Константин Крылов – философ и писатель-фантаст (псевдоним М. Харитонов). Совместно с С. Никитенко они написали роман «Юбер аллес», действие которого развивается почти по-переслегински. Роман огромный. В нем, наряду с неизбежным «экшн», много «идейных» споров и актуальной политической сатиры.

Канва следующая: история изменилась после убийства Гитлера, более вменяемое руководство заключило союз с РОА, Россию освободили от большевиков, германо-российский союз противостоит англосаксам, которые все же вынуждают их к «перестройке». Стремясь ее предотвратить, сын Власова – летчик и секретный агент – расследует убийство коллеги в Москве. Кого в романе только нет – причем совпадение имен не является случайным. Забавно, что используются (пародируются) идеи Переслегина об убийстве Гитлера, о союзе Берлина и Москвы, о полете немцев в космос еще в 50-е годы и т.д. Но социально-политическая логика приводит не к пресловутому «Полдню», а к очередной «катастрофке». Надежда только на то, что после нее бывшие Третий Рим, как и Третий рейх не будут страдать «голландской болезнью» – зависимости от добычи и продажи природных ископаемых.

Порой кажется, что вопрос об умозрительном выборе исторических альтернатив приобретает все большее практическое значение. В ряде романов жанра АИ решительно утверждается, что мы «не с теми воевали». Мировые войны, как они случились в истории – это историческая ошибка, и настоящим противникам России является Англия. В ряде фантастических произведений российско-германский союз, идея которого проводится с завидной настойчивостью, громит британские эскадры; наши «попаданцы» и «хроноаборигены» успешно борются против коварных агентов Альбиона.

А как же быть с фашистской Германией? Надо устранить фюрера заблаговременно («Убить фюрера» как в романе Олега Курылева). Однако, если в давнем рассказе советского фантаста Севера Гансовского «Демон истории», утверждалось, что убийство в молодости Гитлера ничего в принципе не изменило бы: на смену одному бесноватому придет другой и будут использованы другие технологии массового уничтожения, то сейчас в фантастике есть

---

9. См.: Валентинов А. Четвертый рейх. – В книге: Валентинов А., Г.-Л. Олди. «Тир-мен». – М., 2008. – С. 509–522.

более действенный способ: подменить сознание фюрера, и – получается роман Германа Романова *«Товарищ Гитлер. Повесить Черчилля!»*

В памяти сразу же всплывает не только информация о «Большой игре» между империями в Азии, тезис Дмитрия Галковского о том, что Россия является криптоколонией Англии, но и сообщения о бандитах и олигархах, врагах нынешней России, которые находили и находят прибежище «под юбкой у английской королевы» и продолжают нам всячески гадить.

Поэтому данного супостата, как и других неприятелей России, лучше встречать на дальних исторических подступах.

Первая мировая, революция и Гражданская война

Указанному выше сценарию вполне соответствует роман *«Хозяин Земли Русской»* Алексея Махрова и Бориса Орлова и его продолжения. Современник внедряется в сознание последнего русского царя и при поддержке других соратников из будущего показывает, *как* надо поступать с врагами – внешними и внутренними – в прошлом и настоящем.

Роман Александра Маркова *«1937. Русские на Луне»* повествует о демобилизованном летчике, который после победы в Великой войне, был нанят сниматься в фантастическом боевике о полете в космос, где ненароком были раскрыты важные секретные технологии. В конце романа герой, преодолев трудности детективно-авантюрного сюжета и став личным пилотом царя, наблюдает по телевизору высадку русских космонавтов на спутнике Земли – мы «первые на Луне».

Но если уж несчастье случилось и «Красная Смута» началась, то следует срочно внедряться в сознание персонажей из прошлого. Так, у Николая Андреева (*«За Русь Святую»*, *«Гром победы раздавайся»*) офицер российской разведки переносится в сознание великого князя Кирилла, который после отречения Николая, подавляет большевистскую революцию, выигрывает «вторую Отечественную войну» и, подавив заговоры, выводит Россию на путь грандиозных социальных реформ. Попутно русский флаг взвигается над Царьградом, который, наконец, освобожден от мусульманского ига, вместе с решением проблемы Проливов.

Исправлением ситуации заняты и герои эпопеи Германа Романова *«Спасти Колчака»*. Наш современник – офицер, обманутый в лучших чувствах, во время служения в нынешней российской армии, (сюжет почти: «Табулеткин и его шлюхи») попав, благодаря заклинаниям шамана в Сибирь в разгар Гражданской войны, помогает и адмиралу Колчаку, и генералу Каппелю избежать исторических поражений и гибели. Наступает промежуточное торжество антикоммунизма и сибирского регионализма. Романов, кажется

непримиримым по отношению к большевикам: «Они свое славословие отбросили про социализм и царство его на земле, и свой настоящий лик показали».

Хотя в авторском замысле наблюдаются странные перескоки. На наш взгляд, самым удачным у Романова был роман *«Спассти Императора. Попаданцы против ЧК»* – по хронологии в серии самый первый. В книге попадают в прошлое, благодаря секретам колдуна-родновера, не наши современники, а солдаты РОА, обложенные чекистами. В Перми, в самый разгар «красного террора» им предстоит спасти брата царя и сделать его вождем Белого движения. По глупости и благодушию Российская империя допустила вторжение бесов. Теперь русскому ведуну и его помощникам предстоит сражение с черными каббалистами из ЧК. Хорошо показан ужас массового террора. Победа достигается дорогой ценой.

Русско-японская война 1904–1905 гг. и поворот к спасению Державы

Альтернативные сценарии этой войны начала прошлого века предлагаются в сериях романов Вячеслава Коротина, Александра Лысева, Глеба Дойникова и Сергея Лысака (романы последнего вышли в петербургской серии «Военная фантастика», но по замыслу они очень похожи на альтернативки из серии «ВИФ»). Избежав поражений Порт-Артура и Цусимы, Россия избегает и революции. Для этого «попаданцы» используют свои знания будущего, приемы современного оперативного искусства и новейшее оружие. Главное, что России удастся избежать и мировых войн, и коммунистических концлагерей. Возможно, это попытка отыскать в альтернативной истории психологическую компенсацию.

В преддверии XX столетия и ранее

Этот пласт отечественными авторами также активно разрабатывается. Например, у модного беллетриста Б. Акунина есть цикл «Жанры», где в *«Детской книге»* главного героя, мальчика отправляют по хронокоридору в начало XX столетия, а потом и дальше – к Лже-Дмитрию. Получается забавно и дискуссионно с точки зрения исторических оценок.

Но в нашей серии этот период представлен гораздо скуднее. Назовем *«Товарищ жандарм»* Станислава Сергеева. Здесь военный служащий из постсоветского агонизирующего Крыма и его товарищи помогают царю и Бенкендорфу свернуть шею английским шпионам и масонам и подготовить Россию к Крымской войне. Короче, бей масонов – спасай Россию, дабы не допустить безнадёги ее катастрофического настоящего. Все большей популярностью пользуются жандармы и другие агенты спецслужб. Метаморфозы отечественной социальной психологии, однако.

Будущее – в тумане

Это тоже характерная особенность нашей эпохи. Настоящее многим сильно не нравится. Но достойной альтернативы ему не видят. Если взять ту же АИ, то в ней просто навалом историй об ИМПЕРСКОЙ, а значит, сильной, могучей и авторитарной империи. Бесчисленное количество романов АИ рисует картины нашей державной мощи и владения полумиром.

Другие издательства и серии в этом не отстают от продукции «Эксмо». Например, в серии «Имперская фантастика» выходят книги Александра Афанасьева. В романе *«Бремя Империи»* Россия предстает в привычном амплуа сверхдержавы. Она имеет миллиардную численность населения, уже контролирует Ближний Восток и герои подавляют мятеж в Бейруте, инспирированный, разумеется, англичанами. В серии «Мужской клуб» издательства «Крылов» популярны романы А. Ерпылева о *«Зазеркальной империи»*. Параллельная Россия там также преисполнена монархической мощи. В одной из книг описываются боевые действия «ограниченного контингента» в Афганистане (роман *«Имперский рубеж»*). Патриотическая реакция на нынешний развал и ослабление России? Безусловно. Но и страшная ограниченность исторического репертуара, хотя, казалось бы, в мире фантастики нет границ.

И опять Россия платит за «бремя империи» немислимую цену. Так, настоящее уводит в прошлое, к «старым песням о главном». Зачарованность имперской мощью (Сталиным и Петром, монархией и опричниной, чекистами и жандармами) не дает подумать о более достойных русских альтернативах. Мертвый хватает живого – прошлое занимает в сознании, в мечтах место будущего и становится им в реальности.

3. Вместо заключения:

Попавшие в альтернативную историю – и немного социально-политической диагностики

Собственно, ни в фантастических утопиях, ни в альтернативной истории как таковых сегодня нет ничего нового. Важны лишь конкретные обстоятельства и формы их проявлений и выражений. Постсоветский период имеет здесь свою, ярко выраженную, «усиливающую» специфику. Несчастное сознание постсоветского человека становится еще несчастнее из-за того, что раньше его приучали к прогрессистскому утопизму, к тому, что «завтра будет лучше, чем вчера», и что жизнь будет неуклонно улучшаться, хотя, возможно, и медленнее, чем хотелось бы. На фоне этой парадигмы социального прогресса, распад СССР и последующие бедствия и неопределенность стали шоком, так доселе и не преодоленным. Целостный мир социалистического мифа оказался разрушенным. Относительно схожих случаев Э.Я. Баталов справедливо утверждает: «Расцвет утопического сознания приходится на периоды распада

традиционных общественных связей, зыбкости социального бытия, туманности исторических перспектив, т.е. на периоды безвременья» [2, с. 23]. Сейчас как раз такое время.

И еще раз про выбор жанра для анализа. В чем-то романы типа АИ и истории про «попаданцев», можно рассматривать как патриотическую реакцию на измену стране не только политических и бизнес элит (где наши «верхи» предпочитают держать свои деньги, недвижимость, давать образование детям – в общем-то, хорошо известно), но и значительной части интеллектуалов. На фоне традиционных ценностей русского культурного слоя, нынешние коллаборационисты-интеллигенты выглядят особенно отвратительно. Для всей этой публики Россия стала «этой страной» – территорией для насмешек и наживы. «Простые» русские ребята, вроде лирического героя стихотворения В. Емелина, приведенного в эпиграфе, почувствовали себя глубоко обманутыми. Они решили, что у них украли будущее. Им и предназначены выходящие одна за другой фантастические книжки, призванные компенсировать моральную травму в связи с изменой «элит».

Идейное возмущение нынешними «пришельцами и захватчиками» психологически также объясняет «непримиримость» многих рассмотренных романов. Их авторы показывают, КАК надо поступать с врагами – внешними и внутренними. Ибо враги наши сейчас всячески препятствуют выработке правильного к себе отношения. Что неудивительно, как и то, что здравые мысли сейчас часто приходится высказывать в рамках маргинального фантастического трэша. «Альтернативщики» возмущаются тем социальным адом, в коем нынче им приходится выживать и в своих фантастических опытах пытаются переиграть революцию и мировые войны, а также то, что им предшествовало. Фантазия забредает в более близкие времена, например в «катастрофку»: самолет с Горбачёвым сбивают «стингером»; в общем, «лучше бы он не родился».

И опять возвращение вопроса: «что было бы, если бы...» Что было бы, если бы перестройка началась иначе и проводилась бы другими людьми? (Допустим, что крах советского социализма был неизбежен, и он разваливался под грузом собственных противоречий.) Даже не *perestroika* бы произошла, а какая-нибудь альтернативная «переделка»? Легко из этой переделки мы бы все равно не выбрались, неизбежны были бы и потери, и ошибки, и преступления. Не обошлось бы и без традиционного ответа на традиционный вопрос, который звучит так: «Воруют!» Конечно, воровали бы, конечно, ошибались бы. Но – может быть, не так много. Но – может быть, обогащались бы, но не раскурочили бы нажитое в СССР с таким садистским остервенением. Но – может быть, заботясь о себе любимых и родне, не продавали бы военную технику на металлолом за копейки и не теряли бы контроль над стратегическими отраслями и предприятиями. Но – может быть, не сдавали бы за просто

так внешнеполитические позиции, завоеванные ранее русской кровью в рамках «империи зла».

«Может быть» зависело от степени осознания российских интересов новой (пусть и с традиционными чертами) российской власти. А в текущей реальности, в произошедшей истории «перестройки» она была почти предельно антироссийской и антирусской. Можно, конечно, видеть в этом некую мистику традиционной Русской Системы или клясть по привычке русскую судьбу. Но можно к анализу «катастрофы» подойти и более приземленно. Многое зависело от того, какая группировка оказалась ближе к рычагам реальной власти – раз; и – как само общество осмысливало и реагировало на ход стремительных изменений в СССР, что оно думало накануне его распада и т.д. – два.

Есть и другие факторы, конечно, но при осмыслении этих двух мы можем сильно продвинуться в понимании прошлого и предвидении будущего. Многие, повторим, в этом увлечении «альтернативной историей» идет от ролевых игр и компьютерных «стрелялок». Это способ развлечься, и часто не более того. Однако мы отдаем себе отчет, что за этими развлечениями кроется иногда и серьезное идейное содержание. Но оно остается достаточно примитивным, так как даже российские профессиональные историки и политологи запутались как в прошлом, так и в настоящем. Что уж требовать с сочинителей альтернативной фантастики, среди которых много дилетантов и графоманов – они тоже в основном мечутся между либерал-компрадорскими и имперско-сталинскими мифами. Попыток удачного выхода за эти рамки сравнительно немного.

Но все это бесполезно уже для того, чтобы в канун следующей «перестройки» не дать одурочить себя русофобскими «философемами» и «идеологемами», изучать прошлый опыт того, как страну и народ оставляли в неведении, разбираться в приемах манипулирования, которым снова интенсивно подвергается сознание масс. Пытаясь понять, почему все так произошло и происходит, люди в бессилии видят выход в одном – убежать. И поскольку наступающее Будущее кажется опасным и непредсказуемым, остается бежать в Прошлом.

Но, может быть, дело не только в «нехорошем» настоящем и стремлении его где-то «пересидеть». Что если нынешняя российская ситуация имеет еще более трагичную подоплеку. Возможно, наше историческое бытие действительно подходит к концу и подобно человеку на склоне лет и серьезные философы и историки, и авторы масскультовых развлекательных романов задаются вопросом, что было в прошлом не так и что бы хотелось изменить, представься такая возможность.

И если жизнь нашего российского «культурно-исторического типа» (не «славянского», а именно «русского», подкорректируем немного

Н. Данилевского), частично или в целом, не удалась, то где в истории была совершена роковая ошибка: в неправильной подготовке к войне, в искушении социализмом и допущении Красной Смуты, в живодерских реформах Петра или Расколе? Или – где-то еще? А может быть, еще раньше, при выборе ненадежных союзников или «неправильной веры»? Или – где-то еще? Фантастическое, «историко-альтернативное сознание» пытается и эти версии. Но об этом – в следующей статье.

Литература

1. Афанасьев М. Российские элиты развития: Запрос на новый курс. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2009. – 132 с.
2. Баталов Э.Я. Социальная утопия и утопическое сознание в США. – М., 1982. – 336 с.
3. Буддаков В. Quo vadis? Кризисы в России: Пути переосмысления. – М., 2007. – 204 с.
4. Верченев Л.Н., Рековская И.Ф. «Ересь первичного добра» (В.А. Чаликова) // ФБОН-ИНИОН: Воспоминания и портреты: Сб. ст. / РАН. ИНИОН; Ред. кол.: Пивоваров Ю.С. (предс.) и др.; Сост. Соколова М.Е.; Науч. ред.: Ефременко Д.В., Соколова Н.Ю., Черный Ю.Ю. – М., 2011. – Вып. 1. – С. 215–221. (Воспоминание – некролог).
5. Виттенберг Б.М. Игры коррективщиков (заметки на полях «альтернативных историй») // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 66. Режим доступа – <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/66/vit21.html>
6. Власова К. Мир научной фантастики на уроках физики. – М., 1963. – 144 с.
7. Геллер Л., Нике М. Утопия в России. – СПб., 2003. – 312 с. – (Переводчик: Игорь Булатовский).
8. Завольский Д. Правозащитник Сталин и дизельпанк // АПН.ру, 5 марта 2010. – Режим доступа – <http://www.apn.ru/publications/article22444.htm>
9. Карацуба И.В., Курукин И.В., Сколов Н.П. «Выбирая свою историю. “Развилки” на пути России: От рюриковичей до олигархов». – М., 2005. – 638 с.
10. Ковалёв В.А. Наше фантастическое будущее. Политические дискурсы и политические прогнозы в современной российской фантастике: За и против // Полития. Журнал политической философии и социологии политики. – 2008. – № 1–2. – С. 42–64.
11. Ковалёв В.А. В ожидании нового Франкенштейна (о трансгуманизме, NBIC-конвергенции и постчеловеческом мире) // Россия и современный мир. – 2012. – № 4. – С. 142–170.
12. Модестов С.А. Бытие несвершившегося. – М.: МОНФ, 2000. – 176 с.
13. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. – М.: МГИМО-Университет, 2007. – 272 с.
14. Соболев С.В. Альтернативная история: Пособие для хронохикайзеров. – Липецк, 2006. – 232 с.
15. Социокультурные утопии XX века. Реферативный сборник. Вып. 1 / Отв. ред. Чаликова В.А. – М.: ИНИОН РАН, 1979. – 286 с.
16. Уткин А.И. Русско-японская война: В начале всех бед. – М., 2005. – 496 с.
17. Харитонов Е.В. Наука о фантастическом. Библиографический справочник. – М., 2001. – 240 с. – Режим доступа – <http://lib.web-malina.com/getbook.php?bid=5102>
18. Чаликова В. Предисловие к сборнику: Утопия и утопическое мышление: Антология зарубеж. лит.: Пер. с разн. яз. / Сост., общ. ред. и предисл. В.А. Чаликовой. – М., 1991. – С. 3–20.

19. Чаликова В.А. Эволюция современной буржуазной утопии. – М., 1983. – 36 с.
20. Шевелёв В.Н. Всё могло быть иначе: Альтернативы в истории России. – Ростов н/Д., 2009. – 349 с.
21. Шлейфер А., Трейсман Д. Обычная страна // Рабочие материалы Московского Центра Карнеги, 2004. – № 7. – 26 с.
22. V.A. Kovalev. Our Fictitious Future (Political Discourses and Political Forecasts in the Modern Russian Science Fiction: Prosand Cons). – Ежегодник «Russian Polity» 2007–2008. – Режим доступа – <http://www.russianpolity.ru/content14/>

В.В. Пациорковский

**ЧЕЛОВЕК И ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ: ОТ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ К ПРОСТРАНСТВЕННОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА**

Пациорковский Валерий Валентинович – доктор экономических наук,
профессор, заведующий лабораторией ИСЭПН РАН.

Существующие формы территориальной организации общества и размещения населения сложились в уходящую эпоху. Они отражают господствовавшие представления о развитии экономики, труде, быте и свободном времени. Набирающее силу инновационно-технологическое развитие (вторая индустриализация) требует иных форм размещения населения и организации жизни общества.

В нашей стране в течение продолжительного времени размещение населения контролировалось государством. Этот контроль осуществлялся по нескольким направлениям с использованием обременений (прописка, насильственное переселение, ограничения в передвижении и др.) и поощрений (поясные коэффициенты и надбавки к заработной плате и пенсиям, добровольное переселение, комсомольские стройки и др.).

С переходом на новые формы экономического развития исчезли и видимые основания бюджетной поддержки размещения населения, сложившегося к началу последней декады ушедшего века. Последствиям такого подхода у власти просто не было желания и компетентности уделять требуемое внимание.

Между тем большие массы населения, осознав отсутствие кнута и пряника, быстро пришли в движение. Например, уже к моменту первой переписи населения в новое время (2002) численность населения Магаданской обл., которая равнялась в 1989 г. 386 тыс. человек [4, с. 24], сократилась в 2 раза – до 182,7 тыс. человек [16, с. 277]. А на момент второй переписи (2010) она составила уже 157 тыс. человек [6, табл. 11].

Вряд ли следует полагать, что приведенный пример единственный, и он характеризует положение дел только на удаленных территориях. В настоящее

время сложилось несколько устойчивых тенденций в самоорганизации размещения населения, которые настоятельно дают о себе знать. Две из них, а именно концентрация населения в центре и на юге европейской части страны, равно как и его стягивание в крупные города и тяготеющие к ним пригороды, по всему периметру расселения скорее свидетельствуют о больших напряжениях в территориальной организации общества, чем просто о предпочтениях широких масс людей.

Уместно предположить, что размещение населения, сложившееся в предшествующую эпоху, препятствует решению задач его сбережения и демографического развития. Это обстоятельство необходимо учитывать в пространственной организации вновь формируемого общества.

В территориальном развитии пока еще доминирует модель «центр – периферия», которая привела к глубоким деформациям в формировании систем расселения и размещения населения. Для нашей страны символом такой гипертрофии служит Московская агломерация, которая как «черная дыра» может поглотить значительную часть всего населения.

Характерными чертами рассматриваемой модели являются: неизменность сложившихся отношений и статусов центра и периферии. Центр – всегда столица, конечным пунктом периферии служит крайне труднодоступное село, удаленное от всех транспортных магистралей и постоянных контактов с центром любого уровня. Центр – всегда точка роста и привлекательности. Периферия – практически всегда стагнирует и отдает свое население центру.

Складывающаяся на этой основе *территориальная организация общества* может пониматься как *размещение населения, власти, инфраструктуры и производства на основе модели развития «центр – периферия» с вытекающими из нее ограничениями свободного движения труда, капитала, товаров и услуг.*

Такая организация общества вполне дееспособна до тех пор, пока у периферии есть кого отдавать городу. По мере нарастания демографического кризиса, связанного с исчерпанием, прежде всего на селе, возможностей воспроизводства населения, поддерживать такую систему расселения без постоянного ввоза огромного числа мигрантов очень трудно.

Поэтому устаревшая модель медленно, но неуклонно уступает место «полицентрической модели» пространственного развития. Эта модель предполагает как на региональном, так и на федеральном уровнях формирование взаимосвязанных центров тяготения, население которых вовлечено в общий оборот свободного движения труда, капитала, товаров и услуг.

Полицентрическая модель требует наличия множественных центров тяготения. Более того, точки роста и притяжения в ней постоянно меняются в зависимости от инновационно-технологической привлекательности и эффективности проектов, реализуемых в данный момент в той или иной местности.

В плане систем расселения в радиусе примерно в 1000 км вокруг Москвы морфология полицентризма фактически уже создана. Его основные реперные точки и векторы развития: Тверь – Санкт-Петербург – Выборг, Ярославль – Вологда – Архангельск, Ярославль – Киров – Пермь – Екатеринбург, Нижний Новгород – Киров – Пермь, Казань – Набережные Челны – Екатеринбург, Рязань – Саранск (Рузаевка) – Самара – Уфа – Челябинск, Рязань – Саранск (Рузаевка) – Саратов, Рязань – Волгоград, Рязань – Воронеж – Ростов-на-Дону – Краснодар – Сочи, Тула – Орел – Курск – Белгород – Харьков, Калуга – Брянск – Киев, Смоленск – Минск – Брест и др.

Наряду с мобильными средствами коммуникации связать все эти в известном смысле изолированные направления расселения в единое целое может только транспортная инфраструктура. Отсюда возникает потребность в формировании транспортных коридоров, обеспечивающих доступность и максимальный комфорт при минимальных затратах времени и физических сил пассажиров.

С учетом сказанного в среднесрочной и отдаленной перспективе скоростному пассажирскому железнодорожному транспорту суждено сыграть одну из ведущих ролей в интеграции и развитии пространства, на котором проживает более 80% населения страны. Совершенно ясно, что эта задача требует огромных ресурсов. Она может быть решена только в поэтапном режиме и на большом отрезке времени. Поэтому при ее решении выстраивание приоритетов и соответствующей им очередности шагов имеет очень важное как народнохозяйственное, так и политическое значение.

И на региональном уровне в ряде субъектов Федерации наблюдается формирование полицентрических систем расселения. Бинарные центры расселения уже сложились в Татарстане (Казань – Набережные Челны), Краснодарском крае (Краснодар – Сочи), Ставропольском крае (Ставрополь – Пятигорск), Вологодской обл. (Вологда – Череповец), Самарской обл. (Самара – Тольятти), Челябинской обл. (Челябинск – Магнитогорск), Кемеровской обл. (Кемерово – Новокузнецк). К сожалению, практически повсеместно процесс формирования таких систем расселения испытывает большие трудности в связи с доминированием механизмов и представлений, выработанных на основе модели центрo-периферийного развития.

Взаимное дополнение, равно как и противопоставление, территориальной и пространственной организации общества имеет глубокие корни. В качестве природных прототипов таких систем можно назвать озера и реки, горы и степи. Указание на природные прототипы территориальной и пространственной организации общества позволяет лучше понять их особенности. Озера и особенно горы представляют собой как бы естественно замкнутые системы. Преодоление устанавливаемых ими границ и барьеров требует больших усилий. В то же время бассейны рек, равно как и степи, в известном смысле

экстерриториальны. В историческом плане они выполняли роль первых транспортных коридоров («Путь из варяг в греки», «Шелковый путь» и т.п.). Техническими прототипами таких систем могут служить радиоточки и радиоприемники, стационарная и мобильная телефония. В культуре такими прототипами являются традиционные СМИ (газеты, журналы, телевидение) и электронные СМИ. В социальном плане прототипами территориально-пространственных отношений могут служить личные контакты и социальные сети. Наиболее наглядно сопоставление территориальной и пространственной организации общества можно представить в табличной форме (табл. 1).

Таблица 1

**ОСНОВНЫЕ СВОЙСТВА ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ
И ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА**

Основные свойства	Организация общества	
	Территориальная	Пространственная
Индикаторы идентичности	Граница	Ареал, контур взаимосвязей
Организация власти	Централизация, разделение и делегирование полномочий	Децентрализация и субсидиарность
Формы реализации власти	Административно-территориальное деление страны	Муниципальные образования
Субъекты принятия решений	Федерация, регионы, муниципалитеты	Транснациональные, межрегиональные и межмуниципальные объединения
Управление	Вертикальное	Горизонтальное
Модель развития	Центр – периферия	Полицентрическая
Размещение населения	Населенные пункты (города, села)	Системы расселения (агломерации)
Доминирующий тип семьи	Нуклеарная	Многопоколенная
Доминирующий тип воспроизводства населения	Депопуляция	Замещение поколений
Доминирующие типы занятости	Наемный труд	Наемный труд, самозанятость

Источник: Авторские исследования и разработки.

Характерное для нашего времени противопоставление территориального и пространственного развития обусловлено нарастанием тенденций глобализации, формированием протяженных, международных транспортных коридоров и распространения электронных средств коммуникации.

В территориальной организации общества власть и властные отношения выполняют основную роль в поддержании целостности. В международном плане решающее значение имеют суверенитет, строгий контроль границ и протекционизм, защищающий интересы собственных производителей. Во

внутреннем плане – местничество и удвоенный протекционизм доминируют во всех сферах жизни.

Для пространственной организации общества характерны нарастающая прозрачность государственных границ, открытые рынки, свободное движение труда, капитала, товаров и услуг. Политика протекционизма, если и не уходит полностью в прошлое, то дополняется институтами и обязательствами международного сотрудничества (ВТО, МОТ, ВОЗ, ФАО и др.).

Фундаментом международного сотрудничества на Старом континенте являются «Основополагающие (руководящие) принципы устойчивого пространственного развития европейского континента»¹. Как и «Европейская перспектива пространственного развития»², разработанная специально для стран, входящих в ЕС, так называемый Ганноверский документ (принят в Ганновере в 2000 г.), слабо известен в нашей стране, но уже сегодня он оказывает заметное влияние на принятие решений в рассматриваемой сфере.

Следует еще раз подчеркнуть, что переход от территориальной к пространственной организации общества предполагает учет как факторов экономического роста, так и факторов демографического развития. Все соображения о пространственной организации общества актуальны лишь при следующих условиях:

- продолжаются процессы глобализации;
- создается инновационная экономика;
- реализуется полицентрическая модель развития.

Исходя из этого, пространственная организация общества может быть определена следующим образом: *«Пространственная организация общества – размещение населения, власти, инфраструктуры и производства на основе полицентрической модели устойчивого развития и в соответствии с требованиями свободного движения товаров, услуг, труда и капитала»*.

Реальность же состоит в том, что в настоящее время в России открытие внешних границ, обусловленное требованиями экономического развития и международного разделения труда, намного опережает преодоление внутренних границ, порожденных административно-территориальным делением и местничеством. А о чем-то похожем на приграничное сотрудничество, реализуемое по инициативе и в рамках взаимодействия с ЕС, во внутреннем плане пока и говорить не приходится.

---

1. *Guiding Principles for Sustainable Spatial Development of the European Continent*. – <http://vasilievaa.narod.ru/mu/csipfo/kpr/frames/guide/guidpsdecontin.htm>

2. *European Spatial Development Perspective (Towards Balanced and Sustainable Development of the Territory of the European Union)*, ESDP. – <http://vasilievaa.narod.ru/mu/csipfo/kpr/frames/guide/esdp.htm>

Достаточно сказать, что для того, чтобы попасть из Тотьмы (Вологодская обл.) в находящийся примерно в 30 км Солигалич (Костромская обл.) необходимо сделать крюк почти в 500 км. И так практически везде и повсеместно там, где федеральные органы власти не пробили транспортного коридора. В качестве других примеров можно привести транспортные тупики: Фряново (Московская обл.) – Карабаново (Владимирская обл.), Карпогоры (Архангельская обл.) – Вендига (Республика Коми), Кудымкар (Пермский край) – Сыктывкар (Республика Коми).

Изоляционизм региональных властей, блюдущих вверенную им территорию, настолько избыточен, что и в условиях провозглашенных открытых рынков они очень часто полностью блокируют движение не только труда и капитала, но даже товаров и услуг. В межрегиональных отношениях доминируют конкуренция за ресурсы, распределяемые федеральной властью, зависть, подозрительность и нездоровое соперничество. Получающее все более широкое распространение делегирование полномочий обусловлено исторически сложившимися ограничениями основных принципов федерализма, в том числе и субсидарности.

С этой точки зрения региональная экономика только закрепляет ложные представления о самодостаточности регионов, как правило, понимая под регионом субъект Федерации. При этом фактически ограниченные и слабо подготовленные к конкурентным отношениям локальные рынки обретают ложный имидж потенциальных носителей больших перспектив социально-экономического развития.

Трудно повысить конкурентоспособность субъектов Федерации, если во входящих в них муниципальных образованиях реализуется режим выживания, тотальной дотационности и субсидирования. Распространенные межрегиональные сопоставления с акцентами на диспропорции и различия в социально-экономическом развитии отдельных регионов [14, с. 390] в действительности уводят от понимания еще более значимых внутрирегиональных различий.

Их преодоление возможно только на путях интеграции малых городов и сельской местности в формируемые полицентрические системы расселения. Сменяемость и сосуществование центров таких систем расселения не могут реализоваться на основе закрепленного административно-территориального статуса. Их основой служат текущие инновационные решения и находки на местах, которые позволяют создавать на локальном уровне новые продукты и услуги, равно как и поддерживать их привлекательность на региональных и глобальных рынках.

Пока мы еще на пороге глобализации, как никогда ранее правильно начать движение за сохранение локальных брендов и торговых марок типа «Вологодское кружево», «Вологодское масло», «Костромской сыр», «Орловский

рысак», «Шацкий картофель», «Ярославский сыр» и др. На местах хорошо бы понять, что в этих брендах заложена не только узнаваемость и привлекательность, но и конкурентоспособность локальных производителей на региональных и глобальных рынках.

С точки же зрения восприятия любой локальной местности широкими массами людей внутри страны и за ее пределами в местных брендах заложены исключительно большие возможности. Локальные бренды, транслируя свою «виртуальную прописку», позволяют потребителю легко и просто идентифицировать стоящий за ними товар или услугу с тем или иным культурным и цивилизационным ареалом.

Борьба французов за «Шампанское» и «Коньяк», а немцев, чехов и американцев за торговую марку пива «Будвейзер» показывают, насколько сильно стремление как к сохранению локального, исторически сложившегося производства в условиях глобализации, так и укреплению идентичности человека и общества в эпоху глубоких и быстрых перемен.

В новых условиях *привлекательность качества и образа жизни, внедрение предметов быта и образцов культуры и искусства становятся основной формой утверждения, взаимосвязи и диффузии локальных, региональных и национальных систем и общностей*. Уместно предположить, что указанный механизм является одним из основных путей вписывания и сохранения самобытности локального в глобальную общность. Его реализации как раз и способствуют локальные бренды и полицентрические системы расселения.

Отставание внутристранового территориального развития и интеграции на основе формирования полицентрических межрегиональных систем расселения (агломераций, мегаполисов) и новых сельско-городских отношений оказывает нарастающее негативное влияние на все стороны жизни общества. Вряд ли нужно доказывать, что образ жизни крупнейших городов исключает качество и комфорт, которые обеспечиваются жизнью на природе в индивидуальном усадьбном жилище, в сельской местности, малом городе или, как минимум, в пригороде большого города.

Указанное обстоятельство касается и вопросов демографического развития, которые можно решить только на путях свободного размещения населения и укрепления позиций многопоколенной семьи и домохозяйства. Как на местах реализуются уже принятые меры по движению в указанном направлении, например по выделению земельных участков многодетным семьям, хорошо видно из сообщений СМИ [3; 5].

Рассматривая вопросы перехода от территориального к пространственному развитию, уместно обратить внимание на позицию по данному вопросу, излагаемую в известном документе «Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика».

В интересующем нас аспекте, подчеркиваемая разработчиками документа новизна проявляется в предложении разработать стратегию пространственного развития России, основанную на следующих принципах:

- «стимулирование развития инфраструктуры тех территорий, где концентрируется население;
- инфраструктурная поддержка городских территорий, подтвердивших на практике свою способность быть центрами образования, науки, экономического развития; отказ от искусственного формирования “точек роста” в местах интенсивного оттока населения;
- развитие транспортных “коридоров”, связывающих крупнейшие города страны;
- минимизация негативного влияния решений о размещении объектов федеральной инфраструктуры на конкуренцию регионов, облегчение доступа к данным объектам инфраструктуры из соседних регионов;
- “управляемое сжатие” периферийных территорий, политика которого включает стимулирование мобильности населения, оптимизацию сети бюджетных услуг, развитие локальных центров, обеспечивающих население окружающих территорий базовыми услугами, в том числе мобильными, адаптацию системы социальной защиты населения;
- отказ от осуществления масштабных федеральных проектов на малонаселенных территориях, за исключением ограниченной поддержки отдельных высокоприбыльных сырьевых проектов, реализуемых бизнес-структурами» [15].

Представленные выше принципы позволяют утверждать, что, говоря о пространственном развитии, авторы мыслят в терминах территориальной организации общества («инфраструктурная поддержка городских территорий», «оптимизация сети бюджетных услуг» и др.).

Критикуя урбанистическое планирование в России, которое по оценке авторов доклада «застряло в середине XX века, тогда как необходимо быстрое изменение подходов к организации, планированию и изменению городской среды (“города, удобные для жизни”)» [15, с. 5], разработчики как бы и не замечают тот факт, что города, удобные для жизни, не могут обеспечить демографическое развитие, а следовательно, и устойчивый экономический рост.

Например, в 2010 г. в наиболее урбанизированном Центральном федеральном округе страны, в котором более 80% населения составляют горожане, среднее значение общего коэффициента рождаемости среди 524 городских округов и сельских муниципальных районов равнялось 10,7 промилле, или около 11 человек на 1 тыс. жителей. Таким был уровень рождаемости в городах Владимире, Донском (Тульская обл.), Липецке, Москве. При этом самый высокий уровень рождаемости наблюдался в Болховском (17,0 промилле), Мценском (15,5), Малоархангельском (15,4) районах Орловской области и в

Спировском районе Тверской обл. (15,4 промилле) [1; 2]. Это не просто хороший, а весьма высокий уровень рождаемости с точки зрения целей демографического развития.

В то же время самый низкий уровень рождаемости наблюдался в поселках городского типа Славный Тульской обл. (2,7 промилле) и Власиха Московской обл. (4,8), городах Фокино Брянской области (5,5) и Скопин Рязанской области (6,0 промилле) [1; 2]. Это не просто низкий, а удручающе низкий уровень рождаемости. Вполне возможно, что это весьма удобные для жизни городские поселения. В то же время уровень рождаемости в них далек даже от показателей замещения поколений.

Говоря о необходимости создания среды, благоприятной для жизни и развития человека, авторы доклада утверждают, что «для России это означает коренную реформу образования, здравоохранения, системы социальной помощи, пенсионной системы» [15, с. 6]. Такого рода утверждения вполне осмысленны и имеют под собой определенные основания. Тем не менее, как было показано нами ранее в ряде работ [см.: 11; 13, с. 443–501; 12, с. 35–40; 12а, с. 121–133], пространственное развитие в первую очередь предполагает свободное размещение значительной части населения в современном автономном усадебном жилищном фонде. Без этого все изменения в образовании и здравоохранении будут скорее «освоением бюджетных средств», чем реальными шагами к развитию.

Таким образом, без сочетания факторов экономического роста и демографического развития переход от территориальной к пространственной организации общества весьма затруднителен. Это обстоятельство, во-первых, требует изменения многих традиционных представлений и методов анализа происходящих перемен. Оно справедливо не только для уровня управления, но и для сферы исследований и разработок.

Во-вторых, указанное обстоятельство требует более внимательного отношения ко всей проблематике демографического развития, в том числе и к размещению населения. Оно предполагает как поощрение и углубление самоорганизации населения, отражающей интересы и потребности современного человека, так и активную социально-экономическую политику, направленную на увязку различных интересов отдельных групп населения и всего общества в целом. Необходимо понимать, что средством достижения конечной цели – создания инновационной экономики, служит решение промежуточных задач, связанных с преобразованиями в размещении населения, жилищном секторе, демографическом развитии и оплате труда. При этом *размещение населения, усадебное жилище и демографическое развитие*, с одной стороны, равно как *размещение населения, оплата труда и инновационно-технологическая модернизация экономики* – с другой, образуют два автономных блока пошагового решения поставленных задач.

Достижение целей *демографического развития* предполагает следующую последовательность шагов.

- Устойчивое развитие сельской местности (в самом широком смысле этого слова: от производства до инженерной и социальной инфраструктуры) [7; 8].

- Поощрение индивидуального жилищного строительства усадебного типа на селе [9, с. 84–87].

- Увеличение численности больших многопоколенных семей (в первую очередь все в той же сельской местности) [10, с. 121–128].

- Реализацию большого числа других мер и микромер, снимающих препятствия на пути демографического развития, порожденные эпохой промышленной революции и индустриального общества.

Среди других актуальных шагов и мер следует выделить изменение репродуктивного поведения и мотивации деторождения. Формирование репродуктивных установок должно предшествовать формированию инструментальных и достиженческих установок. Это очень важное обстоятельство, далеко выходящее за рамки данного текста.

В то же время *инновационно-технологическое развитие* предполагает:

- Повышение мотивации труда наемных работников.

- Рост частного индивидуального предпринимательства и самозанятости.

- Поиск и освоение отраслевых и производственных ниш, обеспечивающих конкурентные преимущества реализуемой продукции и услуг.

- Поддержание устойчиво-благоприятных условий хозяйствования и инвестиционной деятельности.

- Обеспечение условий разработки и внедрения инноваций.

Связующим звеном двух этих блоков и служит размещение населения. Опыт показывает, что инновации хорошо тиражируются и распространяются корпоративным сектором экономики. В то же время рождаются они по большей части вдали от мест использования наемного труда.

Благоприятной средой для инновационной деятельности служат дружеские и профессиональные связи, частный сектор, самозанятость и домохозяйство, в котором есть возможность довести до кондиции какую-либо инновационную идею или разработку. Очень часто все эти неформальные начальные условия оказываются более эффективными, чем результаты работы компаний с короткой историей деятельности в реальном секторе экономики, как принято говорить сегодня, – стартапы. С этой точки зрения развитие социальных связей, а также модернизация домохозяйств и их интеграция в экономику не только как потребительских единиц, но и как производственных ячеек общества, имеет весьма важное значение.

В пользу данного утверждения свидетельствует опыт многих известных удачных инноваций последнего времени: от создания персональных компью-

теров Macintosh и программных продуктов Microsoft до создания информационных систем и мобильных социальных сетей Facebook.

Видимо, в таких неформальных условиях современному человеку-творцу, вынашивающему инновационный замысел или нестандартное технологическое решение, легче уйти от тотального контроля и довлеющего влияния глубоко укоренившихся традиций исследовательского поиска, характерных для сложившихся научных школ и экспертных сообществ, на которые опираются как государство, так и корпоративный сектор. Это весьма серьезное обстоятельство и его надо учитывать в разработке различных проектов и планов инновационно-технологического развития. Оно гораздо проще преодолевается в пространственной организации общества.

Литература

1. База данных по городским округам и муниципальным районам России. Лаборатория социально-экономических проблем территориального развития ИСЭПН РАН. – М., 2013.
2. База данных показателей муниципальных образований. – М., 2010. – <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst.htm>
3. Воронцов В. Нет земли для многодетных семей. – <http://cottage-novosibirsk.ru/news/762>
4. Демографический ежегодник. – М., 2000.
5. Мангилева Е. Под дом и огород // Ведомости – Самара. 19.08.2011, № 154 (2920). – http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/265928/pod_dom_i_ogorod
6. Окончательные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Численность населения России. – http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php
7. Пациорковский В.В. Сельская Россия: 1991–2001 гг. – М., 2003.
8. Пациорковский В.В. Сельская Россия: Приоритеты развития. – М., 2009.
9. Пациорковский В.В. Приоритеты демографического развития: Семья и домохозяйство. – М., 2009.
10. Пациорковский В.В., Пациорковская В.В. Большая семья в демографической ситуации России // Социологические исследования. – М., 2009. – № 3.
11. Пациорковский В.В. Сельско-городская Россия. – М., 2010.
12. Пациорковский В.В. Изменение условий жизни и размещения населения – ключевые факторы демографического развития // Народонаселение. – М., 2012. – № 2.
- 12а. Пациорковский В.В. Пространственная организация общества: Воспроизводство, движение и размещение населения // Россия и современный мир. – М., 2012. – № 4. – С. 121–133.
13. Пациорковский В.В. Территориальные различия социально-демографического развития // Пространственная демография и социальная среда. – М., 2012.
14. Региональные особенности уровня и качества жизни. – М., 2012.
15. Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика. – М., 2012. – <http://2020strategy.ru/data/2012/03/14/1214585998/litog.pdf>
16. Численность и размещение населения. Итоги Всероссийской переписи 2002 г. – М., 2004. – Т. 1.

Е.В. Реутов, М.Н. Реутова

**СОЦИАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ:
ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ***

Реутов Евгений Викторович – кандидат социологических наук,
доцент Белгородского государственного
национального исследовательского университета.

Реутова Марина Николаевна – кандидат социологических наук,
доцент того же университета.

Высокая степень изменчивости современного мира приводит к утрате людьми ощущения прочности своего места в профессии, в организации, в местном сообществе и даже в семье и государстве. Остается не так уж много механизмов, удерживающих социальные связи от распада. Социальное доверие является одним из таких механизмов, хотя и оно испытывает негативные последствия социальной турбулентности. Кризис общественных ожиданий от политических институтов и нарастающая тенденция к сужению социальной роли государства негативно отражаются на институциональном доверии.

Дефицит доверия в российском обществе фиксируется социологами достаточно давно. Однако очевидно, что негативные тенденции в сфере межличностного и институционального доверия, которые стали отмечаться с середины 1990-х годов, не носят линейный характер. Еще в большей мере это становится очевидным, если учитывать социальную и культурную неоднородность российского общества.

Для изучения ситуации с социальным доверием в Белгородской области был проведен социологический опрос (2012 г., N=962), а затем опрошены

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Грант «“Культура не-доверия” в региональном социуме: факторы и социальные практики» № 12-03-00148/12.

эксперты (2013 г., N=43), представленные социологами, активистами общественных организаций, журналистами, государственными служащими.

Прежде всего следует отметить некоторый рост обобщенного межличностного доверия в последние несколько лет. На вопрос-индикатор «Как Вы считаете, большинству людей можно или нельзя доверять?» в 2012 г. положительно ответили 42,41% опрошенных, отрицательно – 37,53%. В сравнении с результатами, полученными нами в 2010 г. в ходе исследования «Эффективность социальных сетей в региональном сообществе» (N=1000), доля лиц, считающих, что большинству людей можно доверять, выросла на 9,3%, а тех, кто считает, что доверять нельзя – уменьшилась на 14,0% [2, с. 42].

Возможно, повышение уровня обобщенного межличностного доверия связано с преодолением последствий финансово-экономического кризиса, достаточно ощутимо отразившегося на социальном самочувствии россиян. Отметим, что в декабре 2012 г. ВЦИОМ зафиксировал существенный рост практически всех показателей социального самочувствия населения. Так, индекс удовлетворенности жизнью за последний год вырос с 43 до 60 пунктов; индекс самооценки материального положения – с 55 до 64 пунктов; уровень социального оптимизма – с 53 до 66 пунктов [5].

Как показал опрос 2012 г., по мнению абсолютного большинства (60,91%) респондентов, «доверие является необходимым условием существования общества». То, что «можно обойтись без него, достаточно лишь выполнения людьми своих гражданских и профессиональных обязанностей», сочли лишь 22,45% опрошенных. Таким образом, доверие для массового сознания является ценностью – если не бесспорной, то достаточно значимой. Затруднились с ответом на данный вопрос 16,69% опрошенных.

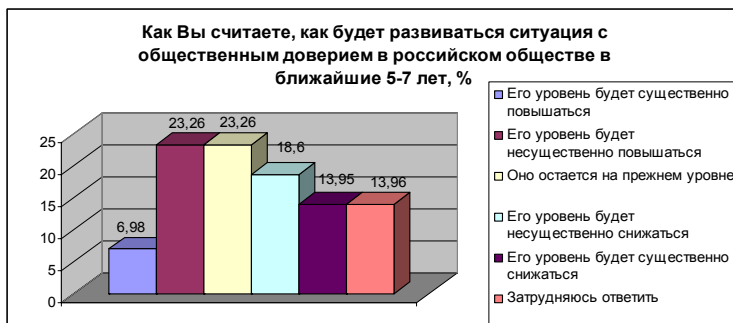
Если в ходе анализа данных массового опроса создается впечатление о наличии положительных тенденций в сфере общественного доверия, то экспертные оценки гораздо более осторожны. Лишь 2,33% экспертов оценили уровень доверия в российском обществе как высокий; 34,88% посчитали его средним; большинство же (60,47%) отметили низкий уровень доверия. Конечно, результаты экспертной оценки еще не свидетельствуют о катастрофичности ситуации с общественным доверием. Но то, что она является критической – вне всякого сомнения.

Усиливает негативный характер оценки экспертная характеристика динамики ситуации с общественным доверием. Большинство экспертов (62,79%) отметили ухудшение ситуации с общественным доверием, из них 23,26% – указали на существенное снижение доверия. На положительную динамику, в свою очередь, указали только 18,61%, из них лишь 2,33% – на существенное повышение.

Однако прогноз ситуации с общественным доверием на ближайшие 5–7 лет не носит столь мрачного характера. Здесь также уровень пессимистиче-

ских оценок превышает уровень оптимистических, но эта разница невелика (диагр. 1).

Диаграмма 1

Наиболее сложной является ситуация с доверием в политической сфере жизни общества, а также в сфере бизнеса. На это указали, соответственно, 67,44 и 34,88% экспертов. Бытовые, соседские отношения, а также сфера профессионального, внутриорганизационного общения, с точки зрения экспертов, более благополучны. Их в качестве проблемных сфер выделили, соответственно, 16,28 и 13,95% опрошенных (диагр. 2). «Как показывает практика, – отмечает П.М. Козырева, – недостаток доверия к институтам власти и бизнесу, а также к их представителям – политикам и бизнесменам, предпринимателям, может не ощущаться столь же остро и болезненно в тех или иных областях межличностных взаимоотношений» [2, с. 27].

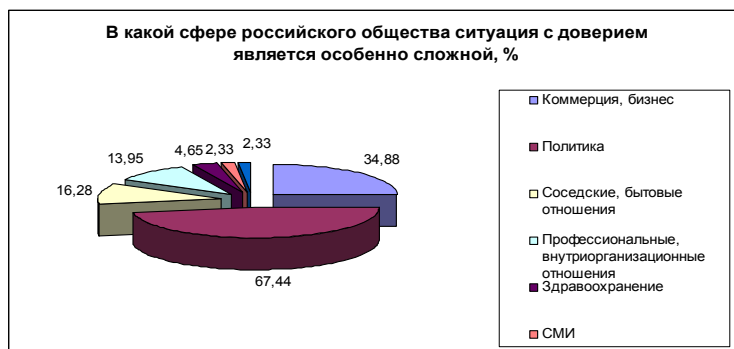
Как и большая часть ментальных феноменов, доверие / недоверие не распределяются равномерно среди всех социальных групп. Они ощутимым образом зависят от статусных и мировоззренческих характеристик респондентов. К наиболее значимым социально-демографическим факторам обобщенного социального доверия относятся пол, возраст, поселенческий статус.

Среди мужчин оказалось больше тех, кто считает, что большинству людей нельзя доверять (42,65% против 37,83%). Среди женщин, наоборот, больше сторонников доверия (46,06% против 33,76%). Гендерная асимметрия, зафиксированная здесь и далее в отношении ментальных и поведенческих паттернов, касающихся доверия, по-видимому, обусловлена, помимо каких-либо чисто психологических установок, большей направленностью женщин на семейно-родственные и дружеские отношения. Именно для данного типа взаимодействий, как было установлено многочисленными исследо-

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

ваниями, в том числе и нашим, свойственен наивысший уровень доверия. Мужчины, напротив, в силу большей включенности в «длинные» связи чаще вступают в контакты с незнакомыми людьми и анонимными структурами, в отношении с которыми требуется большая осторожность. При этом недоверчивость, расчетливость и прочие подобные качества традиционно являются в нашей социокультурной матрице более маскулинными, нежели фемининными характеристиками.

Диаграмма 2

Существенная разница в уровне обобщенного доверия наблюдается и между возрастными группами. Так, среди респондентов 18–29 лет тех, кто считает, что большинству людей можно доверять, 38,33% (по выборке в целом – 42,41%), а что нельзя – 48,90% (по выборке в целом – 37,53%). Таким образом, молодежь демонстрирует более недоверчивое отношение к людям. Наиболее доверяющими людям предсказуемо оказались респонденты 60 лет и старше. Среди них 48,68% считают, что большинству людей можно доверять, 31,14% – что доверять нельзя. В целом наблюдается плавный рост уровня доверия от младших к старшим возрастным группам. Скорее всего, эти отличия объясняются принципиальной разницей в условиях социализации данных поколений. Мировоззренческое становление старшего поколения происходило в условиях относительно стабильного и достаточно закрытого общества с жестким лимитом на конкурентные отношения. Официальная коммунистическая идеология с лозунгами братства, равенства и солидарности также сыграла свою роль в интериоризации ценности доверия. Социализация молодого поколения проходила в совершенно иных условиях, в которых избыток доверия мог стать барьером на пути экономического и

политического успеха. Среди молодежи также существенно больше тех, кто считает ненормальным доверие незнакомым людям (56,83% против 43,87% по выборке в целом) (табл. 1).

Таблица 1

**КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, БОЛЬШИНСТВУ ЛЮДЕЙ МОЖНО
ИЛИ НЕЛЬЗЯ ДОВЕРЯТЬ?**

Ваш возраст		Можно	Нельзя	Затрудняюсь ответить	Нет данных	Всего
18–29 лет	абс	87	111	27	2	227
	%	38,33%	48,90%	11,89%	0,88%	100,00%
30–39 лет	абс	68	63	43		174
	%	39,08%	36,21%	24,71%		100,00%
40–59 лет	абс	142	115	72	1	330
	%	43,03%	34,85%	21,82%	0,30%	100,00%
60 и старше	абс	111	71	46		228
	%	48,68%	31,14%	20,18%		100,00%
Нет данных	абс		1	1	1	3
	%		33,33%	33,33%	33,33%	100,00%
Всего	абс	408	361	189	4	962
	%	42,41%	37,53%	19,65%	0,42%	100,00%

Поселенческий статус также относится к значимым факторам формирования установки на обобщенное межличностное доверие. Распространенность установки на доверие смещена в сторону небольших населенных пунктов. Так, если в городах с населением 100 тыс. человек и более тех, кто считает, что большинству людей можно доверять, – 38,36%, то в городах с населением менее 100 тыс. человек и поселках городского типа таковых уже 42,45%, а в сельской местности – 47,53%. Соответственно, в крупных городах больше тех, кто с недоверием относится к большинству людей – 43,48%. В малых городах и поселках городского типа это мнение разделяют 32,65% опрошенных, в сельской местности – 34,26% (табл. 2).

По-видимому, связь типа поселения с уровнем обобщенного межличностного доверия обусловлена прочностью социальных связей в обозримом индивидом круге отношений. Малые города и сельские поселения отличаются небольшим по радиусу обозримым для индивида кругом отношений. В данном круге возможно установление лично окрашенных отношений, основанных на достаточно высокой ответственности их участников. Пусть в значительной мере эта ответственность носит вынужденный характер по причине плотности социального контроля – в большинстве случаев она заставляет вести нормативный с точки зрения большинства образ жизни. Не исключено при этом, что, оказавшись в условиях большого города, значительная часть «доверяющих» граждан достаточно быстро утратила бы подобные установки.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

В крупных городах возможность неформального социального контроля за жизнью человека, как правило, не является тотальной. Такой контроль может осуществляться лишь в строго очерченных пределах его жизнедеятельности – на работе (при условии, что человек является работающим не в сетевой организации и не является фрилансером), в семье. Даже соседи по дому, микрорайону и соседские организации не являются сколько-нибудь «плотными» сообществами. То есть обозримый круг отношений (то самое большинство) для жителя крупного города по большей части состоит из людей, не связанных с ним какими-либо обязательствами и не входящих в общую с ним зону неформального контроля.

Таблица 2

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, БОЛЬШИНСТВУ ЛЮДЕЙ МОЖНО ИЛИ НЕЛЬЗЯ ДОВЕРЯТЬ?

Где Вы живете?		Можно	Нельзя	Затрудняюсь ответить	Нет данных	Всего
В городе с населением свыше 100 тыс. человек	абс	150	170	70	1	391
	%	38,36%	43,48%	17,90%	0,26%	100,00%
В городе с населением менее 100 тыс. человек или поселке городского типа	абс	104	80	60	1	245
	%	42,45%	32,65%	24,49%	0,41%	100,00%
В сельской местности	абс	154	111	58	1	324
	%	47,53%	34,26%	17,90%	0,31%	100,00%
Нет данных	абс			1	1	2
	%			50,00%	50,00%	100,00%
Всего	абс	408	361	189	4	962
	%	42,41%	37,53%	19,65%	0,42%	100,00%

Но самые большие различия обусловлены не объективными, статусными, а субъективными, мировоззренческими характеристиками респондентов, прежде всего их религиозной самоидентификацией. Ее индикатором выступал вопрос «Являетесь ли Вы верующим человеком?»

Среди тех, кто считает себя верующим человеком, о доверии большинству людей говорят 45,47%, о недоверии – 34,64%; среди тех, кто считает себя скорее верующим – 46,15 и 36,32% соответственно.

У неверующих и скорее неверующих фиксируются кардинально иные установки. Так, среди тех, кто не считает себя верующим человеком, 16,36% декларируют доверие и 61,82% – недоверие. Среди тех, кто относит себя скорее к неверующим – 36,36 и 47,27% соответственно (табл. 3).

Данный факт – положительное влияние религиозности на доверие – был также зафиксирован фондом «Общественное мнение» в ходе исследования,

проведенного в ноябре-декабре 2011 г. (N=2000). Отвечая на вопрос «Как Вы считаете, большинству людей можно доверять или в отношениях с людьми следует быть осторожными?», к доверию склонились 23% верующих и 18% неверующих респондентов [1, с. 63]. По-видимому, религиозность, в основе которой вера в трансцендентальное, имеет прямое отношение к социальному доверию, в основе которого находится вера в то, что поведение людей и функционирование институтов должны соответствовать позитивным нормам.

Таблица 3

**КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, БОЛЬШИНСТВУ ЛЮДЕЙ МОЖНО
ИЛИ НЕЛЬЗЯ ДОВЕРЯТЬ?**

<i>Является ли Вы верующим человеком?</i>		<i>Можно</i>	<i>Нельзя</i>	<i>Затрудняюсь ответить</i>	<i>Нет данных</i>	<i>Всего</i>
Да	абс	256	195	109	3	563
	%	45,47%	34,64%	19,36%	0,53%	100,00%
Скорее да, чем нет	абс	108	85	41		234
	%	46,15%	36,32%	17,52%		100,00%
Скорее нет, чем да	абс	20	26	9		55
	%	36,36%	47,27%	16,36%		100,00%
Нет	абс	9	34	12		55
	%	16,36%	61,82%	21,82%		100,00%
Затрудняюсь ответить	абс	13	20	18		51
	%	25,49%	39,22%	35,29%		100,00%
Нет данных	абс	2	1		1	4
	%	50,00%	25,00%		25,00%	100,00%
Всего	абс	408	361	189	4	962
	%	42,41%	37,53%	19,65%	0,42%	100,00%

Особенность социального доверия в российском обществе является его крайне неравномерное распределение в зависимости от дистанции отношений. По-настоящему доверяют, по большому счету, лишь своим родным. Уровень доверия родственникам на порядок превышает уровень доверия соседям и коллегам по работе. Увеличение дистанции отношений до дома, двора и города, поселка еще больше снижает уровень доверия (табл. 4).

Таблица 4

ВЫ ДОВЕРЯЕТЕ ИЛИ НЕ ДОВЕРЯЕТЕ, %

	Да	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Нет	Затрудняюсь ответить / нет данных	Индекс дове- рия ¹
Родственникам	65,49	23,91	6,96	1,98	1,67	71,99
Соседям	31,39	33,37	17,88	12,99	4,37	26,15
Большинству людей, работающих (обу- чающихся) в Вашей организации	23,18	31,81	16,63	7,07	21,31	23,7
Большинству жителей Вашего дома, Вашего и соседнего двора (для поселка и села – улицы)	23,08	31,08	23,49	11,64	10,71	15,24
Большинству жителей Вашего города (по- селка, села)	18,81	29,42	25,88	13,62	12,26	6,96

Таким образом, эмпирическое исследование социального доверия в российском социуме на примере Белгородской области (среднетипичной для европейской территории России) показало, что нормативная значимость доверия существенно диссонирует с наиболее распространенными установками. По вопросу доверия / недоверия к окружающим общество делится практически пополам. В данном отношении российское общество, безусловно, не является уникальным. Кризис социального доверия в той или иной мере характерен практически для всех современных обществ. Непредсказуемость социальных процессов на макро- и микроуровне не способствует устойчивости нормативно-ценностной системы. Россия как страна, пережившая за последнее десятилетие ряд социокультурных разломов, показательна в этом отношении. К сожалению, отсутствие практики социологических исследований социального доверия в советский период не позволяет выстраивать сколько-нибудь достоверные тренды. Скорее всего, кризис доверия действительно носил «травматический» характер в результате слома привычной системы отношений в период реформ. Семейно-родственные институты остались практически единственной сферой, в которой человек чувствует себя достаточно уверенно.

1. Индекс рассчитывался как разница между долями доверяющих и недоверяющих в целом. При этом соответствующие доли определялись как суммы безоговорочно высказывающих мнение (с коэффициентом 1) и скорее придерживающихся его (с коэффициентом 0,5).

В то же время нельзя сделать однозначных выводов о дальнейшем ухудшении ситуации с доверием в российском обществе. И ответы респондентов, и экспертные оценки позволяют утверждать о некоей стабилизации в данной сфере. При всей неоднозначности политической и экономической динамики в последние 10–15 лет социальное самочувствие населения изменилось в позитивную сторону. Особенно заметной позитивная тенденция была до 2008–2010 гг. Начиная с конца 1990-х годов, ВЦИОМ зафиксировал достаточно резкий рост «индекса счастья» у россиян [4].

Однако к настоящему времени воздействие социально-экономической стабилизации на ценности и установки россиян минимизировалось. В то же время такой важнейший фактор, как институциональная стабилизация, не проявился в должной мере. Межличностное доверие, проявляющееся преимущественно в небольшом радиусе отношений, не трансформируется в институциональное доверие и образование массовых гражданских ассоциаций. В данной ситуации на государство ложится ключевая функция по укреплению институтов общества и обеспечению роста предсказуемости социальных практик.

Литература

1. Дифференциация гражданских и политических практик в России: Институциональная перспектива: Научно-аналитический доклад. – М., 2013. – 184 с.
2. Козырева П.М. Доверие и его ресурсы в современной России. – М.: Институт социологии РАН, 2011. – 172 с.
3. Колпина Л.В., Реутов Е.В. Социальное доверие в региональном сообществе // Среднерусский вестник общественных наук. – 2010. – № 3. – С. 40–48.
4. Российский «индекс счастья» // URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112084> (дата обращения: 08.10.2013).
5. Социальное самочувствие россиян: итоги года. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113517> (дата обращения: 15.01.2013).

КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

П.Б. Струве

**НИКИТА МУРАВЬЕВ И ПАВЕЛ ПЕСТЕЛЬ.
«РОССИЙСКАЯ» (ИМПЕРСКАЯ) И «РУССКАЯ»
(НАЦИОНАЛЬНО-ЦЕНТРАЛИСТСКАЯ) ИДЕИ
В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЕКТАХ ДЕКАБРИСТОВ***

В декабристском движении, как движении политическом, были две центральные, определяющие и строящие, идеи: во-первых, идея политического преобразования Российского государства и, во-вторых, тесно связанная с нею идея реформы социальных отношений, в основе которой лежало так или иначе понимаемое освобождение крестьян.

Политически-преобразовательные идеи декабристов представляют очень большой интерес и притом не только исторический, но и современный. В политическом развитии России мы видим два процесса, тесно между собою связанные и в то же время в известной мере и в известном смысле расходящиеся. С точки зрения историко-социологической нет в образовании государств различия, быть может, более основного и решающего, чем различие между единым национально-сплоченным, национально-целостным государством и Империей, образуемой из объединения под какой-то единой верховной властью разнородных в национально-этническом смысле территорий. То, что делали и сделали московские цари, уже было в одно и то же время и образованием национального государства, и созданием Империи. А при Петре национальная консолидация вчерне, так сказать, почти закончилась и начался процесс построения Империи. Имперский характер образования русского государства даже в московский период имел свое яркое словесное выражение в том, что слово «государство» прилагалось не только ко всему государственному це-

---

* «Россия и Славянство». – № 230. – Париж, март 1934 г. – Из исторического курса, читаемого автором в Русском Научном Институте.

Перепечатка статьи, опубликованной в кн.: Струве П.Б. Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего, в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности. – Париж, 1952. – С. 348–353. Посмертно публикуемый, незаконченный труд с приложением некоторых ранее напечатанных статей из области русской истории и списка трудов П.Б. Струве.

лему, но и к отдельным его частям (например, к Новгороду Великому, к Казани) и после их окончательной инкорпорации в Московское государство. Самый яркий и законченный тип образования единого национального государства представляет в истории великих европейских народов создание французского государства. К этому типу приближается процесс образования Московского государства, поскольку оно, это образование, держалось в пределах территорий, освоенных великорусским племенем, и состояло в присоединении к Москве двинских областей, Новгорода, Вятки, Пскова, Твери, Рязани. Тут чисто русские государства и притом государства великорусские, объединились в некое единое политическое целое, с единым национальным составом. Тут не было еще Империи. На имперский путь Москва встала, когда она стала присоединять татарские государства. Такой же характер, несмотря на племенное родство, носило и присоединение Малороссии, которое своеобразно покоилось не на покорении, а на добровольном присоединении к Москве Запорожского войска, которое считало себя, вопреки «договору» и «конституции», затронутым Речью Посполитой в своих самых священных, а именно «вероисповедных» правах. Таким образом, и Московское государство, обнимавшее, по выражению соборного определения 1598 г. об избрании царем Бориса Федоровича Годунова, не только «царство и великое княжение московское», но и «все государства Российского Царствия» и явившееся, по выражению другого соборного определения 1642 г., «Всероссийским Государством», представляло Империю. Этот имперский характер «Всероссийского Государства» возрастал в течение всего XVIII и XIX вв. В XVIII в. Россия овладела балтийскими территориями, на которых почти не было русского населения, и присоединила части Польши, где высший класс населения был почти сплошь полонизован. В XIX в. произошло присоединение Грузии, Финляндии, Бессарабии, конгрессовой Польши, т.е. чисто польской части прежней Речи Посполитой.

Различие между целостно-национальным государством и многоплеменной и многокультурной империей во всяком случае имеется налицо, при наличии известных реальных бытовых условий, какие бы юридические формы ни принимало государственное устройство данного государства. Империя может быть, но отнюдь не всегда является федерацией в точном государственно-правовом смысле. По определению Н.М. Коркунова, «федерация есть соединение нескольких государств для совместного осуществления союзною властью общих им задач государственной жизни» (Русское Государственное Право, т. I, изд. 7-е, СПб., 1909, с. 151). Историческая Россия никогда не была федерацией в этом смысле, даже если считать, что в разные исторические моменты Малороссия, Финляндия, Царство Польское с коренным ядром государства вступали в отношения или находились в отношениях какой-то «унии».

КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Империя в том смысле, в каком я говорю сейчас о России, с момента присоединения Казанского Царства и кончая установлением русского верховенства над Хивой и Бухарой в 1873 г., есть понятие историко-социологическое, а не юридическое. Трудно и сейчас определить юридическую природу Британской империи, но не может подлежать сомнению, что Великобритания уже давно с историко-социологической точки зрения представляла империю. Такой же империей уже со второй половины XVI в. являлось и Российское государство.

Рядом с процессом сложения огромной, многоплеменной и многокультурной Российской империи происходил и процесс скрепления и сплочения этой империи цементом преобладающей национальности, русской, давно уже переросшей племенные рамки так называемого великорусского племени. Эти два процесса, эти две тенденции нашли себе яркое выражение в декабристской идеологии и воплотились в двух главных памятниках политической мысли декабристов: в так называемой «конституции» Никиты Муравьева и в конституционном проекте Пестеля, известном под именем «Русской Правды».

Конституция Муравьева является декабристской редакцией имперской идеи. Краткая редакция этой конституции, найденная при обыске у князя С.П. Трубецкого, была характерным образом озаглавлена: «Предположение для начертания устава положительного образования, когда Е. И. В. благоугодно будет с помощью Всевышнего учредить Славянорусскую Империю»¹.

Никита Муравьев совершенно явственно взял себе за образец североамериканскую конституцию. Его Российская империя есть Соединенные Штаты с монархическим устройством: конституционная монархия на федеративном начале. Эти основы муравьевской конституции сформулированы в следующих выразительных статьях:

Ст. 3. «Правление России есть уставное и союзное».

Ст. 43. «В законодательном и исполнительном отношении вся Россия делится на 13 держав, 2 области и 568 уездов или поветов».

Ст. 101. «Император есть верховный чиновник Российского Правительства».

«Держава» муравьевской конституции означает «штат» и имеет смысл «государства» в древнерусском значении какой-то историко-политической индивидуальности, не притязавшей ни в коем случае на самостоятельное

---

1. Полная редакция конституции Никиты Муравьева, 134 статьи, напечатана впервые в книге В.Е. Якушкина: «Государственная власть и проекты государственной реформы в России». – СПб., 1906. – С. 131–161. Краткая редакция, найденная у Трубецкого, полностью напечатана в его «деле» в издании «Восстание декабристов. Материалы», т. I, № 44. Госиздат, 1925.

«суверенное» бытие. Державы, из которых должна была состоять Российская империя, были следующие: Ботническая со столицей Гельсингфорс, Волховская со столицей, которая названа Град Св. Петра, Балтийская (Рига), Западная (Вильна), Днепровская (Смоленск), Кавказская (Тифлис), Украинская (Харьков), Черноморская (Киев), Заволжская (Ярославль), Камская (Казань), Низовская (Саратов), Обийская (Тобольск), Ленская (Иркутск). Вне «Держав» почему-то в этом перечне поставлены две области: Московская со столицей Москва и Донская со столицей Черкасск. Столицей всей Империи конституция Никиты Муравьева назначает Нижний Новгород.

По конституции Муравьева крепостное право отменялось и ст. 10-я формулировала начало равенства всех перед законом: все русские равны перед законом. Утверждалась свобода совести и свобода слова, устного и печатного. Законодательная власть принадлежит совместно Императору и собранию представителей, именуемому «Народным Вечем». Безусловно силою вето Императора так же, как вето президента С. А. Ш., не обладало. Вообще американский дух конституции Н.М. Муравьева сочетается с нарочитой московской и даже старорусской терминологией. Парламент называется «вечем», уездный начальник – «тысяцким», министерство – «приказом»: казначейский приказ, приказ сухопутных сил, приказ морских сил, приказ внешних сношений. Восстанавливается московское наименование «дьяк».

Народное вече составлено из двух палат: Палаты представителей и Верховной Думы. В основу избирательного права для Палаты представителей положен довольно высокий имущественный ценз, но выборы должны быть только для крестьян двухстепенными, для остальных групп населения – прямыми. Члены Верховной Думы должны были выбираться в представительных собраниях отдельных держав, каковые собрания назывались правительствующими собраниями. Им по проекту принадлежало законодательство по местным делам, и они состояли тоже из двух палат.

В отличие от конституции Н. Муравьева, план государственного устройства, начертанный Пестелем в его «Русской Правде»², являлся последовательно демократическим и, еще более, последовательно нейтралистским.

Преследуя цели «возможно большего благоденствия всех и каждого» (принцип Бентама!), Пестель проводил не только гражданское равенство, но и равенство политическое. Поэтому он не только отвергал сословный строй, как «пагубный, безрассудный, зловредный», не только отрицал крепостное право, требуя во имя естественных законов «решительного уничтожения рабства» («дворянство должно навеки отречься от гнусного преимущества обладать другими людьми»), но и последовательно проводил, как основу го-

---

2. Пользуясь изданием: Пестель П.И. Русская Правда. Наказ Временному Верховному Правлению. Книгоиздательство «Оріонъ». – СПб., 1906.

сударственного устройства, всеобщее и равное избирательное право. Выборы в народное вече должны были, однако, по проекту Пестеля, быть не прямыми, а двухстепенными. Народное собрание в волости, состоящее из всех граждан, приписанных к волости, избирает представителей в окружное «Народное собрание», а это последнее избирает представителей в «Народное вече».

Государство, преобразованное на началах политических и гражданских свободы и равенства, должно было, по плану Пестеля, являться республикой. Законодательная власть находилась в руках народного веча, избравшегося на пять лет, причем основные, по терминологии Пестеля «заветные», законы могли изменяться только путем всенародного голосования или референдума, будучи передаваемы «на суждение всей России». Высшая исполнительная власть вверялась Державной Думе из четырех членов, избранных народом также на пять лет. Кроме законодательного Веча и исполнительной Думы, план Пестеля предусматривал особый орган власти «блостительной», «дабы те две не выходили из своих пределов». Это был особый Верховный Собор из 120 пожизненных членов, называвшихся «боярами». Несмотря на древнерусскую терминологию, этот проект был всецело навеян идеями французского государствоведа и экономиста Дестютт-деТраси (известного комментатора «Духа законов» Монтескье).

Надлежит отметить три примечательные особенности демократически-республиканского плана Пестеля.

Во-первых, предоставление полноты власти на переходные годы переворота Временному Правительству, которое Пестель называл «Временным Верховным Правлением» и которому он предоставлял диктаторскую власть, ограниченную, впрочем, обязательством в преобразовании государственного строя точно следовать началам, изложенным в «Русской Правде», которая должна была являться «наказом» для этого временного правительства.

Второй примечательной особенностью политической идеологии Пестеля, воплотившейся в «Русской Правде», являлось отрицание значения и ценности национальных отличий племен и народностей. «Все племена, – требовал Пестель, – должны быть слиты в один народ... чтобы одни и те же законы, один и тот же образ управления по всем частям России существовали и тем самым в политическом и гражданском отношениях, вся Россия, на целом своем пространстве, являла бы вид единородства, единообразия и единомыслия. Опыты всех веков и всех государств доказали, что народы везде бывают таковыми, каковыми их содействуют правление и законы». Пестель был самый крайний, самый безоглядный из всех обрусителей, которых знала история русской политической мысли. Он требовал обрусения всех инородцев, до финляндцев включительно, и делал исключение только для Польши: так как последнюю нельзя обрусить, то ей должна быть дана независимость, впро-

чем, на условиях соответствия ее государственного устройства таковому России и тесного союза с последней. Таким образом, Пестель не только отвергал федеративное устройство России, но также в корне отрицал имперскую идею. Он был чистым якобинцем-уравнителем в национальном вопросе. Если угодно, его можно в этом отношении назвать как бы революционным Александром III. Московско-петербургский централизм, который при образовании и построении Российской империи столь часто шел наперерез имперской идее, нашел в революционере Пестеле его самого крайнего и самого яркого выразителя.

Наконец, был еще третий примечательный пункт в государственном плане Пестеля, который частично сближал его идеологию с могущественными течениями, имевшими глубокие корни в историческом прошлом России и сыгравшими и в нашей новейшей истории большую и, на мой взгляд, роковую роль. Пестель дает в «Русской Правде» целый проект частичного огосударствления, или национализации, земли. Он не отрицает всецело частной собственности на землю, но ограничивает, так сказать, пространственную область ее применения. Земли каждой волости должны быть разделены на две половины: земли общественные и частные. «Земля общественная будет всему волостному обществу совокупно принадлежать и будет подлежать обладанию всех и каждого». Другая половина земель «предназначается для образования частной собственности». Первая половина есть область того, что Пестель называет «необходимым для житья». Вторая – есть область того, что Пестель считал нужным обеспечить ради «приобретения и сохранения изобилия».

Этот проект огосударствления (частичного) земли или, вернее и точнее, частичной ее муниципализации, или коммунизации, несомненно исторически примыкает к тому аграрному строю Московского государства и Российской империи, в которой жили «черные» или потом государственные крестьяне. Это – идея и институт земельного надела, который государство предоставляет земледельцу для обеспечения его существования. Пестель только московско-петербургскую идею надела из сословно-служебной расширяет до всесословной и отрешенной от какой-либо служебно-государственной функции. Этим идея Пестеля сближается с народнической идеей права на землю в его двух основных вариантах: трудовой и потребительной нормы.

Таким образом, как это ни странно, революционер Пестель, который являлся в декабристском движении самым влиятельным выразителем радикальной тактики царевубийства, – как политический и социальный мыслитель, имел существенные точки соприкосновения и с московско-петербургской государственной практикой, и с позднейшими революционными народнически-социалистическими замыслами и идеями.

Вот почему не только лично-психологически несправедливо, но и исторически-социологически неверно тенденциозное, в дурном смысле националистически окрашенное, суждение Кропотова о Пестеле: «Немец по происхождению, иностранец по воспитанию, протестант по религии, он не был связан с Россией никаким родственным, бесконечным по любви чувством; она не столько была для него отечеством, как страной себялюбивой эксплуатации»³.

Я не склонен вовсе идеализировать П.И. Пестеля: он не был вовсе тем волевым человеком, каким часто принято его изображать. Правильнее его характеризовать как весьма умного и в то же время властного доктринера. Но в доктрине якобинца Пестеля всего больше поражает, что в ее якобински-книжную форму неотвратно влилось какое-то большое стихийное и историческое, национальное содержание... Отрицательно оценивая это содержание, не следует отрицать его национального характера и отпечатка.

В доктрине Н. Муравьева, либерала-конституционалиста, напитавшегося идеями Б. Константа, было тоже значительное национальное и историческое содержание: идея империи, та идея, формулу которой впервые обрел первый русский эмигрант кн. Андрей Курбский, сочетавший ее с идеей Святой Руси и вычеканивший словосочетание «Святорусская Империя».

Эта идея в настоящее время начинает существенно определять государственное мышление весьма различных русских направлений.

---

3. Кропотков Д.А. Жизнь М.Н. Муравьева. – СПб., 1987. – С. 194.

**ПЕРЕЧИТЫВАЯ СТРУВЕ.
ИМПЕРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ГОСУДАРСТВО
(заочный «круглый стол»)***

М.В. Ильин
Вместе или порознь

Никита Муравьев и Павел Пестель скрипят перьями, пишут свои конституционные проекты. Венский конгресс завершился, можно сказать, почти «вчера». Вся Европа с наполеоновских пор все еще живет в стиле ампир. И хотя его внешние приметы уже скоро начнут смешиваться с иными и утрачивать строгость, сама имперская стилистика и имперский пафос продолжат доминировать вплоть до империалистической войны, на протяжении всего долгого XIX столетия¹. И тут же рядом романтизм с его ярко выраженным националистическим духом, который также переживает расцвет как раз в том же долгом XIX столетии. Одна эпоха и два ее духа, zwei Zeitgeister.

В России два вождя одного заговора вглядываются в возможное и желаемое будущее своего Отечества. И возникают два полярных, как точно отмечает П.Б. Струве, проекта. И Муравьев, и Пестель, и Струве убеждены, что логика проектов и стратегии их реализации не просто различны, но исключают друг друга. Империя или нация. Что-то одно из двух. И третьего не дано. Вот и начинается «вечный спор славян». Без компромиссов, без уступок, без намека даже на возможность уступок. С запальчивой страстью доказать и утвердить единственную и безусловную правду.

В одних салонах яростно состязаются западники и славянофилы. В одном «Обществе благоденствия» (как это будет по-немецки, Павел Иванович, не Polizeiverein ли?) два проекта и две стратегии. Или империя без нации, или нация без империи. И так без остановки вплоть до наших дней. Даже на кон-

---

* Материалы «круглого стола» перепечатаны из журнала «Политическая наука», 2013 г., № 3.

1. Ампиры короткого XX столетия – будь то сталинский, муссолиниевский или гитлеровский – натужны и вторичны. При всей своей пафосности они лишены действительной жизненности, они почти «мемориальны», своего рода памятники самим себе еще при жизни.

ференциях РАПН и в «Полисе» – что уж говорить о популярных глянцевого изданиях и Сети. Да и в жизни – только принципиальные и правильные решения. Так жить нельзя. Система не реформируема. Сделаем все ровно наоборот, шиворот-навыворот. Но что-то никак не получается, не получается, как всегда, хотя хотим хорошего...

А что же на гибнущем уже который век Западе, в «стране захода» (A-bendland)? Там одна эпоха и, напомним, два ее духа, zwei Zeitgeister. Два лика одного Януса. Повсюду или почти повсюду в Европе и в ее заокеанских слепках имперские националисты и националистические имперцы заняты одним делом, которое приносит со временем плоды. Одни выстраивают новую Британскую империю и создают из англо-шотландско-валлийско-ирландской гремучей смеси общую британскую нацию. Другие создают Второй рейх как торжество национального объединения. Третьи делают почти то же самое в Италии. Четвертые наращивают имперский колониальный ореол вокруг французского государства-нации или нидерландских и бельгийских консоциаций. Пятые внутри последнего осколка скандинавской империи наращивают норвежскую и шведскую нации. Шестые внутри «двойкодышащей» Австро-Венгерской империи пестуют культурные автономии – ядра будущих наций и государств.

И одновременно вчерашние европейцы за океаном создают новую американскую нацию и ее империю, по мнению Александра Гамильтона, во многих отношениях самую интересную в мире (an empire in many respects the most interesting in the world). Другую новую империю строит Симон Боливар. Имперские эксперименты осуществляются в Бразилии и Мексике. А одновременно консолидируются новые латиноамериканские нации и их территориальные государства с имперской, федеративной или унитарной структурой – как уж получается. И получается, получается... Тоже как всегда. Почему?

Ответ, почему не получается у принципиальных и правильных людей, но получается у любителей компромиссов, нашел провинциальный немецкий философ и одно время подданный Российской империи Иммануил Кант. Немало есть истин в мире, которые исключают друг друга. Можно взять две такие истины, рассуждал кёнигсбергский профессор, и не спорить, какая же из них правда, а скромно, обывательски (bürgerlich – сказал бы потомственный любекский горожанин Томас Манн, т.е. по-городскому, культурно) признать обе максимы верными. Антиномия, однако, получается, «разнозаконие», разводит руками профессор из Альбертины. И с этим нужно и можно жить. И получается неплохо, добавляют его благодарные ученики. Люди могут и должны править сами, народ сам себе суверен. Народу нужен господин, люди не могут стать своими собственными правителями. Тут есть о чем поспорить Аксаковым и Бакуниным, Уваровым и Погодиным. А вот американцы по большей части спорить не хотят. Делают себе по кантовским рецептам рес-

публику с представительным правлением. И непонятно, то ли господа, то ли слуги Вашингтон, Джефферсон и разные прочие Адамсы со Мэдисоны, то ли правят они, то ли подчиняются. Вроде бы не должно было получиться, удивляется решительный сторонник настоящей и единственной правды, но почему-то получилось.

А дома у нас вернувшиеся из Кёнигсберга офицеры, слушавшие, но не слишком расслышавшие Канта, их дети, внуки, правнуки и праправнуки все спорят и спорят, в чем же правда. Прошу прощения, Правда, – конечно же, с большой буквы, никак иначе. За нее все можно отдать. Мы за ценой не постоим. Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающая Правда.

Ты за большевиков, Василий Иванович, или за коммунистов? Ну как может язык повернуться, что и за тех, и за других. Нет, настоящий полковник, настоящий русский всегда точно знает, за что единое и неделимое он стоит насмерть, – за Третий Интернационал. И за властную вертикаль, разумеется. Но обязательно нашу, а не их, простите, «ихнюю».

Сталин или герой, или злодей. Путина или в президенты, или на свалку истории. Иного не дано. Система не реформируема. Так жить нельзя. Ломать – делать. Свобода (наша) лучше несвободы (опять же «ихней»).

Давайте, коллеги, не будем торопиться. Давайте вернемся в школу Канта, которую когда-то второпях проходили и успешно прошли насквозь, оставив смутные воспоминания об апперцепциях, вещах в себе и трансцендентности. Давайте прислушаемся к его совету жить своим умом, чтобы выйти из состояния несовершеннолетия, которое мы сами себе навязываем – aus seiner selbst verschuldeten Unmündigkeit. Что же это за навязанное себе самим несовершеннолетие? Вера в Правду, которой нужно беззаветно служить. Давайте постараемся стать взрослыми и взять на себя ответственность жить в мире, где справедливы противоположные максимы. И выработать способность, искусство, профессиональный навык находить жизненные паллиативы там, где по-детски наивному разуму видны лишь исключаяющие друг друга противоположности.

Давайте научимся говорить и думать не «или – или», а «и – и». И частица, и волна. И империя, и нация. И единое государство, и конгломерат разнородных порядков.

Тогда новые Никита Муравьев и Павел Пестель могли бы создать разумную и взрослую конституцию для настоящей России, а не для выдуманных в угоду высшим Правдам как будто бы Россиям. Тогда авторы сочинений, в которых осмыслялась действительная, а не надуманная российская власть и система правления, не становились бы оппонентами двух разных и взаимоисключающих Правд.

А.М. Кузнецов

**Время отказываться от ярлыков
и стереотипов**

Хотелось бы отметить важность обращения к взглядам предшественников по проблеме будущего российского государства. Ретроспективный обзор от идеологов декабристов через одного из видных интеллектуалов и политических деятелей конца XIX – XX в. к современным дебатам позволяет установить некий тренд, выражающий более глубокие причины, заставляющие мыслителей разных эпох приходить к уже сделанным ранее выводам. Вот и сравнительно небольшая статья П.Б. Струве, на мой взгляд, высвечивает одну из наиболее актуальных проблем для определения дальнейшего пути российского государства: завершение консолидации национального государства и переход к строительству полинационального образования, традиционно именуемого империей. Будучи либеральным националистом, Струве нашел для себя приемлемый путь разрешения представленной дилеммы. Период формирования и укрепления Московского государства он рассматривает как стадию национального государства. С завоеванием Казани и присоединением Малороссии и других территорий с нерусским населением он шаблонно связывает переход на имперскую стадию российской истории. Важным аргументом для такого заключения послужили сопоставления с Францией – образцовым национальным государством того времени.

Поскольку проблема консолидированного-плюралистического состояния российского государства уже была поднята в программных документах Н. Муравьева и П. Пестеля, то П.Б. Струве не мог обойти их молчанием. В его интерпретации конституция первого автора восходит к Конституции США, и эта связь получила отражение в идее преобразования России в вариант соединенных штатов, но с монархическим управлением и сохранением некоторых других традиционных устоев. В свою очередь, более радикальная «Русская Правда» может вообще рассматриваться как один из собственно модернизационных проектов. Она призывала к отмене всех прежних различий между сословиями и народностями и созданию из них единой русской нации. За столь кардинальным рецептом кроется убеждение П. Пестеля в том, что «народы бывают таковыми, каковыми их создают правление и законы».

Следовательно, Струве национальный и полинациональный образы российской государственности разносил по разным этапам исторического развития страны. У Муравьева и Пестеля эти состояния выступали как альтернативные проекты, учитывающие характер современной им России и предлагающие программы последующего развития нашей государственности с сохранением некоторых ее традиций и решительным отказом от них. Очевидно, что Советский Союз в большей степени реализовал проект Муравьева,

чем Пестеля. Замысел Ю. Андропова перейти к сугубо территориальной организации страны (отчасти предусматриваемой Пестелем) не успели реализовать. Распад Советского Союза по национальным границам и сохранение полиэтнического состава населения Российской Федерации снова возвращают нас к старым дискуссиям, только теперь вокруг тех же русскости-российскости.

В свете современных представлений о проблемах этногенеза изящная конструкция Струве не выдерживает критики. Когда в VI в. н.э. славяне начали свое продвижение по Восточной Европе, они вышли не на пустынные территории. Здесь проживали различные балтийские, финно-угорские и другие общности, которые со временем были интегрированы со славянами. Этот процесс включения отдельных представителей и целых общностей в славянские, а затем и в собственно русскую общность не закончился с присоединением Казанского ханства и Малороссии. Другое дело, что обширные пространства и политика государства оставляли возможность многим общностям сохранять свою этническую самобытность. Показательно, что, в отличие от восточных государств, политика принудительного переселения долгое время не играла в нашей стране какой-нибудь роли. Свою роль в поддержании внутренней стабильности сыграла и возможность для нерусских элит участвовать в управлении Российской империей. Неслучайно среди высшей аристократии страны оказалось много выходцев из нерусских общностей. Так что процессы консолидации собственно русской общности и развития других общностей в нашей стране проходили и проходят параллельно. В этом смысле проекты Н. Муравьева и П. Пестеля дополняли друг друга. Сегодня процессы, сходные с теми, которые зафиксированы применительно к нашей стране, описываются при помощи концепта «нациестроительство». Сохранение разнородного «этнокультурного» состава населения рассматривается как повод для внедрения пресловутой политики «мультикультурализма».

Не все так просто сегодня оказывается и с не менее пресловутым «национальным» государством. Как показали исследования специалистов (А. Вебер), многие группы французских крестьян стали осознавать себя составной частью нации своей страны лишь в конце XIX в. Сегодня же, даже не принимая во внимание события в пригородах Парижа, в этой стране все еще фиксируются многочисленные локальные «идентичности» (Е. Филиппова). Снова приходится повторять, что из примерно 200 современных государств только около 20 характеризуются достаточно однородным в этническом отношении населением. Причем массовая иммиграция, наряду с некоторыми другими причинами, вывела из этого перечня такие классические нациегосударства, как Англия, Франция, Швеция. Отсюда вполне логично вытекает предложение ввести понятие гражданской нации, состоящей из представите-

КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

лей разных общностей и групп, а затем и появление концепции «воображаемой» нации.

Не менее примечательны разработки проблемы разнообразия видов государств современности (Ж. Коломер, М.В. Ильин), позволившие выделить категорию «провальные государства». Более же примечательным результатом данных разработок является отказ нации-государству в праве быть единственной эталонной формой политической организации в эпоху глобализации. В результате сформировалось направление, призывающее к преодолению «методологического национализма», т.е. отождествления общества с нацией-государством. В качестве альтернативной формы общественно-политической организации теперь продвигается «космополитическое государство», проводящее «внутреннюю глобализацию» (У. Бек). В любом случае теперь совершенно очевидно, что нация-государство осталась достаточно ограниченным, преимущественно западноевропейским явлением, и оно не успело стать образцом для всего человечества.

Нельзя сбрасывать со счетов и значение сугубо формальной замены в политике дискредитировавших себя терминов и определений на новые. Как показали канадские исследователи (У. Кимлика), мультикультурализм – это новое название для той же самой политики ассимиляции. Дело в том, что эта игра с терминами подчинена все той же цели – единому государственному проекту нациестроительства стран, формировавшихся за счет постоянного притока мигрантов. Поэтому регулярно обновляйте терминологию самоописания, приклеивайте не устраивающим вас странам ставшие однозными ярлыки, ту же империю, и получайте свои идеологические и политические дивиденды. Ведь со времени Муравьева, Пестеля, да уже и Струве наши представления и отражающие их термины существенно менялись, но стоящие за ними реальные проблемы во многом сохраняются в прежней остроте.

В свете состоявшейся «плюрализации», а то и просто «виртуализации» основополагающих концептов нация, государство, нация-государство Россия, да и Советский Союз не могут оцениваться столь однозначно, как у П.Б. Струве. Та же история американской политической мысли демонстрирует нам убежденность в том, что республиканское устройство – это удел небольших государств. Поэтому высказывалось мнение, что в Америке нельзя будет сохранить новое крупное государство (С. Хантингтон).

Сегодня обозначилось новое интеллектуальное противостояние между европейскими и американскими теоретиками по вопросам государства. Такая ситуация не вызывает удивления. Западная Европа прошла свой исторический путь, в котором долгое время было не до прав человека, практиковались этнические чистки и другие неприемлемые сегодня акции. В свою очередь, у США и Канады за плечами собственная история, хотя и связанная с Европой, но протекавшая в особых условиях. Как показали последние исследования

(Э. Саид), несмотря на все заверения в глобализации и вызванное ею космополитическое сознание, наша познавательная деятельность оказывается во многом обусловленной определенными социально-политическими контекстами, характеристики которых мы, часто неосознанно, транслируем на остальной мир. В современных условиях подобные интеллектуальные игры вызывают ответную реакцию за пределами Запада, проявляющуюся в том же дискурсе постколониализма и призывах окончательно покончить с западным засильем в обществоведческих науках.

У России во многом своя неповторимая история, в том числе и взаимоотношений с Западом. Есть у нас и собственная традиция познания общества и человека, в соответствии с которой мы от нее же и норовим сегодня отказаться. Но мы точно так же, как другие европейцы и американцы, должны иметь право на свое слово в обсуждении актуальных проблем современного общества и государства. Однако в этом обсуждении важно уйти от ярлыков и стереотипов. Пока у нас этническая проблематика фактически сведена к пресловутой «идентичности», пока доминируют разного рода облегченные конструктивистские подходы к национальным и этническим проблемам в духе П.И. Пестеля, сделать это очень сложно. Поэтому сегодня как никогда важны разработки по подлинно научному и в первую очередь теоретическому осмыслению нашей этнической истории, феномена российской государственности и других связанных с ними проблем. Понятно, что успешно решить эту задачу мы сможем только в том случае, если будем знать, как решаются сходные проблемы нашими зарубежными коллегами в рамках их научных традиций. Только таким путем мы можем прийти к обоснованным выводам и заключениям, которые дадут нам возможность верно оценить свои роль и место в современном мире.

И.А. Чихарев
Между империей и постимперией

В статье П.Б. Струве обращает на себя внимание прежде всего совершенно отличное от сегодняшнего понимание традиционной империи (или, по крайней мере, от современной, весьма размытой, конвенции относительно смысла этого дискутируемого понятия). Характеризуя российскую (имперскую) идею в конституции Н. Муравьева, он говорит скорее о федерации. Возможно, даже идеи П. Пестеля, изложенные в «Русской Правде», видятся в традиционном смысле более имперскими, чем национально-централистскими. Неочевидно, что унитарное государство, проектируемое Пестелем, предполагает «русификацию» вопреки оценке Струве. Более того, дальнейшая история «пролетарско-якобинской диктатуры» показала, что на практике подобные проекты тяготеют более к конструированию новой (денацифицированной) исторической общности. Тем не менее проект Пестеля сохраняет

этимологически характерные смыслы империи – подчинение, навязывание, которые, напротив, менее выражены в федералистском проекте Н.М. Муравьева. Эти обстоятельства заставляют вновь обратиться к понятию империи, рискуя предложить один из ракурсов темы номера и обсуждения статьи – «между империей и современной империей».

Понятие империи является многозначным, используется в политическом дискурсе уже более двух тысячелетий, со времен Древнего Рима, и применяется к разным историческим и культурно-цивилизационным случаям. Кроме того, оно получило интерпретацию в различных традициях политической мысли и теориях международных отношений. Первоначальный смысл понятия «империя» – в навязывании определенным центром силы своих правил международному окружению, осуществляемым насильственным путем. В результате такого навязывания формируется иерархически организованное государство, в котором завоеванным народам отводится подчиненная роль. В то же время в практике крупнейших империй зачастую присутствовало *цивилизующее* начало, привнесение в социальную жизнедеятельность покоренных народов передовых технических достижений и культурных стандартов. С точки зрения реалистского подхода в основе имперостроительства лежит военно-силовое преобладание, однако в иных подходах феномен империи интерпретируется иначе. В соответствии с марксистско-ленинским учением, империализм – стадия в развитии капитализма, на которой образуются «международные монополистические союзы капиталистов», управляющие ведущими капиталистическими державами, разделившими между собой мир. В данном понимании империи акцент – на финансово-экономических инструментах преобладания крупных держав. Новое понимание империи предлагают современные исследователи Майкл Хардт и Антонио Негри, которые считают, что современная Империя (авторы используют написание этого термина с большой буквы, чтобы отличать его от предшествующих исторических форм империи) – это транстерриториальная и не имеющая единого центра глобальная система управления.

Разумеется, это лишь весьма краткий экскурс, который, однако, позволяет установить, что проект Н. Муравьева если и является имперским, то отнюдь не в традиционном смысле – последнему в большей степени отвечает как раз «Русская Правда» Пестеля. В современном свете план Муравьева видится в большей степени постимперским, т.е., с одной стороны, заключающим в себе еще не до конца «снятые» черты империи, а с другой – ее децентрализацию и федерализацию. В этом смысле совершенно неслучайны аналогии с Соединенными Штатами, проводимые Струве. США – яркий пример постимперской государственности.

В этом отношении в статье П.И. Струве спорной выглядит апелляция к истории для реконструкции причин якобы имперской модели Муравьева.

Правильнее, на мой взгляд, характеризовать ее именно как проект, «футурологическую проекцию» имперской идеи. Кстати, и сама предложенная Струве генеалогия Российской империи выглядит неполной: надо учесть, что даже без учета нормандского фактора в образовании российского государства существовала базовая полиэтничность: варягов приглашал союз славянских и финно-угорских племен. Более того, по мнению современных историков, восточные славяне расселялись соседской, а не кровнородственной общиной.

Тем не менее критика Струве «с высоты исторического положения» не вполне оправдана. Более того, выделенные им базовые в формировании и проектировании российской государственности начала замечательным образом проявляются в современном государственном строительстве. В известном смысле Россия все еще находится между двух огней – моделью постимперской федеративной государственности и идеей единого иерархически («вертикально») организованного федеративного пространства.

В.А. Ковалёв

**«Русская Правда» над пропастью
имперских и либеральных мифов**

«Политически-преобразовательные идеи декабристов представляют очень большой интерес и притом не только исторический, но и современный» – в схожих выражениях можно сегодня оценить и текст самого П.Б. Струве. При этом вместо умиленного восхищения (вот такая непреходящая актуальность!) испытываешь чувство горечи и разочарования. Что означает «актуальность» политической статьи прошлого века, посвященной конституционным проектам позапрошлого столетия. Она означает, что планы создания на месте империи и деспотии современного национального демократического и федеративного государства так и не были претворены в жизнь. 100 лет прошло, 200 лет прошло, а воз и ныне там. И нет особых надежд на то, что решение этой проблемы сдвинется в желательном (для авторов рассматриваемых текстов и их читателей) направлении.

Само по себе сравнение «Русской Правды» П. Пестеля и «конституции» Н. Муравьева давно стало для историков банальностью и вошло в школьные учебники (мы, по крайней мере, это «сдавали»). Но если рассматривать эти проекты вне контекста школьной истории или псевдонаучного «академизма», то убеждаешься, что ответственность российской власти перед населением и правовые ограничения для нее, а также конституционная децентрализация на правовой основе со взаимными обязательствами Центра и «держав» остаются чем-то недоступным. Нет также и унификации российского пространства (за идеи русификации и унитаризма постоянные упреки Пестелю), которое могло бы послужить предпосылкой для создания в России политической систе-

мы Модерна, как это было в ряде стран Европы (постмодернистский «мультикультурализм» и прочие ужасы мы здесь не рассматриваем). Казненного декабриста принято критиковать за требование того, что «все племена должны быть слиты в один народ». Эта максима действительно звучит весьма грустно. Но разве лучше, когда ресурсы центра без всякой пользы для основного населения и перспектив для государства перекачиваются на дальние окраины, которые все равно отделяются? Разве хорошо, когда за счет России создается государственность народов, ранее никогда ее не имевших? С нашей точки зрения, это плохо, и вот к чему приводит упорное стремление удержать империю вопреки потребностям национального государства и реального федерализма.

Обсуждаемый текст (и контекст – обстоятельства его опубликования) затрагивает чрезвычайно много нервных узлов и нитей отечественной истории и (печальная актуальность) современной политики. Здесь и декабристы, и освободительное движение в России, и его крах, и история русского зарубежья, и несчастная судьба русской эмиграции, и перестройка с постперестройкой, и новые разочарования в возможности реформ. По любому из этих направлений можно сказать и написать очень много, но в кратких тезисах – только обозначить.

Сам декабризм официально и неофициально характеризуется очень неоднозначно: от традиции гвардейских переворотов и заговора масонов до начального этапа революционного движения и пробуждения национального самосознания. Именно последнее под влиянием победы над Наполеоном пробудило русскую гордость и национальное достоинство, породило ряд проектов о преодолении самодержавного деспотизма в форме конституционной монархии или демократической республики, с приложением унификации или федерализации. Этими мечтами в той или иной степени и развлекалась общественность Российской империи, ожидая, когда «оковы тяжкие падут» и вместо проклятого самодержавия установится царство свободы. Пришли большевики.

И снова (на примере эмиграции) мы видим набор привычных интеллигентских мечтаний и надежд – теперь уже в ожидании неизбежного краха коммунизма. Он наступил, а прекраснотушние надежды и планы по-прежнему остаются фантазией.

Идеократические империи (от Третьего Рима к Третьему Интернационалу) нереформируемы. Попытки могут проводиться до некоторого предела, но затем все рушится. «Держав» в духе Муравьева не получается, а держава гибнет в результате страшного исторического взрыва с огромными жертвами. Реальное народовластие и самоуправление территорий несовместимы (совершенно не нужны) в Империи, где мечтают о Царьграде (именно как о символе, а не просто о территориальном приобретении) или мировой рево-

люции. Идеократический проект и в связи с ним сакрализация (т.е. принципиальная безответственность) власти несовместимы с рациональным и демократическим политическим и территориальным устройством. Попытки реформирования российской и советской империй заканчивались пресловутыми «геополитическими катастрофами». Если не решены и не решаются задачи русской национально-освободительной революции, то Россию остается лишь «подмораживать» (в леонтьевском смысле) до очередного краха.

В связи с этим невозможно скрыть досаду и раздражение от пустопорожних «академических» дискуссий. Признаться, мне ужасно надоело читать поток благоглупостей по поводу «выборов», «федерализма» и т.п. применительно к современной российской ситуации. Какой федерализм, какие выборы на платформе «приватизированного» государства криминальной кликой и уголовным бизнесом?! Но подобное «схоластическое теоретизирование» имеет давние традиции. Мечтам о том, что хорошо бы «мостик построить» и конституцию принять, десятилетиями предавались русские либералы. (К декабристам это не вполне относится: они не только конституционные проекты писали, но и предприняли реальные действия для их воплощения, правда, на удивление бестолковые.) У части интеллигенции были надежды на дореволюционных мыслителей и авторов русского зарубежья. Вот, дескать, прочтем и поймем, как надо реформироваться. И сейчас это не совсем прошло, о чем свидетельствует подача тех же «веховцев» в качестве авторов, пишущих на животрепещущие сегодня темы. Но дефицит, даже самый острый, не всегда свидетельство большей ценности тех или иных вещей или текстов. Вот, скажем, в «Совке» был огромный дефицит джинсов и «тамиздата». А при свободном доступе такая ли уж это ценность?

Читаешь, к примеру, эмигрантский выпуск «Русской мысли» (редактор Петр Б. Струве) и видишь очевидную преемственность с дореволюционным массивом регулярно выходящих номеров «РМ». Или (о себе в последнее время) листаешь сканы каких-нибудь «Современных записок» или «Нового журнала», поражаешься литературному мастерству, блестящему стилю авторов и повторению тех же самых предрассудков и стереотипов, которые и привели этих людей к поражению и изгнанию. Опять рефреном «вот когда уйдут большевики» (как некогда «вот когда падет самодержавие»). Так и сегодня, все же желательно учиться не ошибкам политических неудачников, а на их ошибках. Увы, пока не получается.

В связи с этим для меня важен не столько сам текст Струве (который, кстати, продвинулся в постижении русских проблем гораздо дальше своих товарищей по несчастью, большинства эмигрантской тусовки, ничего не понявшей и ничему не научившейся), а исторический контекст, в котором появились его размышления о «Русской Правде» и т.п. (Так и хочется сыронизировать: о «Русской Системе».)

КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Нельзя проводить конституционные, избирательные, федеративные реформы на почве неререформируемой империи (как бы она ни называлась), без превращения «народа» в «нацию», а «державы» с властью, которой все позволено, – в национальное государство. Этого условия недостаточно, но оно необходимо. Сегодняшний вектор выглядит прямо противоположно, взять хотя бы попытку сделать всех нас какими-то «россиянами» (почти полный аналог «советского народа»). Без национального государства русских на территории России не будет ни демократических выборов, ни федерализма. Только вот не упущено ли время окончательно? По аналогии, например, если какой-то человек в молодом и зрелом возрасте так и не научился зарабатывать деньги себе на жизнь и отвечать за свои поступки, то вряд ли стоит ожидать от него этого в старости. Так и с народами, и государствами: если уж не смогли в свое время добиться национально-демократической эмансипации, то остаются лишь вымирание и зависимость под наркозом усыпляющих мифов.

По сути дела, настоящая демократия и реальный федерализм в сегодняшней РФ (с опорой на умерших философских авторитетов) – такой же миф, как и возрождение имперского величия, «евразийство» или опасное вызывание духа Иосифа Грозного. Только направлено это на другую целевую аудиторию, условно – «либеральную». Печально, что многие субъективно умные и честные люди занимаются этим, порождая у читателей напрасные надежды. Но после того, как и империя Романовых, и СССР показали свою неререформируемость, такое же свойство демонстрирует и так называемая Росфедерация. Только в РФ нет уже тех мессианских геополитических и идеологических претензий, а для правящей клептократии любая (любая!) идеология имеет ценность только как способ отвлечения внимания от масштабов «чисто конкретного» разворовывания национального достояния и «сдачи» всех национальных интересов, т.е. лишения страны перспектив какого-нибудь «Возрождения», о котором так любил мечтать тот же П.Б. Струве. В этих условиях размышления о его идеях, о наследии декабристов, о наследии России и русского зарубежья, о полезности и «актуальности» всего этого – суть просто мифологический наркотик, чтобы заглушить душевную боль от сознания неминуемой катастрофы. Только если массовый читатель, лежа на диване, успокаивается чтением трэшевых фантастических боевиков о лихих «попаданцах», корректирующих нашу историю, дабы не допустить ее ужасного нынешнего состояния, то «гнилой интеллигент» ищет спасения в раскапывании по библиотекам старых текстов с прожектами тех, «кто знает, как надо». По мне, так лучше «попаданцы», впрочем, это дело вкуса и не имеет принципиального значения.

Если же обратиться к трагической для нас исторической реальности, то нынешние наши разочарования выглядят даже мелочью по сравнению с тем, 200

что пережила наша страна после 1917 или 1991 гг. «Посткатастрофка» уничтожила последние русские надежды на достойную жизнь, на национальную демократию в «этой стране». В связи с этим гримасы псевдофедерализма в ельцинский период, неудача «демократического транзита», угасшие искорки надежды на «модернизацию» в 2008 г. или спад «болотной пены» 2011 г. – это уже детали с карикатурным, хотя и драматичным оттенком. Российскую Федерацию в ее нынешнем виде так же невозможно реформировать, как и СССР, как и романовскую Россию. Невозможно это сделать ни в духе «Русской Правды» Пестеля, ни по муравьевской конституции, ни по рецептам либерального консерватора Струве и никак иначе. Сценарий вырисовывается только один – крах режима после исчерпания его ресурсов.

Логично предполагать, что нынешняя паразитическая «элита» РФ (доведшая до абсурда имперскую традицию чужеродности «верхов» интересам большинства русского населения, настоящую АНТИ-Русскую Систему) никуда не сдвинется и ничего не будет по-настоящему реформировать до тех пор, пока ресурсы России вместе с ней не будут «утилизированы». Потом придет закономерный крах и распад – спасти то, что есть сейчас, никак не удастся. Предположить, когда точно, как именно это произойдет и что за этим последует, ныне не представляется возможным. Исходя из имеющегося исторического опыта, можно лишь сказать, что сами по себе распад и уменьшение территории страны (дескать, «России слишком много», «зачем нам Азия», «если бы за Уралом был океан», «хватит кормить Кавказ», «РСФСР нужно первой отделиться от неблагодарных “братьев”» и т.п. мифологемы) при некоторой их ситуативной верности и полезности не являются антиимперской панацеей и залогом дальнейшего успешного реформирования. Потеря значительной территории, как доказывает опыт распада Российской империи и СССР, никак не предохраняет от установления антирусских порядков. Надо менять не (только) политические границы, но глубинные основания российской политики. Сделать это в нынешних границах РФ, скорее всего, не удастся, что очень плохо, конечно. Но если явно не удастся «спасти все», то надо ориентироваться на какое-то подобие модели «Ковчега».

И здесь интеллектуальное наследство декабриста Муравьева может дать некоторые подсказки. Как известно, он предлагал перенести столицу страны в Нижний Новгород, откуда, согласно популярной легенде, пришло ополчение, справившееся со Смутой XVII в. (Я бы, к примеру, для выхода из Смуты века XXI предложил рассмотреть вариант Твери, в свое время погубленной проордынкой Москвой.) Опять же это может быть лишь фантазиями, и только лишь перенос столицы, как и регионализация, как и переименование, как и изменение границ, как и многое другое, – сами по себе эти факторы ничего не гарантируют. Однако стоит держать курс на спасение того, что еще

можно спасти. Как знать, может быть, при этом и политико-правовые проекты, интеллектуальные наработки прошлых эпох смогут пригодиться.

Но это тема уже другого обсуждения.

А.Г. Большаков **Куда идти России?**

Имперская и «русская» идеи в современной России находятся в центре конфликтного властно-оппозиционного дискурса. В настоящее время они имеют совершенно другой смысл и звучание не только по сравнению с проектами декабристского движения первой четверти XIX в., но и их интерпретацией в XX в. известным российским мыслителем П.Б. Струве. Изменились сам контекст восприятия данных проблем, терминология, направленность дискуссий. Знаменитый тезис П.Б. Струве: «Я западник, а потому – государственник. Я западник, а потому – националист» сегодня звучит совершенно по-другому. Вряд ли современный либерал будет публично заявлять о своей приверженности национализму и поддержке институтов государства, хотя у П.Б. Струве речь идет скорее о гражданском национализме и институте монархии.

Современную эпоху определяет полное смешение различных понятий, подходов, традиций. Национализм очень часто воспринимается сугубо в этническом плане, идея создания гражданской нации не стала объединяющей для современного российского общества. В публицистике и массовом сознании существуют представления о славянофилах как государственных патриотах, а демократия относится к ценностям западников и рассматривается очень часто негативно. Традиционное разделение политических сил на «правых» и «левых» в России перевернуто с ног на голову, а защищающие власть публицисты и политологи всерьез считают возможным «создание единой государственной идеологии», несмотря на то, что действующая Конституция РФ поддерживает многообразие существующих идеологий.

Приоритет государства в России перед всеми институтами, его доминирование над гражданскими структурами является константой российского политического процесса в различные эпохи. Ослабление государства, его кризис, как правило, ведут к революции, которая полностью меняет политическую систему общества. Постсоветская эпоха наглядно продемонстрировала переход от ослабленного государства к его формальному усилению, которое сопровождалось повышением неэффективности управления, но позволило надежно стабилизировать охранительные механизмы существующего политического режима.

Преобладание неформальных институтов и практик в России наполняет нормативно-институциональные реформы достаточно своеобразным контен-

том, преобразования носят неэффективный характер, они формируют новые структуры, которые воспроизводят старое содержание. Характерный пример этого – государственно-административные реформы, осуществленные в последние 12–13 лет в Российской Федерации, которые должны были укрепить «вертикаль государственной власти» и повысить эффективность административного управления. По мнению ряда исследователей, например Е.Ю. Мелешкиной, В.Б. Пастухова, результатом этих реформ явилось укрепление доминирования одного политического актора в ущерб позициям других, воспроизводство некоторых советских практик и институтов, например господство «партии власти», разрастание бюрократического аппарата и рост коррупции. Укрепление вертикали государственной власти не привело к ожидаемой концентрации монополии на насилие, угрозе его применения в рамках государства и повышению эффективности административного управления.

Понятно, что любая критика процесса государственного строительства должна опираться на сравнение со сходными образцами в других регионах и странах мира. В мировой политической науке предпринимаются попытки выработки методов конструирования «эталонного современного государства», которое может быть рассмотрено в качестве определенного идеала. Так, например, А. Гани и К. Локхарт выделяют десять функций стабильного современного государства: монополию на легитимное насилие; профессиональный административный контроль; умелое управление общественными финансами; вложения в человеческий капитал; социальную политику как инструмент равных возможностей; обеспечение инфраструктурных услуг; формирование рынка с точки зрения отношений между трудом и капиталом; введение стандартов прав собственности, финансов и страхования; управление общественным имуществом (земля, вода, полезные ископаемые; культурное наследие и др.); эффективное внутреннее заимствование².

Интересно, что в этом перечислении нет ничего от формы государственного устройства, которая в России часто является центром различных споров. Построение гражданской нации, формирование русского национального государства, характеристики имперской организационной структуры, возможности и издержки федерализации и централизации, автономии составляют огромный пласт любых научных и общественных дискуссий о путях политического развития Российской Федерации, практически с момента провозглашения ее суверенитета в 1990 г.

В ходе эволюции российской государственности империя меняется на советское государство, а затем появляется Российская Федерация, которая по

---

2. Ghani A., Lockhart C. *Fixing failed states: A framework for rebuilding fractured world*. – N.Y.: Oxford univ. press, 2008. – P. 124–168.

КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

своей территории, населению, влиянию в мировой политике, экономическому потенциалу значительно уступает предшествующим державным политиям. Российская Федерация – изначально искусственное и сконструированное элитами государственное образование, процесс федерализации здесь быстро закончился и был заменен тотальной централизацией («политика укрепления вертикали власти»). Тем не менее, по разным основаниям, ряд субъектов России получает большую автономию, экономические преференции из центра, возможности осуществлять проекты инфраструктурного развития и др. К таким региональным акторам можно отнести республики Северного Кавказа, Татарстан, Краснодарский край, Москву и т.п.

Российская Федерация является достаточно значимым субъектом современной системы международных отношений. Доминирующие позиции здесь занимают США и быстро развивающийся Китай. Другими центрами силы являются Европейский союз, Индия, Япония, Бразилия, ЮАР. Позиции России рассматриваются обычно в рамках концепций «однополярного» или «многополярного» мира. В рамках последней работает отечественная дипломатия.

Развитие Российской Федерации в мировом сообществе, на мой взгляд, может осуществляться двумя основными путями.

Первый путь связан с продажей энергоносителей преимущественно в страны Юго-Восточной Азии (прежде всего в Китай); это дает возможность получения средств, которые могут быть направлены на покупку новых технологий в западных странах, что позволило бы модернизировать народное хозяйство, создать новые, высокотехнологичные производства. Можно предположить, что при таком развитии событий Россия превратилась бы в один из центров силы, способный распространить свое влияние на постсоветское пространство, Центральную и Восточную Европу, часть Азии. Этот путь представляется более перспективным, он, возможно, привел бы к постепенной модернизации политической системы. Однако более реалистичным является второй путь, по которому Россия пытается развиваться в настоящее время.

Второй путь связан с продажей природных ресурсов в страны Европейского союза и Китай (в последний по минимальным тарифам), попытками провести технологическую модернизацию собственными силами или объединенными усилиями стран СНГ. Желание приобрести новейшие технологии, заимствованные из западных государств (преимущественно путем шпионажа) Китаем и другими развивающимися азиатскими странами, не приносит никаких результатов. Россия позиционирует себя как стратегического союзника Китая, активного члена БРИКС, конструирует проект Евразийского союза, который представляет собой смешение либеральных и имперских принципов. По замыслу российской элиты, в этот проект первоначально должны войти страны СНГ, а в перспективе – Турция, Иран, Сирия,

некоторые государства Юго-Восточной Азии. Реалистичным является привлечение в Евразийский союз некоторых постсоветских стран, которые рассчитывают на получение экономических дивидендов, но этот процесс займет, скорее всего, несколько десятилетий, поскольку значительные противоречия возникают даже с ближайшими партнерами – Казахстаном, Беларусией и Украиной. Сомнение вызывает и возможность политической интеграции целого ряда разных евразийских стран.

В плане политического развития самой России, на мой взгляд, возможны пять основных сценариев:

- усиление внутренней централизации, поддержка государственных ценностей, продвижение идеологии «особый путь развития России», риторика поддержки регионов и перераспределения полномочий от центра к периферии, относительная автономия местного уровня публичной власти;
- «русское национальное государство», предполагающее развитие России за счет усилий русского этноса и других старожильческих народов, с возможным «отделением Кавказа» и прекращением миграции из стран СНГ;
- постепенная исламизация России за счет миграции из стран Центральной Азии и Азербайджана;
- потенциальный распад России на несколько территорий, образование ряда национальных государств, отход некоторых территорий к приграничным зарубежным государствам;
- конституционное развитие России, предполагающее функционирование полиэтничного государства, с наличием развитого местного управления / самоуправления и жесткой федерацией, в которой основные финансовые средства распределяются между центральным и муниципальным уровнями, а федеративные начала формируются постепенно, снизу, что не предполагает большого количества средств на региональном (субъектном) уровне.

Предпочтительным, на мой взгляд, является пятый сценарий развития, который создает возможности для эволюционного и ненасильственного развития государства; второй и четвертый варианты малореалистичны, но возможны при изменении конъюнктуры социально-политического развития; самими реальными являются первый и третий сценарии развития, реализация которых потенциально может привести к многочисленным конфликтам и распаду Российской Федерации, т.е. самому негативному сценарию.

Е.Ю. Мелешкина
«Плоды воображения» декабристов
в современной России

В статье Струве замечательным образом показано бытование нескольких реальных и идеальных политических альтернатив развития России. Идеаль-

КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ных – в смысле отражающихся в политических проектах. Реальных – потому что в политических проектах отражаются существующие и формирующиеся тенденции.

Насколько обозначенные Струве варианты являются альтернативами?

На теоретическом уровне можно говорить об идеальных типах империи и национального государства, о противоположности логик их властной организации. В частности, о том, что среди этих различий – прямая стандартизованная и формализованная система управления и консолидированные границы в современном государстве, в империи – косвенная система управления с существенной ролью неформальных персональных связей и договоренностей, подвижность границ и открытость системы.

Когда мы спускаемся на эмпирический уровень, пытаемся соотносить с моделями те или иные казусы, видим причудливое переплетение элементов обоих идеальных типов. Большое разнообразие империй и национальных государств, история их возникновения, время и контекст их функционирования заметно повлияли на проявленность и масштаб тех или иных характеристик. Империи, особенно существовавшие и существующие в последние два столетия, вынуждены примерять на себя одежды территориальных государств, решать задачи стандартизации и унификации правил и системы управления, культурной гомогенизации населения, соглашаться на признание и гарантии государственного суверенитета на международной арене и т.д. Да и территориальные государства часто демонстрируют наличие имперских черт. Поэтому в действительности границы между империями и национальными государствами оказываются размытыми.

Это же утверждение справедливо и для России. Характерно при этом, что именно в первой половине XIX в., когда необходимость модернизации российских социальных и политических институтов подчеркивается новым состоянием международной системы, пишутся проекты, развивающие альтернативные подходы к политическому развитию нашего отечества. Кроме того, примерно в этот период, чуть раньше или позднее в Европе и на американском континенте довольно активно реализуются политические проекты, также содержащие в себе разные альтернативы организации власти.

Двойственность и альтернативность, отраженные в проектах Пестеля и Муравьева, воспроизводятся в России на практике, вступая друг с другом в противоречивые взаимодействия и вызывая появление причудливых гибридов, с трудом соотносимых с идеальными типами имперской или современной государственной формой организации власти.

Так, Советский Союз, создававшийся под влиянием вызовов модернизации, современной ему международной системы, включал в себя черты современного государства и имперской организации.

В СССР предпринимались отдельные попытки стандартизации и унификации норм и правил, формирования единой гражданской нации на основе коммунистической идеологии. В то же время сохранялась практика непрямого управления, присущая имперским системам. Наблюдалась также и иные особенности административно-территориальной организации и национальной политики, противоречащие задаче создания единого политического пространства и единой гражданской нации. В частности, административно-территориальное деление СССР предполагало существование государств-сегментов, институтов титульности, коренизации и, соответственно, формирование традиций относительно автономного государственного управления и национально-территориальной политической идентификации в субъектах советской федерации и автономиях. Непоследовательные попытки создания единой советской нации, те же институты коренизации и титульности, перемещения этнических групп, а также активное развитие экономических и культурных связей взаимозависимости и особой системы управления способствовали несовпадению границ различного рода в получивших после распада СССР независимость республиках и активизации соревнования между внутренними и внешними центрами. Высокая степень автономии государства от общества, значимость личных связей и личной лояльности создавали условия для воспроизводства инфраструктурной слабости и институциональной «недоразвитости», которые и способствовали устойчивому присутствию ряда трудностей и проблем в сфере государственного управления, осложняли задачи формирования системы прямого стандартизованного и формализованного управления в постсоветских странах.

Среди других постсоветских республик, возникших после распада СССР, Россия стоит несколько особняком в силу особого «центрального» положения в Советском Союзе, особой исторической роли. Не все особенности политического развития, характерные для стран постсоветского пространства, мы можем обнаружить в РФ. Например, отсутствие влиятельных внешних центров (имеются в виду, прежде всего, центры бывших государственных образований имперского типа) в ее случае не является столь значимым фактором, определяющим консолидацию политического сообщества. Вместе с тем России присущи другие черты, свидетельствующие как о попытках формирования современного государства, так и о воспроизводстве имперского наследия. В силу особенностей формата настоящего обсуждения не буду подробно останавливаться на существующих ныне – благодаря прошлому «центральному» положению России в имперской структуре и неконсолидированности границ – различного рода в спорах и разногласиях относительно «устанавливающих» вопросов (о природе государства, нации и т.п.). Отмечу лишь ряд проблем, существующих в сфере государственного управления.

После победы В.В. Путина на президентских выборах в 2000 г. был провозглашен курс на укрепление российского государства. В начале путинского президентства можно было наблюдать попытки осуществления реформ, направленных на унификацию, стандартизацию и деперсонализацию политических отношений. В частности, были реализованы меры по приведению регионального законодательства в соответствие с Конституцией РФ.

Однако шаги по решению этих задач осуществлялись довольно избирательно и непоследовательно. Преобладание неформальных институтов и практик, отсутствие действующих институтов подотчетности в России наполняют институциональные преобразования довольно причудливым содержанием. Последние оказываются не слишком эффективными, приводя к появлению новых форм, скрывающих старое содержание. Примером этому могут быть политические реформы, осуществленные в 2000-х годах, призванные укрепить «вертикаль государственной власти» и повысить эффективность государственного управления. Так, борьба с региональными «князьями» и «баронами» (путем изменения процедуры формирования Совета Федерации, введения федеральных округов, отмены выборов глав регионов и т.д.) не привела к учреждению унифицированной, прямой системы правления. Она объективно повлекла за собой не столько ослабление позиций отдельных политиков и групп интересов, сколько усиление власти одного политического актора и замену одних выгодоприобретателей другими. Двусторонние договоренности между центром и отдельными регионами продолжают играть большую роль в российской политике благодаря развитости неформальных институтов. Ярким примером этому служат значительные субвенции в ряд национальных республик в обмен на обеспечение лояльности населения.

Отдельные вопросы – это результаты административной реформы и состояние правовой сферы. Реформа и иные действия по «укреплению вертикали власти», по мнению ряда исследователей, не привели к ожидаемой концентрации монополии на насилие и угрозу его применения в руках государства, повышению эффективности управления, а их результатом стали разрастание бюрократического аппарата и рост коррупции. Отражением состояния правовой сферы стало нарицательное выражение «басманное правосудие». Борьба с олигархами, «обворовавшими страну» в «лихие 90-е», не привела к деприватизации государства. Более того, «сама власть стала ареной борьбы частных интересов. При этом “децентрализованный произвол” 1990-х годов уступил место “централизованному произволу” нулевых. ...Хаос стал всеобщей,

“системной” характеристикой состояния как общества, так и власти в России»³.

Российское политическое руководство, судя по проводимому политическому курсу, не слишком хорошо понимает специфику стоящих перед Россией задач государственного строительства. В то же время прогресс в преодолении существующего в нашей стране и других политиях постсоветского пространства имперского наследия во многом зависит от осознания их природы политическими элитами, от способности последних мыслить государственными масштабами. Если и не очень перспективно, то хотя бы так, чтобы «плоды воображения» политического формировали то, в чем в России уже назрела необходимость.

---

3. Пастухов В.Б. Реформа МВД как сублимация политической реформы в России // Полис. – М., 2010. – № 6. – С. 35.

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Л.П. Муромцева

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ В ЖИЗНИ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Муромцева Людмила Петровна – кандидат исторических наук,
доцент МГУ им. М.В. Ломоносова.

Характерной особенностью развития российской эмиграции в 1920–1930-е годы была высокая информационная и культурная насыщенность диаспорального пространства, что определялось многообразием и активностью общественно-культурной жизни зарубежной России. В крупных центрах российской диаспоры процесс воссоздания и развития основных традиций научной, общественно-политической и творческой жизни России приносил плоды в виде произведений исключительно высокого интеллектуального и художественного качества. Многочисленность российских диаспор и достаточно быстрая языковая и культурная адаптация в иностранном социуме способствовали тому, что уже в начале 1920-х годов активно развивался культурный диалог между российской эмиграцией и миром. Частично этот процесс носил стихийный характер, частично определялся осознанным движением российской и иностранной интеллигенции навстречу друг другу, сближением литературных и художественных кругов, профессиональных корпораций.

В некоторых странах историко-культурное движение в российском зарубежье имело вектор, противоположный ассимиляционной (США, Канада) или дискриминационной (Германия, Польша и др.) политике правительств в отношении эмигрантов. Напротив, такие страны, как Югославия, Чехословакия, Парагвай и др., сознательно принимали и поощряли российское культурное влияние, считая его плодотворным для собственного общественно-культурного развития. Многообразие идейного и социально-профессионального спектра эмиграции «первой волны» позволяло данным государствам выбирать те или иные направления и формы российской культуры, которые были им наиболее близки или необходимы. При этом, как правило, создавались условия и для развития историко-культурной деятельности

внутри диаспоры: организации просветительных центров, учебных заведений, клубов, музеев и выставок, лекториев и т.п. Высокий уровень мероприятий привлекал местных деятелей науки и культуры, способствовал зарождению в принимающих странах интереса к русской литературе, музыке, живописи, а также к истории и культуре России в целом. Чтение научно-популярных докладов и лекций на эти темы стало одним из основных видов деятельности российской интеллигенции в Европе, США и на Дальнем Востоке. Лекции и семинары создавали поле для дискуссий, служили средством пропаганды либеральных или, напротив, консервативных идей, сохраняя и развивая в российском зарубежье традиции научной и общественной жизни, сформировавшиеся на родине в начале XX в.

Уже в 1921 г. П.Д. Долгорукий, П.Б. Струве, П.Н. Милюков, Е.Д. Кускова, С.П. Мельгунов, Н.К. Кульман и другие организовали среди растерянной массы своих соотечественников, оказавшихся на чужбине, публичные лекции, беседы и собрания на темы: «Задачи русской общественности», «Культурная роль эмиграции», «Россия, эмиграция и наши задачи», «Казачество за рубежом и его роль в будущем», «Миссия русской эмиграции» и т.д. Показательно, что образовательный цикл Русского народного университета в Париже в мае 1921 г. был открыт именно лекцией П.Н. Милюкова «Пути русской гражданственности» [12, т. 1, с. 34].

Зачастую в публичных выступлениях деятелей науки и искусства звучали и личные воспоминания о старой России, эпохе революции и Гражданской войне. Жанр устных мемуаров появился в российском зарубежье уже в начале 1920-х годов. Так, в апреле 1921 г. в Париже состоялась лекция К. Бальмонта «Три года при большевиках (лично пережитое)». Интерес слушателей вызывали и темы, напоминавшие им о былом величии России, роскоши царских дворцов, ушедшем мире дворянских усадеб. С циклом лекций «В Царскосельских дворцах от Петра I до Николая II» выступал Г.К. Лукомский. Лекционная деятельность российской эмиграции включала также тематику, востребованную элитарной публикой, интересующейся проблемами философии, теории науки и искусства. Например, в марте 1920 г. в парижских газетах появились объявления о лекциях профессора Шейниса «Художественное искание и научное исследование», «Художественная правда и научная истина», «Научная поэзия и поэзия науки» [12, т. 1, с. 53].

Лекционная деятельность эмигрантских просветителей имела целью не только распространение знаний в области истории и культуры России, но и формирование позиций эмигрантского сообщества в отношении большевистского режима. Их доклады содержали анализ политической и экономической ситуации в СССР, прогноз дальнейшего хода событий. В начале 1920-х годов российское зарубежье пристально следило за международным положением и дипломатической политикой Советской России. Например, 22 февраля 1921 г.

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

в помещении Российского торгово-промышленного союза в Париже состоялся доклад А. Пиленко и М. Гошиллера на тему «Юридические и экономические последствия проектируемого торгового соглашения между Англией и Советской Россией». В прениях приняли участие ведущие правоведы русского Парижа – Б.Э. Нольде, В.Н. Новиков, М.Г. Мандельштам и др. [12, т. 1, с. 67, 72].

В центре внимания деятелей историко-культурного и просветительного движения российской военной эмиграции находились проблемы военной истории, структура и военный потенциал РККА, перспективы эволюции большевизма. В частности, в 1920–1930-е годы была популярна тема о большевиках и якобинцах. Лекции и занятия офицерских обществ нередко посвящались вопросам истории стран проживания. Так, в январе 1928 г. генерал Ф.И. Ростовцев выступил с докладом «Памятные дни и главнейшие герои Великой Французской революции». В мае 1929 г. состоялся доклад генерала Ю.Н. Данилова «Боевая деятельность русских бригад на французском фронте». В феврале 1929 г. было заслушано сообщение капитана 2-го ранга Б.П. Апрелева «Французский флот во время Великой войны по воспоминаниям очевидца». 19 января 1936 г. в Объединении казаков Черкасского округа Все-великого войска Донского С.Г. Сватиков прочел лекцию на тему: «Пребывание казаков в Париже в 1814 г.». Хранитель казачьей библиотеки А.К. Семенченков продемонстрировал ценные и редкие гравюры из своего собрания (12, т. 1, с. 215–218).

Доклады просветительного характера во многих российских эмигрантских военных организациях, действовавших во Франции, Югославии, Болгарии, Чехословакии в 1920–1950-е годы, были посвящены юбилейным датам и имели характер исторических отчетов об их деятельности. Например, в Обществе русских офицеров-артиллеристов в Югославии был заслушан доклад полковника Тимофеева о деятельности общества за десять лет¹. Воспоминания о Первой мировой и Гражданской войнах нередко становились темой заседаний военно-исторических кружков и офицерских обществ. В частности, собрания на подобные темы регулярно устраивались «Обществом русских офицеров Генерального штаба в Королевстве СХС»².

Часть лекций и докладов российские ученые читали на французском, немецком, чешском, сербском и других языках стран проживания, что способствовало их успешной профессиональной адаптации и росту авторитета в иностранном научном сообществе.

---

1. ГАРФ. Ф.Р.-6798. Оп. 1. Д. 7. Л. 23.

2. ГАРФ. Ф.Р.-5945. Оп. 1. Д. 49. Л. 56.

Важную роль в организации общедоступных лекций играли русские народные университеты в Праге, Париже, Нью-Йорке. Распространение сведений о России, ее культуре в современной научной деятельности русских ученых, о творчестве писателей стало одной из основных задач Русских научных институтов в Праге и Белграде. Только в 1922–1923 гг. в Русском институте в Праге было прочитано несколько циклов лекций, посвященных истории экономического развития России (П.Б. Струве), русской философской мысли (Г.В. Флоровский и П.И. Новгородцев), русской истории (А.А. Кизеветтер, Н.Н. Алексеев), русской литературе (А.В. Маклецов), русской внешней политике (Г.Н. Михайловский). Представителей чешской интеллигенции привлекали также лекции по русскому языку, русской философии, русской музыке, русскому театру, русской науке³. Русским научным институтом в Белграде за первые десять лет своего существования было подготовлено около 700 сообщений и докладов.

Кроме создания научных и учебных заведений надо упомянуть еще одно крупное просветительное начинание генерала Е.К. Миллера в 1926 г. – организацию курсов, где читались циклы «Лекций о России»: «Русская история от Смутного времени до наших дней» (генерал К.И. Сычев), «Очерки русской культуры» (князь С.М. Волконский), «Значение внешней политики в истории России» (князь Гр.Н. Трубецкой), «Русская литература» (профессор Н.К. Кульман) и др. Каждый доклад печатался отдельной брошюрой [5, с. 94–95].

В США с конца 1920-х годов широкую культурно-просветительную работу вело Русское объединенное общество взаимопомощи в Америке, которое предлагало всем желающим общеобразовательные курсы по русской истории и русской словесности, а также цикл лекций по истории общественных движений в России. Различные просветительные мероприятия проводили Общество имени М.В. Ломоносова в Бронксе, Общество имени А.П. Чехова в Нью-Йорке, Общество русской культуры и Кружок ревнителей русской культуры в Сизтле.

Лекционно-просветительная работа в большей или меньшей степени была присуща и всем молодежным движениям русского зарубежья. В трудных условиях изгнания 1920–1930-х годов российские эмигрантские культурно-просветительные организации сохраняли своего рода «информационный код» российской истории, предоставляя молодому поколению эмиграции знания об отечественной истории как дореволюционного, так и советского периодов, знакомя его с историко-культурными традициями России.

Дальнейшее развитие историко-культурного движения в российском зарубежье середины 1920-х годов воплотилось в установленном «Дне русской

---

3. ГАРФ. Ф.Р.-6784. Оп. 1. Д. 111. Л. 1.

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

культуры», объединившем всех эмигрантов независимо от их партийной принадлежности и политических пристрастий. Он полностью вписался в традицию праздников и знаменательных дат, которая получила дополнительный стимул в условиях изгнания, пронизанного воспоминаниями о прошлом как личными, так и связанными с образами культуры, истории и быта старой России.

Идея празднования «Дня русской культуры» зародилась еще в дореволюционной России как «идея национального объединения во имя культуры в самый разгар революции, на ею сотрясаемой и затопляемой русской почве» [14, с. 2]. По инициативе П.Б. Струве в 1917 г. в Петербурге была учреждена «Лига русской культуры» во главе с председателем IV Государственной думы М.В. Родзянко. Однако в условиях начавшейся вскоре Гражданской войны ей не удалось развернуть свою деятельность.

В 1924 г. культурная общественность российской диаспоры в Эстонии отметила «День русского просвещения», приуроченный к 125-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Это мероприятие привлекло внимание ряда ведущих общественных деятелей и организаций российского зарубежья, которые выдвинули идею ежегодного празднования «Дня русской культуры» как средства объединения всей эмиграции.

В марте 1925 г. в Праге было составлено воззвание от имени нескольких организаций: Педагогического бюро, Объединения русских студенческих организаций, Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей, Союза русских академических организаций за границей. Эти организации избрали президиум в лице председателя князя П.Д. Долгорукого и секретаря Н.А. Цурикова, а также редакционную комиссию в составе П.Д. Долгорукого, профессора Е.В. Спекторского и академика П.Б. Струве. Тысяча экземпляров подготовленного ими обращения «К русским людям за рубежом» было разослано по всему миру, а его текст был опубликован в большинстве эмигрантских газет, при этом почти вся зарубежная русская пресса высказала горячую поддержку идее праздника⁴.

В воззвании, в частности, говорилось: «Центральные зарубежные организации решили обратиться к местным русским союзам, обществам и группам с предложением устройства ежегодного “Дня русской культуры”, считая это одним из желательных способов объединения всех русских людей. Таким днем мы предлагаем избрать... день рождения Пушкина, более чем кто-либо наложившего печать своего творческого гения на язык русского народа. Празднество это, должным образом проведенное, будет содействовать

---

4. ГАРФ. Ф.Р.-5850. Оп. 1. Д. 47. Л. 4, 5.

подъему духа зарубежных русских в нынешней тяжелой обстановке» [10, с. 270–271].

Первый общеэмигрантский «День русской культуры», состоявшийся в июне 1925 г., в значительной степени превзошел ожидания организаторов, получив живой отклик по всему российскому зарубежью. В Отчете о праздновании Н.А. Цуриков отмечал: «Еще ни разу, ни одной идее в эмиграции не удавалось объединить и собрать вокруг себя такого числа участников, как в ДРК вокруг идеи национального культурного праздника... Усталым и измученным, угасшим и сдающимся этот день показал, где и в чем надо искать, откуда черпать новые и неиссякаемые запасы ясности, твердости и душевной бодрости... “День русской культуры” явился в своем основном существе – днем горячей любви к России» [3, с. 68–69]. То, что инициатива празднования «Дня русской культуры» зародилась в Праге, не было случайностью, поскольку широкое развитие культурно-просветительных учреждений, поддержанных «Русской акцией» правительства Т.Г. Масарика, было направлено главным образом на «подготовление подрастающего поколения к возвращению в Россию культурными людьми, не порвавшими с родной культурой...»⁵.

Уже в середине 1920-х годов российская эмигрантская интеллигенция увидела плодотворность нового начинания, оценила его значение для сохранения внутренней общности российской диаспоры, для выполнения ею культурно-исторической миссии «послания» будущей России. В.А. Маклаков писал по этому поводу: «Русская культура оказалась могучей и живучей, чем наша русская государственность» [8, с. 32].

Образ Пушкина был одинаково близок большинству культурной эмиграции независимо от политических и религиозных взглядов, а идея ДРК находила поддержку и у деятелей церкви. В частности, в 1925 г. «глубоко прочувствованную проповедь, посвященную идее празднования ДРК, произнес отец С. Булгаков»⁶. Позднее П.Е. Ковалевский отмечал, что День русской культуры стал «единственным торжеством, объединяющим все рассеяние, всю Западную Россию и олицетворявшим ее культурное единство» [24, с. 118]. Однако программа ДРК, в частности за 1935 г., подверглась критике со стороны ряда эмигрантских авторов за ее излишний, по их мнению, консерватизм: «Почему только классики, только художественные отделы, когда новейшая культура человечества дает столько образцов гениальных открытий в области техники, науки, открытия новых земель, географических путей и т.д.»⁷. В 1935 г. Пражский Комитет ДРК решил учесть эти пожелания и

5. ГАРФ. Ф.Р.-5850. Оп. 1. Д. 9. Л. 36.

6. ГАРФ. Ф.Р.-5850. Оп. 1. Д. 47. Л. 20.

7. ГАРФ. Ф.Р.-5850. Оп. 1. Д. 12. Л. 96.

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

включил в программу тему «Открыватели новых земель». Содокладчиком графины С.В. Паниной был приглашен сменовеховец профессор П.Н. Савицкий, который, как предполагалось, должен был в своем выступлении рассказать о достижениях СССР в области географических открытий. Подобная перспектива привела к протесту ряда консервативных организаций (Галлипольского землячества, Кают-компании, РОВС и др.) и даже к их отказу от участия в «Дне русской культуры»⁸.

К 1928 г. праздник отмечался уже в 23 странах⁹. Одновременно отмечая «День русской культуры» в разных уголках мира, российские эмигранты обращались не только к воспоминаниям о покинутой родине, но и о своих соотечественниках за рубежом... «разбросанные по различным странам, разделенные тысячами верст родители и дети, близкие и чужие – но все равно сыны одной и той же великой страны, как бы перекликались между собой, радостно сознавая, что мертвое пространство преодолено живой идеей»¹⁰.

Составляя Отчет о проведении ДРК за 1928 г., Н.А. Цуриков отмечал, что «праздник не только расширяется, но и углубляется. Уже выработался некоторый естественный “канон” праздника: первая речь о значении празднования ДРК, вторая о Пушкине» [16, с. 4]. С конца 1920-х годов «Дни русской культуры» стали соединять имя Пушкина с мероприятиями, посвященными памяти других русских писателей, композиторов, ученых, юбилей которых отмечались в том или ином году. В ряде случаев организаторы ДРК включали в его тематику творчество авторов нового времени, не признававшихся в СССР. Так, в 1936 г. одно из собраний было решено посвятить памяти Николая Гумилёва в связи с 50-летием со дня рождения и 15-летней годовщиной гибели поэта. Для участия в юбилейном мероприятии были приглашены И.А. Бунин, Ф.А. Степун, Н.О. Лосский и ряд других представителей творческой интеллигенции российского зарубежья.

Выпуск книг, газет, открыток, приуроченный ко «Дню русской культуры», способствовал распространению информации о празднике и сохранению памяти о нем в последующих поколениях. Расширению информационного поля ДРК в 1930-е годы содействовали новые средства коммуникации, прежде всего радиовещание. Например, в 1934 г. в Праге более 3,5 часов по радио транслировался концерт, посвященный «Дню русской культуры», включавший произведения П.И. Чайковского, А.К. Глазунова, М.А. Балакирева, М.П. Мусоргского в исполнении русских и чешских музыкантов. По радио прозвучала также речь профессора С.В. Завадского «Ко Дню русской культу-

---

8. ГАРФ. Ф.Р.-5850. Оп. 1. Д. 12. Л. 26, 97.

9. ГАРФ. Ф.Р.-5850. Оп. 1. Д. 6. Л. 445.

10. ГАРФ. Ф.Р.-5850 Оп. 1. Д. 47, Л. 36; ГАРФ. Ф.Р.-9145. Оп. 1. Д. 938. Л. 3.

ры»¹¹. Летопись ДРК в течение многих лет создавалась благодаря эмигрантской прессе, которая публиковала статьи и фоторепортажи о празднике в различных городах и странах.

В проведении ДРК принимали также участие дети и молодежь. Устраивались концерты, спортивные состязания, театральные постановки, выставки. В 1925 г. с особым подъемом прошел праздник ДРК в Русской гимназии в Моравской Тршебове. Центральным событием праздника стало освящение памятника русской культуры, сооруженного на добровольные пожертвования персонала гимназии. «Сам памятник представлял собою массивный пьедестал из серого гранита с мраморной развернутой книгой, с золотой надписью на русском и чешском языках. Она гласила: “Русская культура – мощь и слава России. 8 июня 1925 г. праздник русской культуры на гостеприимной земле братьев чехов. Русская гимназия”»¹².

В организации празднования ДРК в различных городах Франции активную роль играл Комитет по обеспечению образования русской учащейся молодежи за границей. Его председатель М.М. Федоров в своем обращении к эмигрантскому юношеству призывал устраивать литературные чтения и концерты своими силами. Особо важную роль он отводил приглашению на эти собрания русских детей. Таким образом, «День русской культуры» приобретал серьезное воспитательное значение, вовлекая эмигрантское юношество в культурную работу, закреплявшую историческую связь поколений.

В ходе массовых мероприятий – лекций, концертов, гуляний, выставок, спортивных праздников – демонстрировалось единство эмигрантского сообщества, пропагандировались достижения русского музыкального и изобразительного искусства, неизменно привлекавших к себе иностранную публику. Выступления ведущих мастеров искусств, научные симпозиумы, торжественные собрания, на которые приглашались известные политики и ученые, способствовали сближению иностранных элит с интеллектуальными и творческими кругами российской диаспоры. Так, 9 июня 1925 г. чешская общественность отметила празднование «Дня русской культуры» собранием клуба «Чешско-русского единства». Отозвалась и чешская пресса, в частности газеты «Народные листы» и «Венков», поместившие статьи, посвященные ДРК [3, с. 39].

Показательно, что ДРК праздновали и во второй половине 1930-х годов, когда общественная активность российского зарубежья значительно снизилась, стали более заметными ассимиляционные процессы. «День русской культуры» был призван противостоять этим тенденциям, демонстрируя присутствие российской культуры и искусства в зарубежном интеллектуальном и

---

11. ГАРФ. Ф.Р.-5850. Он. 1. Д. 12. Л. 58.

12. ГАРФ. Ф.Р.-5850. Он. 1. Д. 47. Л. 22.

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

художественном пространстве. Так, часть праздничных мероприятий в 1938 г. была посвящена 750-й годовщине «Слова о полку Игореве». Это актуализировало в исторической памяти российской эмиграции события древней отечественной истории и тему славянской письменности и языка, имевшую важное значение в контексте русско-чешских культурных связей.

Проведение ДРК в Европе прервалось в период Второй мировой войны. После оккупации фашистской Германией Чехословакии деятельность культурно-просветительных организаций российской эмиграции была поставлена под тотальный контроль, приведший к ее фактическому прекращению. Комитет ДРК должен был регистрировать все свои мероприятия и представлять финансовую отчетность оккупационным властям. Однако Комитет продолжал действовать до 1943 г., собирая материалы о проведении Дня русской культуры в различных странах мира. Так, в 1940–1941 гг. торжественно отмечался, правда, без прежнего размаха, день рождения А.С. Пушкина, устраивались спектакли и концерты. В 1942 г. Комитет ДРК выразил протест против решения германских властей отменить празднование «Дня русской культуры».

Особого внимания заслуживают университетские традиции в историко-культурной жизни эмигрантской интеллигенции. День русского просвещения, более известный под названием «Татьяниного дня», был не только напоминанием о прошлом, но и символом единения всей корпорации высшей школы, включая и иностранные университеты, в которых российские эмигранты продолжали свою научно-педагогическую деятельность. В советской России главный студенческий праздник был отменен в 1919 г. сначала негласно после закрытия университетской церкви, а в 1923 г. «архаичная и бессмысленная Татьяна» была заменена в директивном порядке «Днем proletарского студенчества». В российском зарубежье эта традиция не прерывалась. «Татьянин день» ежегодно отмечался 25 января как в Европе, так и в других регионах российского рассеяния – США, Китае, Австралии, Северной Африке.

Популярность «Татьяниного дня» была, безусловно, связана со значительной численностью эмигрантов с высшим университетским образованием, а также с общественной активностью и авторитетом эмигрантской профессуры, большинство которой также имело университетские корни.

В Болгарии, Франции, Чехословакии и других странах эмигрантская общественность широко праздновала юбилеи Московского университета: 175-летие в 1930 г. и 180-летие в 1935 г. Следует отметить, что Комитет по проведению ДРК в Праге оказывал всяческое содействие «Обществу бывших воспитанников Императорского Московского университета», его культурно-просветительной, научно-исследовательской и издательской работе. В 1927 г. на праздновании «Дня русской культуры» в Праге А.А. Кизеветтер выступил

с лекцией «Московский университет и его традиции. Роль Московского университета в культурной жизни России» [4, с. 31].

К концу 1920-х годов общество выпускников Московского университета насчитывало около 120–150 активных членов и имело своих представителей в ряде стран Европы и США. В 1929 г. им были основаны в Париже и Праге юбилейные комитеты, которые сыграли ведущую роль в подготовке празднования 175-летия Московского университета. Устроители юбилея изначально поставили задачу «сохранить полную гармонию характера празднования», исключив любые попытки придать торжеству политический характер¹³. Всего в 1929 г. в Европе и США было образовано 14 юбилейных комитетов, которые тесно координировали свои усилия.

«Наступающее 12 января 1930 г. 175-летие основания первого русского университета, славного Московского университета, вызвало во всех центрах скопления русских за рубежом единодушное горячее желание ознаменовать этот день чествованием старейшего и главного рассадника русской культуры», – говорилось в документах Пражского юбилейного комитета¹⁴. Выпущенный в Париже юбилейный сборник содержал статьи профессоров Московского университета, работавших в этот период во Франции, Чехословакии и других государствах. Находясь в изгнании, деятели российской высшей школы остро переживали судьбу родного университета, о чем свидетельствует, в частности, статья М.М. Новикова «Московский университет в первый период большевистского режима» [9, с. 5–10].

На открытии торжеств в Париже выступал профессор Сорбонны Жюль Легра и другие ученые французского академического сообщества, которые отмечали значение Московского университета в истории мировой науки и высшей школы. Участию иностранной профессуры, а также представителей посольств разных стран в праздновании устроители придавали особое значение, поскольку это повышало статус мероприятий, придавало им общеевропейский характер.

Объявления об устройстве юбилейного вечера «Татьянин день» в Праге были помещены не только в русских, но и в чешских газетах¹⁵. На вечере 25 января вступительное слово произнес профессор М.М. Новиков, с речью «Московский университет и русское общество» выступил А.А. Кизеветтер. В конце вечера были танцы. Всего приглашения на чешском, французском и других языках стран проживания на юбилейные мероприятия, посвященные 175-летию Московского университета, были разосланы 110 европейским и североамериканским университетам.

13. ГАРФ. Ф.Р.-5820. Он. 1. Д. 10. Л. 4–5, 12.

14. ГАРФ. Ф.Р.-5820. Он. 1. Д. 8. Л. 123.

15. ГАРФ. Ф.Р.-5820. Он. 1. Д. 2. Л. 7.

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Материальную поддержку юбилейным комитетам оказывали выпускники Московского университета, работавшие в университетах Европы и США, а также представители иностранной профессуры. За короткий срок Пражскому комитету удалось собрать сумму в 25 393 чешских крон¹⁶. Парижскому комитету прислали приветствия 42 университета и 75 русских эмигрантских организаций.

В 1935 г. в российском зарубежье отмечалось 170-летие со дня смерти М.В. Ломоносова, имя которого всегда связывалось с традициями отечественной науки и высшей школы. М.М. Новиков выступил по этому поводу с речью «М.В. Ломоносов – основоположник русского естествознания» [7, с. 34].

Некоторые юбилеи и памятные даты стали точками соприкосновения эмиграции с родиной. Так, 100-летнюю годовщину со дня гибели А.С. Пушкина отметили и в СССР, и в зарубежной России. В конце февраля 1935 г. в Париже был образован Центральный Пушкинский комитет с президиумом в составе В.А. Маклакова (председатель), И.А. Бунина, П.Н. Милокова, М.М. Федорова и Г.Л. Лозинского. Он поддерживал связь с 166 аналогичными организациями, созданными по его инициативе в других центрах зарубежной России. На заседании Пушкинского Комитета 14 октября 1937 г. отмечалось, что «Комитет поставил себе главной задачей обеспечить характер всемирности чествования величайшего, не только русского, но и мирового поэта» [15, с. 60–61]. С.М. Лифарь, оценивая работу комитета, писал: «И это мировое объединение русской эмиграции без средств, без помощи Лиги Наций, без государства, без меценатов Комитету удалось осуществить» [15, с. 61]. Пушкинские торжества 1937 г. прошли в 42 государствах и 231 городе мира [15, с. 13]. Особое внимание русского Парижа и культурной общности Франции привлекла устроенная С.М. Лифарем и М.Л. Гофманом выставка «Пушкин и его время». Различные мероприятия, посвященные теме гибели поэта, провели многочисленные творческие союзы и общества русского Парижа [11, т. 1, с. 14].

Пушкинские дни 1937 г. отмечались также в русском Харбине и других центрах дальневосточной диаспоры. В Шанхае, где существовали тесные связи между российской эмиграцией и сообществом иностранных концессий, чествование памяти А.С. Пушкина в 1937 г. приняло международный характер. Российскими эмигрантами был учрежден Пушкинский комитет, куда вошли также представители китайской, английской и французской интеллигенции. Было получено разрешение на установку бронзового памятника А.С. Пушкину, изготовленного скульптором В.С. Подгурским. На террито-

---

16. ГАРФ. Ф.Р.-5820. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

рии французской концессии был выделен участок земли, впоследствии получивший название площади Пушкина. В конце января 1937 г. в Шанхае начались торжественные мероприятия, посвященные А.С. Пушкину, в которых приняли участие практически все эмигрантские организации, французские и английские дипломаты, представители китайской общественности. В память о поэте устраивались концерты, литературные и музыкальные вечера и др. 11 февраля 1937 г. состоялось торжественное открытие памятника Пушкину. В начале 1940-х годов памятник был разрушен японцами, но в 1947 г. восстановлен при участии отделения ТАСС в Китае. Во время китайской культурной революции памятник был снесен и вновь открыт в августе 1987 г. [1, с. 457–459]. В настоящее время он является одной из достопримечательностей Шанхая, свидетельствующей не только о всемирном значении творчества Пушкина, но и о драматической истории российского зарубежья в Китае. Местный юбилейный комитет издал также прекрасно оформленную книгу «Пушкинские дни в Шанхае» с редкими иллюстрациями.

Праздники и памятные даты, которые продолжали отмечаться в СССР, в российском зарубежье сохраняли дореволюционную стилистику, прежде всего это касалось религиозных обрядов поминовения выдающихся деятелей науки и культуры, праздничных молебнов и т.п. Например, ежегодно в октябре, в годовщину смерти Чайковского, в православных храмах зарубежной России исполняли его полную литургию.

Если в первой половине 1920-х годов в советской России православные традиции еще сохранялись, то в последующие десятилетия в ходе атеистических кампаний празднование Рождества, Пасхи и других дат церковного календаря стало преследоваться и постепенно ушло из массового обихода. Напротив, в российском зарубежье церковные праздники оставались неотъемлемым элементом быта, способствовавшим сохранению не только чисто религиозных, но и многих светских традиций: рождественских и пасхальных балов, народного фольклора, детских игр и т.п. В 1940–1950-е годы встреча «второй волны» эмиграции с этой живой традицией, которая существовала в сознании советских граждан как воспоминания детства или рассказы старших, в значительной степени содействовали формированию единого культурного пространства послевоенного зарубежья.

При этом некоторые юбилейные даты стали поводом для политического противостояния между эмиграцией и советской системой. Так, в 1938 г., когда в СССР продолжались массовые политические репрессии, направленные также против церкви и духовенства, российское зарубежье праздновало 950-летие Крещения Руси. Архиерейский Синод Русской зарубежной церкви предложил всем ее епархиальным архиереям организовать широкое общенародное празднование юбилея. Эта инициатива была встречена российской эмиграцией с большим энтузиазмом. 1938 год был объявлен Свято-

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Владимирским годом. Эмигранты заказывали памятные медали и значки по случаю 950-летия Крещения Руси [13, с. 190]. Этой дате были посвящены мероприятия «Дня русской культуры». Так, 7 июня 1938 г. в Праге состоялось торжественное заседание на тему «950 лет Крещения Руси», на котором с речью «Дело св. Владимира и путь русской культуры» выступил профессор А.В. Карташев. Многие церковные мероприятия в российском зарубежье сохраняли политическую окраску вплоть до начала 1990-х годов, а иногда и до воссоединения церквей в 2008 г.

Прямым противопоставлением коммунистической идеологии стал «День непримиримости», отмечавшийся эмиграцией 7 ноября в память о событиях Октябрьской революции 1917 г. Эта традиция была поддержана политически активными кругами российской эмиграции второй половины XX в., а также властями США и других западных стран. С 1985 г. Конгресс русских американцев по инициативе В.А. Абданк-Коссовского ежегодно отмечает 7 ноября как день непримиримости к коммунизму и скорби по всем погибшим от рук коммунистов.

Историко-культурная составляющая присутствовала и в таких инициативах как «День русского инвалида» и «День русского ребенка», соединявших в себе традиции отечественной дореволюционной и западной благотворительности. Целью их проведения был сбор средств от концертов и балов на нужды инвалидов, сирот, лечебных и воспитательных учреждений. В этих «Днях» активно участвовали детские хоровые и танцевальные коллективы, молодежные военно-спортивные клубы и т.п. Эмигрантская газета «Русское дело» писала 7 апреля 1932 г.: «“День русского ребенка” – это еще один праздник нашей эмиграции, посвященный младшему поколению»¹⁷.

Во второй половине XX в. информационная среда зарубежной России становится более разреженной, но на протяжении 1950–1970-х годов еще сохранялись основные типологические черты и формы ее историко-культурной деятельности, сложившиеся в эмиграции «первой волны». Наиболее существенным изменением в данной сфере стало сокращение лекционных мероприятий. Однако традиция празднования юбилеев и различных памятных дат в российском зарубежье продолжала составлять неотъемлемую часть его культурной жизни.

В 1958 г. в Париже был основан Комитет по организации чествования В.А. Маклакова. Тогда же в Париже состоялось торжественное заседание, посвященное 100-летию со дня рождения великого князя Константина Константиновича Романова. В 1959 г. культурная общественность русского Парижа создала Комитет по организации чествования памяти Л.Н. Толстого в

---

17. ГАРФ. Ф.Р.-5850. Оп. 1. Д. 8. Л. 503–504.

связи с предстоящим 50-летием со дня его кончины. В 1964 г. выпускницы Смольного института устроили в Курбева под Парижем торжество по случаю 200-летия своего учебного заведения. В 1975 г. в Париже группа русской литературной и художественно-артистической интеллигенции организовала вечер в связи со 100-летием со дня рождения Н.А. Тэффи [12, т. 6, с. 231, 280; т. 7, с. 67].

В 1962 г. в Нью-Йорке состоялось многолюдное собрание, посвященное 1100-летию государства Российского, на котором речь «Исторический путь России» произнес профессор Йельского университета Н.И. Ульянов, видный литературный и политический деятель «второй волны» эмиграции.

В 1988 г. в русской Америке, Франции и других центрах российского зарубежья отмечалось 1000-летие Крещения Руси. Были установлены памятные бронзовые плиты на внешних стенах Преображенского собора в Бруклине (Нью-Йорк). Кроме того, русскоязычной общиной Нью-Йорка была осуществлена театральная постановка, к созданию которой были привлечены художественные и литературные силы российского зарубежья.

В конце 1980-х – 2000-е годы общественно-культурная жизнь русской Америки получила новый импульс благодаря развитию контактов между эмигрантскими организациями и творческой интеллигенцией на родине. Возникли новые институциональные структуры историко-культурного профиля, организаторами которых выступили российские эмигранты разных поколений, граждане России, проживающие в США и Канаде, дипломатические представительства Российской Федерации. Среди них стоит отметить Российские культурные центры в Вашингтоне и Нью-Йорке, Русско-американский культурный центр «Наследие» в Нью-Йорке, Русский центр Аризоны и др. Благодаря их активности в Нью-Йорке, Сан-Франциско, Чикаго, Торонто и других городах Североамериканского континента сохраняются традиции Татьянинских балов, рождественских елок для детей, пасхальных концертов, включая «Дни русской культуры».

Новое звучание в 1990–2000-е годы приобрели мероприятия, связанные с памятью о событиях Второй мировой войны. В посольствах и других организациях Российской Федерации в Северной Америке организуются памятные вечера и встречи ветеранов войны, проживающих в США и Канаде при участии российских общественных и культурных деятелей, дипломатов, представителей православной церкви.

Начиная с 1990-х годов, воссоединение культуры России с культурой российского зарубежья не только способствовало возвращению на родину традиций общественной жизни, сохраненных эмигрантами, но и придало новый стимул к возрождению угасавшей историко-культурной активности наших соотечественников за рубежом.

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Литература

1. Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае. – М., 2008. – 576 с.
2. Двухсотлетие Московского университета. (1755–1955). Празднование в Америке. Сост. и гл. ред. М.М. Новиков. – New-York, 1956. – 150 с.
3. День русской культуры: Отчет о праздновании «Дня русской культуры» за рубежом в 1925 г. / Сост. Цуриков Н.А. – Прага, 1926. – 107 с.
4. Кизеветтер А.А. Московский университет и его традиции. (Роль Московского университета в культурной жизни России.) – Прага, 1927. – 31 с.
5. Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). – Paris, 1971. – 347 с.
6. Кускова Е. Большевики справа. (Письмо из Праги.) // Последние новости. – Paris, 1935. – 31 мая.
7. Ломоносов М.В. Речи, произнесенные на собрании в память 170-летия со дня его смерти / Русский свободный университет в Праге; Под ред. проф. М.М. Новикова. – Прага, 1936. – 34 с.
8. Маклаков В.А. Русская культура и А.С. Пушкин // Современные записки. – 1926. – № 29.
9. Московский университет, 1755–1930. Юбилейный сборник. – Париж, 1930. – 455 с.
10. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939. – М., 1994. – 296 с.
11. Российское зарубежье во Франции. 1919–2000: Биографический словарь. В 3 т. / Под общей ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. Т. 1. – М., 2008. – 796 с.
12. Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1920–1940. Франция. В 8 т. / Под общей ред. Л.А. Мнухина. – М., Paris, 1995–2001.
13. Русь Святого Владимира. Юбилейный сборник ко дню 950-летия Крещения Руси. – Шанхай. Китай, 1938. – 190 с.
14. Струве П.Б. Национальная культура и историческая память // День русской культуры. Белград. 4–10 июня 1928 г. Краткий отчет о праздновании в 1928 г. – Прага, 1929. – 38 с.
15. Центральный Пушкинский Комитет в Париже (1935–1937). Т. 1. – М., 2000. – 608 с.
16. Цуриков Н.А. День русской культуры. – Прага, 1929. – 38 с.

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

И.И. Орлик

ЖУРНАЛУ «МИР ПЕРЕМЕН» ДЕСЯТЬ ЛЕТ

**Орлик Игорь Иванович – доктор исторических наук,
профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН.**

«Грандиозная трансформация... все преобразается на наших глазах. Другими становятся государство, общество, хозяйство, политика, культура. Меняются производственные отношения, трансформируются мировоззрение и мировосприятие народов, стали по-иному складываться отношения между странами и между людьми. Непривычные критерии, новые мотивации, необычные оценки вторгаются в человеческую психологию, разрешая, казалось, навсегда устоявшуюся картину мира».

В этом «Слове к читателю» сформулированы главные темы нового международного научно-общественного журнала «Мир перемен», первый номер которого вышел в начале 2004 г.

Далее главный редактор журнала Руслан Гринберг так определяет основную задачу: «Прежде всего надо выявлять общие и особенные черты преобразований и предвидеть их динамику».

Прошедшие десять лет подтвердили, что с этой задачей «Мир перемен» успешно справляется. И в этом большая заслуга его Международного совета, среди членов которого авторитетные ученые, политические и государственные деятели России, США, Великобритании, Германии, Австрии, Венгрии, Польши, Румынии, Словакии, Чехии, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Литвы. Многие из них выступают также авторами содержательных научных очерков и статей, не раз публиковавшихся в журнале.

Главный приоритет издания – это актуальность научных проблем, характеризующих перемены в современном мире. Строгая, логичная структура каждого выпуска журнала (он выходит 4 раза в год) позволяет читателю ориентироваться в основных направлениях мировых перемен: глобальных проблемах, экономике, политике, социальной сфере.

Уже с первых номеров журнала на его страницах неоднократно освещалась тема глобализации и ее влияния на изменения в мире. Подчеркивалось, что в условиях глобализации решение актуальных политических и экономических проблем отдельных государств и международного сообщества в целом сопровождается появлением новых проблем природно-экологического и социально-экономического характера. Обострение многих из них чревато угрозами здоровью и жизни людей, их материальным и духовным ценностям. Если общество своевременно не находит эффективного ответа на эти угрозы, то возникают кризисы, катастрофы и бедствия, конфликты и беспорядки, революции, мятежи или акты терроризма.

Глобализация, которая видоизменяет механизмы функционирования мировой экономики и оказывает все более существенное влияние на национальные экономические комплексы, подчеркивается в журнале, нуждается в объективном исследовании всех ее аспектов и последствий, в определении существенных характеристик, позитивных и негативных аспектов (М. Интригейтор). Это позволит выявить причины и суть недавнего глобального финансово-экономического кризиса, найти возможность его недопущения в будущем. Однако полного представления об этом, особенно об исключении таких глобальных катаклизмов из жизни, пока не сформулировано (А. Быков).

Аналитики называют разные причины кризиса, касающиеся главным образом его финансовых аспектов, через которые он первоначально проявился. Одни именуют его кризисом ликвидности, другие – банковским и фондовым, третьи – кризисом доверия. Истоки же его лежат, по утверждению некоторых, в сфере реального производства, которое в конечном счете в наибольшей степени пострадало от захлестнувших его катаклизмов.

Хотя многие авторы придерживаются различных оценок и самого кризиса, и его последствий, все же заслуживают внимания некоторые обобщенные выводы.

Понимание современного кризиса как глобального явления заставляет весьма осторожно относиться к прогнозированию дальнейшего хода событий как в мире, так и в отдельных странах. Несмотря на то что удалось сравнительно быстро и почти повсеместно остановить начавшуюся рецессию, ситуация может обостриться в случае новой волны неликвидности банков и неплатежеспособности отдельных государств, как это случилось вначале с Исландией и совсем недавно с Грецией и рядом других стран. Возобновившийся осторожный хозяйственный рост может смениться длительной депрессией и даже новым спадом, если не будут устранены глубинные причины кризиса, заложенные в самом механизме функционирования современной экономики. Только путем оздоровления международных и внутригосударственных финансов, ограничения спекулятивного и фиктивного капитала, прекращения порочной практики искусственного раздувания массового

платежеспособного спроса и чрезмерного потребления можно создать реальные предпосылки для выхода из кризиса и недопущения подобных ситуаций в будущем (Ю. Князев).

Современный кризис вновь подводит к реформированию мировой валютно-финансовой системы. И это не первая попытка ее преобразования. После значительных финансовых потрясений 1997–1998 гг. также шла речь о необходимости реформы мировой валютно-финансовой архитектуры, но значительных изменений за прошедшие годы в ней не произошло (М. Головин).

Неслучайно поэтому во многих странах мира пытаются объединить усилия специалистов, создать международные коллективы для определения путей такого реформирования. В журнале публикуются материалы постоянно действующего семинара экономистов Австрии, Словакии и России для изучения и обсуждения этой темы. Выдвигались следующие вопросы: возможно ли повторение мирового финансово-экономического кризиса? Эффективны ли уже принятые меры по ликвидации его последствий и предотвращению новой волны? В каких направлениях должно идти реформирование международной валютной системы? Что в ближайшем будущем станет мировой валютой: доллар, евро или региональные валюты?

В связи с кризисом на страницах журнала не раз обсуждались и проблемы современной экономической теории. Многие авторитетные авторы задавались вопросом: не находится ли в кризисе и сама экономическая наука? (Гж.В. Колодко). Статьи, посвященные экономической теории, всегда привлекают внимание читателей журнала. Но следует признать, что их (впрочем, как и в других отечественных научных периодических изданиях) хотелось бы видеть больше в «Мире перемен». В основном это размышления о рыночной теории. Можно поэтому согласиться с утверждением, что всем очевидная сегодня так называемая вторая волна государственного капитализма требует обновления теоретической модели экономической политики (А. Алексеев). В связи с этим заслуживает внимания Концепция экономической социодинамики, разработанная Русланом Гринбергом и Александром Рубинштейном. Признанная во многих странах как вклад в развитие экономической теории, Концепция определяет пути и методы антикризисной политики в современном мире. В журнале вполне обоснованно утверждается, что оставаясь в рамках неоклассической традиции, эта Концепция впервые придает научно обоснованную легитимность систематической государственной активности в условиях современной рыночной экономики.

Проблемы постсоциалистических трансформаций (экономических и социально-политических) освещены детально во многих публикациях журнала. Особое внимание при этом уделено формированию новой модели общественного устройства. Смена модели общества в России и странах Центрально-

Восточной Европы породила надежды населения на быстрое торжество демократии, экономический рост и улучшение условий жизни. Однако у сил, возглавивших процесс реформ, не было ясной стратегии постсоциалистической трансформации. Был взят за образец опыт капиталистического развития ведущих держав Запада без понимания того, насколько он применим в специфических условиях исторически более отсталых стран, еще вчера шедших по совершенно иному пути.

Наивно полагать, что современный капитализм, даже в его наиболее развитых и цивилизованных проявлениях, представляет совершенную модель организации общества, заслуживающую безоговорочного подражания. Пороки и изъяны этого строя ставят в повестку дня реформирование буржуазного общества, придание его эволюции социальной направленности, повышение роли моральных и духовных ценностей в жизни общества. Вот почему постсоциалистическая трансформация не может не учитывать этого при определении стратегических ориентиров и в практике проводимых преобразований (О. Богомолов).

Интерес читателей журнала все больше привлекают рассуждения о будущем социального государства. Что в современном измерении может означать кризис социального государства в случае его дальнейшего развития на фоне ослабления собственно института самого государства и все более настойчивого провозглашения индивидуальной ответственности человека за свое будущее? Углубление кризиса социального государства при определенных условиях грозит перерасти в процесс формирования факторов дестабилизации общественной жизни путем разрушения тех организационных начал, благодаря которым достигнут нынешний уровень благосостояния в обществе и стабильности государства (В. Геец).

Трансформационным процессам в постсоциалистических странах уделено большое внимание в журнале. Им посвящены многие статьи отечественных и зарубежных ученых. При этом подчеркивается, что каждая трансформация особенна. Тем не менее есть общие элементы. Сравнение позволит нам лучше понять специфические черты каждой страны. «Транзитология» не только не закончена, необходимый ей всесторонний подход даже еще не начинался. Необходимо, отмечается в журнале, углубленное изучение всей накопленной по этой проблематике информации (Я. Корнай, С. Глинкина).

Рассматривая социальные последствия для стран Восточной Европы, вступивших в Евросоюз, аналитики приходят к выводу, что ЕС не смог и в будущем не сможет добиться выравнивания уровня жизни всех его членов по сравнению с Германией, Францией и Великобританией. Напротив, в результате быстрого расширения население стран Центральной и Западной Европы испытывает большую тревогу в связи с нивелированием уровня жизни во всей Европе за счет его снижения (М. Шмидт-Неке).

Среди социальных проблем в последние годы особенно острыми стали миграционные потоки в Европу, да и в Россию в частности. «Это большой кризис. Что делать с мигрантами, ведь они живут в нищете у себя в стране и надеются, что придя в Евросоюз, смогут поддержать свою семью. Для них это единственный путь. Для Европы это дополнительная нагрузка и проблемы, и нет ответа, что делать с мигрантами» (Э.-Й. фон Штудниц).

Интеграционным процессам и их последствиям в современном мире посвящены многочисленные публикации журнала. Особенное внимание при этом уделяется результатам «восточного расширения» Евросоюза, проблемам и перспективам сотрудничества на постсоветском пространстве, созданию Евразийского союза. Обсуждается и сама возможность реализации евразийской идеи (И. Орлик).

Значительное место в журнале занимают материалы о российских реформах последнего 20-летия, их экономических, политических и социальных последствиях.

Читателей журнала привлекают размышления о геостратегии России в XXI в. Геополитическая катастрофа, постигшая Россию в конце XX в., поставила под вопрос ее статус великой державы и заставила вновь интеллектуально и практически сосредоточиться на осмыслении принципиально новой ситуации глобализирующегося мира, мобилизации ресурсов и использовании своих конкурентных преимуществ. В результате Россия должна выйти на траекторию постиндустриального развития и по праву занять лидирующие позиции (В. Конобеев).

В журнале исследованы факторы и модели модернизации экономик стран СНГ, которые уже длительный период осуществляют рыночную трансформацию. Но этот переход до сих пор не сопровождался широкой структурной и технологической модернизацией экономики. Однако от ее успеха в огромной мере зависят экономический и социальный прогресс стран Содружества, их место в мировом хозяйстве, а также судьба постсоветских интеграционных проектов. Как показывает мировой опыт, далеко не все проекты модернизации национальной экономики оказываются успешными. Чтобы избежать неудач, необходимо, прежде всего, точно оценить реальный модернизационный потенциал страны и возможности, которые создает для его наращивания международное сотрудничество. Но постсоветские интеграционные объединения до последнего времени не были четко ориентированы на модернизацию национальных экономик. Между тем сегодня первостепенное значение приобретает усиление модернизационной составляющей этих объединений, активизация в их рамках инновационного сотрудничества (Л. Вардомский, А. Шурубович).

Большое место в журнале занимают проблемы формирования евразийского полюса экономической силы и его позиционирования в мире. Отмечается,

что в последние годы на постсоветском пространстве оживились интеграционные процессы. Новые импульсы им придали то ли глобальный финансово-экономический кризис, то ли пришедшие за два десятилетия государственная мудрость и политическая воля, а может быть, и то и другое. Во всяком случае, Таможенный союз Белоруссии, Казахстана и России отодвинул таможенные границы этих стран на внешний периметр. Было решено сформировать Единое экономическое пространство. Создан первый наднациональный орган – Евразийская экономическая комиссия. Заявлено о переходе к строительству к 2015 г. Евразийского экономического союза. Все это потребовало концентрации усилий ученых, специалистов, экспертов в целях исследования заявленных возможностей интеграции, ее ограничений и потенциала развития. Одной из таких «точек» концентрации стал Международный дискуссионный «круглый стол», материалы которого опубликованы в «Мире перемен».

Ряд публикаций журнала посвящен актуальным проблемам международных отношений, прежде всего внешней политике РФ, ее итогам за последние два десятилетия. Подчеркивается, что лидеры Российского государства не разработали выверенной и объективно обусловленной программы внешней политики. Некий план действий на краткосрочную перспективу не может заменить необходимого концептуального ответа на вызовы, с которыми столкнулась Россия. Ее планам вхождения в избранный клуб развитых демократических государств не суждено было сбыться. Она не вошла в систему евроатлантической безопасности, не стала участником европейской экономической интеграции (Р. Гринберг, Б. Шмелёв).

Среди многочисленных информационных материалов, публикуемых в журнале, особое место отводится деятельности Института экономики РАН. И это неслучайно, так как он является главным учредителем журнала. Поэтому и основные направления его научной жизни отражены в «Мире перемен». Как отмечает директор Института, член-корреспондент Р. Гринберг, ключевые приоритеты ИЭ РАН – теоретические (фундаментальные) исследования, социальная проблематика в ее расширенном понимании и долгосрочные концепции и программы социально-экономического развития страны с обязательным учетом ее позиционирования в глобальной экономике. Для этих исследований есть соответствующий интеллектуальный ресурс: высокие профессионалы разного возраста, мощный эффект преемственности поколений и исследовательской культуры, постоянное воспроизводство и творческий поиск плодотворных научных идей. Все это, продолжает Р. Гринберг, довольно быстро снискало журналу авторитет в научном и экспертном сообществах, он известен общественным и политическим деятелям, представителям деловых кругов, иных слоев и профессий разных стран мира. По глубине теоретического анализа, обоснованности научных выводов и практических

рекомендаций журнал задает высокие стандарты в своей области, по сути, найдя оптимальный баланс интересов науки, практики и читателя.

Со стороны, конечно, виднее. Но мы гордимся тем, что важное достижение журнала – его содействие оживлению контактов ученых постсоциалистических стран. На его страницах, как ни в одном другом журнале, широко публикуются представители профильных исследовательских центров Центрально-Восточной Европы – Венгрии, Польши, Словакии, Чехии, бывших советских республик – Азербайджана, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана, Украины и др. Международный статус «Мира перемен» подтверждает тот факт, что половина его авторов – не россияне.

Журнал молод и, наверное, допускает оплошности, признает его главный редактор. Будем считать их проявлением и одновременно фактором развития. Главное, у него есть неиссякающая потребность наращивать свои «сильные» приобретения – компетентный авторский актив, объективность в познании многообразных перемен в обществе, государстве, человеке, мире, в котором мы живем и который хотим улучшить.

Реформам 25 лет, журналу – десять, и вопросы по-прежнему накапливаются много быстрее, чем отыскиваются ответы на них. Будущее мы видим в реализации свободы и справедливости как равнозначных и равноценных понятий, причем без какой-либо иерархической подчиненности. Но как этого добиться?

Не прекращаются вопросы в мире перемен...

Конечно, высокий научный уровень публикаций в журнале определяется качеством статей, солидной аргументацией, оригинальными источниками, творческой мыслью, что в первую очередь зависит от авторских текстов. Но сам подбор тем, авторов, структурирование каждого номера журнала, его стиль, язык, это, конечно, заслуга шеф-редактора Аркадия Алексеева и небольшой, но квалифицированной редакторской группы, возглавляемой ответственным секретарем Татьяной Цыгичко.

Итак, журнал «Мир перемен» отмечает первое десятилетие. Он стал подлинной научной летописью мировых трансформаций начала XXI в. и заслуживает благодарных слов многих своих отечественных и зарубежных читателей.

В.П. Викулова

**МОСКОВСКИЙ «ДОМ Н.В. ГОГОЛЯ»:
ОРГАНИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА**

Викулова Вера Павловна – директор «Дома Н.В. Гоголя»,
кандидат педагогических наук, Заслуженный работник культуры РФ.

Сегодня «Дом Н.В. Гоголя» – это Государственное бюджетное учреждение культуры (ГБУК), включающее мемориальный музей и научную библиотеку. Оно находится на Никитском бульваре в доме № 7а – в здании, представляющем собой памятник истории и архитектуры Москвы.

Это старинная усадьба XVIII–XIX вв., где писатель провел последние четыре года жизни (1848–1852). Главное здание архитектурного ансамбля называют «Домом Талызина – Толстого» – по именам его самых известных владельцев: участника Отечественной войны 1812 г., генерал-майора А.И. Талызина и графа, государственного деятеля А.П. Толстого. В конце 1848 г., после возвращения в Россию из долгого заграничного путешествия, Н.В. Гоголь принял предложение своего близкого друга Александра Петровича Толстого остановиться у него в доме на Никитском бульваре, который граф сначала арендовал у наследников генерала Талызина – бывшего владельца городской усадьбы, а затем приобрел на имя своей жены Анны Георгиевны Толстой (урожденной княжны Грузинской).

Дом на Никитском бульваре стал для Н.В. Гоголя поистине родным. Супруги Толстые были людьми очень религиозными и, несмотря на немалое состояние, жили строго, почти по-монашески, что духовно сближало их с Н.В. Гоголем. Толстые гостеприимно приняли писателя, отдав в его распоряжение две комнаты первого этажа. Эти помещения служили ему приемной и кабинетом.

В усадьбе Толстых Н.В. Гоголь встречался со своими знаменитыми современниками. Сюда приходили его московские друзья, в числе которых один из ближайших – А.С. Хомяков, живший неподалеку на Собачьей площадке. Рядом с его бывшим домом находился храм Симеона Столпника, чьим

прихожанином и стал Н.В. Гоголь. Часто навещали Николая Васильевича С.Т. Аксаков с сыновьями – Константином и Иваном, профессора Московского университета О.М. Бодянский, М.А. Максимович, М.П. Погодин, С.П. Шевырѐв, а также фрейлина русского императорского двора А.О. Смирнова, с которой Н.В. Гоголь был дружен еще со времен жизни в Петербурге.

По воспоминаниям людей, посещавших Н.В. Гоголя в доме на Никитском, можно сделать вывод, что в приемной и кабинете писателя находились только те вещи, которые были необходимы для жизни и работы. Вся обстановка этих комнат располагала к размышлениям и молитвам. Именно здесь Гоголь работал над вторым томом «Мёртвых душ», впоследствии уничтоженным.

Из документальных свидетельств о жизни Н.В. Гоголя в доме Толстых также следует, что слева от комнат Н.В. Гоголя на первом этаже была расположена анфилада комнат с большим залом, служившим для приема гостей. В этом зале Н.В. Гоголь в последний раз выступил перед публикой как чтец своих произведений. Здесь 5 ноября 1851 г. им была прочитана комедия «Ревизор» литераторам и актерам Малого театра. Чтение впоследствии было описано очевидцами – Г.П. Данилевским, И.С. Тургеневым и М.С. Щепкиным.

По многочисленным мемуарным высказываниям современников можно заключить, что в доме Толстых Гоголю предоставили полную свободу во всем, за ним ухаживали, и он мог ни о чем не заботиться. Во время предсмертной болезни Николая Васильевича А.П. Толстой стремился сделать все возможное для исцеления писателя, приглашая лучших врачей того времени. Незадолго до кончины Гоголя перенесли в маленькую комнатку для гостей, расположенную сразу за приемной, там он и умер 21 февраля (4 марта) 1852 г.

Масштабные исторические исследования, проведенные сотрудниками «Дома Н.В. Гоголя», помогли воссоздать в бывшей графской усадьбе подлинный интерьер и культурную атмосферу гоголевской эпохи. А неоднократные научные экспедиции на Украину в родные места писателя – село Васильевка и Нежин – в целях сбора биографических данных и поиска документальных свидетельств и меморий значительно расширили наши знания о жизненном и творческом пути писателя.

При этом в процессе исследования была не только восстановлена «гоголевская география», но и завязаны тесные контакты с такими центрами изучения русской литературы, как ИМЛИ РАН, Литературный институт им. А.М. Горького, Пушкинский Дом, Нежинский государственный университет (Украина), Полтавский национальный педагогический университет (Украина), Заповедник-музей Н. Гоголя (с. Гоголево (Васильевка), Украина),

Литературно-мемориальным музей Н.В. Гоголя в Больших Сорочинцах, Университет Ля Сапиенса (Италия) и др.

В результате была сформирована серьезная исследовательская база для музейного проектирования, создания и пополнения мемориальной экспозиции. Однако при ее формировании возникли значительные трудности, обусловленные тем, что свои последние годы писатель прожил не просто скромно, а аскетично, поэтому мемориальный фонд, который может быть положен в основу экспозиции, совсем невелик. В итоге было решено в правой части музейной зоны (прихожая, гостиная, кабинет-спальня) максимально точно следовать историческим реалиям гоголевской эпохи в предметном и в стилевом плане. Особое внимание при этом было уделено органичному сочетанию в старинных интерьерах различных видов искусства – архитектуры, скульптуры, живописи. А в левой части – использовать современные музейные технологии, знакомящие посетителей с творчеством писателя. Примечательно, что в процессе реконструкции пространства усадьбы был изучен опыт других учреждений культуры подобного рода, таких, как городская усадьба купца И.Х. Билибина в Калуге, построенная в начале XIX в. (ныне – Калужский областной художественный музей), и усадьба купца П.М. Золотарёва.

Теперь музейное пространство охватывает все здание со всеми его помещениями, а основная экспозиция размещается на первом этаже особняка. Здесь собраны подлинные исторические предметы и произведения искусства, мебель первой половины XIX в., печатные и рукописные материалы (гравюры, ксерокопии, рисунки, прижизненные издания Н.В. Гоголя, книги из круга его чтения), а также вещи, принадлежавшие писателю. Среди них – игольница слоновой кости, чернильный прибор из имения дальних родственников Гоголей – Трошинских, ножницы для снятия нагара со свечи и дорожный сундук XIX в.

Необходимо подчеркнуть два ключевых момента в устройстве многофункциональных культурно-образовательных пространств с мемориальной составляющей – допустимость и даже необходимость стилизации для создания наиболее точного образа той или иной эпохи, ее «портрета», и интерактивность, которая непосредственно направлена на современного посетителя и учитывает особенности его восприятия культуры XIX столетия уже не только через призму художественных произведений и исторического кинематографа, но и под воздействием распространенного сегодня игрового и клипового мышления. По этой причине немаловажным фактором развития музейного комплекса стало использование современных электронных технологий: теней и силуэтов, созданных компьютерными спецэффектами, призванными подчеркнуть философско-поэтическое преобразование повседневной реальности, создать ощущение двоемрия и проницаемости границ между прошлым, настоящим и будущим. С этой точки зрения примечателен художественный

замысел завершающего зала музейной экспозиции – «Зала воплощений», решенного современными средствами и представляющего собой художественную фантазию, созданную по мотивам произведений и деталей личной биографии Н.В. Гоголя. Ведь в фондах и постоянной экспозиции Дома содержатся не только гоголевские мемории, но и экспонаты-аллюзии, отражающие широкий гоголевский контекст в музыке, живописи и скульптуре.

Одна из важнейших наших задач по комплектованию – это собирание редких изданий Гоголя, иллюстративного материала к произведениям писателя и его иконографии. С этой целью собрана богатая галерея изобразительных материалов, редких и малоизвестных портретов Н.В. Гоголя, а также тематическая коллекция «Гоголиана», куда вошли и современные, и раритетные издания произведений Гоголя и материалов о нем. Пример тематико-композиционного единства «Гоголианы» и воссоздаваемого гоголевского архива убедительно доказывают эффективность библиотечно-музейного синтеза для создания современного культурно-образовательного пространства [1; 2]. Сочетание различных видов работы с посетителями активизирует не только библиотечную составляющую в традиционных формах абонементного обслуживания пользователей, но и различные формы сохранения и популяризации культурного наследия: выставки книжных памятников и вещественных реликвий, лекционные и семинарские занятия, литературно-театрализованные программы, творческие вечера, концерты, различные виды экскурсий, в том числе интерактивных и виртуальных.

При этом серьезной мотивацией в деятельности «Дома Гоголя» служит возрождение в его стенах традиций русской усадебной культуры XIX в., традиций музыкально-театральных гостиных. Так, у наших посетителей большим успехом пользуются литературные чтения «Час откровений», камерные музыкальные вечера, встречи с известными поэтами и писателями. У нас выступают профессиональные артисты, студенты музыкальных и театральных вузов, творческие коллективы. Воссозданию атмосферы литературно-музыкальных салонов XIX столетия способствуют и звучащие в стенах Дома классический рояль фирмы «Ronisch» и фортепьяно. В Доме есть кинолекторий, читаются лекции, организуются экскурсии по истории Москвы.

В настоящее время «Дом Гоголя» представляет собой крупный интеллект-центр и методический культурный комплекс, который постоянно принимает участие в московских, всероссийских и международных проектах и акциях для детей и взрослых: «Семейное путешествие», «Ночь в музее», «Ночь в библиотеке», «Ночь музыки», «Ночь искусств», олимпиада для школьников «Музеи. Парки. Усадьбы».

В методической серии «Дом Н.В. Гоголя – школе» были разработаны интерактивные программы для учащихся разного возраста, позволяющие погрузиться в уникальную культурную среду особняка XVIII–XIX вв. Для этой

цели мы создали костюмерную, приобрели костюмы и театральные реквизиты, выбрали сценарии театрализованных экскурсий (с научной обработкой первоисточников) по темам «Тайна сожженной рукописи», «Рождество в Доме Гоголя»; проводили театрализованное занятие по сценарию «Играем в театр: Загадка “Ревизора”»; литературные игры: «Путешествие в Запорожскую Сечь», «Мёртвые души: Разговор по душам». Большое внимание уделяли интерактивным занятиям: «Урок словесности», «Быт дворянской усадьбы»; лекции: «Гоголь и славянофилы», «Гоголь и семья Толстых», «Гоголь и художник А. Иванов», «Гоголь и актер М. Щепкин», «Первые литературные опыты. “Танц Кюхельгартен”», «“Петербургские повести” Гоголя», «Сатира Гоголя», «Поэтика Гоголя», «Театр Гоголя» и др.

На основе мемориального фонда и сотрудничества музея-библиотеки с профильными организациями ведутся серьезные научные изыскания, координируются гоголеведческие исследования. Начиная с 2001 г. ежегодно в день рождения писателя ученые-гоголеведы со всего мира собираются в бывшей графской усадьбе, чтобы принять участие в Международной научной конференции «Гоголевские чтения». По итогам чтений выпускается специальный сборник, в котором публикуются материалы и статьи, представленные на конференции.

Как в свое время утверждал выдающийся музеевед А.З. Крейн, идея любого музея – это «идея современности», поскольку музеи хранят историю для наших дней и служат связующим звеном времени [5, с. 18]. Эта идея воплощается у нас в стремление создать современную комфортную среду для образования, досуга и общения. Речь в данном случае идет прежде всего о «расширении» границ пространства «Дома Гоголя», когда посетителям предоставляется бесплатно Wi-Fi (доступ в Интернет), причем не только в читальных залах, но на всей территории усадьбы, включая городской сквер. Посетители музея могут воспользоваться аудиогидом, содержащим информацию о достопримечательностях «Дома Гоголя» на русском, английском, немецком и французском языках. Кроме того, наше учреждение культуры имеет собственный сайт в сети Интернет (www.domgogolya.ru), систематически пополняет и модернизирует этот ресурс. Сайт предоставляет посетителям право удаленного доступа к системе электронного каталога библиотеки, полнотекстовой базе данных «Гоголевский архив» (произведения писателя, монографии и статьи о его жизни и творчестве). К числу нововведений, используемых в работе Дома, относятся и видеотрансляции наиболее примечательных мероприятий, и возможность приобретения электронного билета онлайн непосредственно на его сайте.

Нельзя не отметить уникальный фонд нотной библиотеки «Дома Гоголя», состоящий как из традиционных партитур, так и из записей на современных носителях: CD и DVD-дисках. К 200-летию со дня рождения писателя выпу-

щен аудиодиск «Выбранные места из переписки с друзьями» (отрывки из произведения Н.В. Гоголя читает Народный артист России А. Петренко) [4]. Посетители нотного-музыкального отдела библиотеки имеют возможность подобрать с помощью электронного пианино с наушниками вокально-инструментальный репертуар для исполнения и прослушивания. Производится сканирование и оцифровка имеющегося книжного и газетно-журнального фонда для формирования и пополнения медиабibliotheki. Этой же цели служит проект «Электронная Гоголиана», в рамках которого в цифровой формат переведены редкие гоголеведческие исследования («Гоголевские дни в Москве», «Опыт биографии Н.В. Гоголя» с включением до 40 его писем, «Из семейной хроники Гоголей», «Очерки по анализу творчества Н.В. Гоголя», «Альбом выставки в память Н.В. Гоголя», «Альбом Гоголевских типов по рисункам П. Боклевского», «Гоголь в Москве»).

Таким образом, становление культурно-образовательного пространства «Дома Гоголя» базируется на эффективной интеграции различных методов работы: от привычного абонементного обслуживания до активного ведения собственных тематических страниц на наиболее популярных медиаресурсах и в социальных сетях ВКонтакте, Facebook, Twitter, TripAdvisor. Значение такого синтеза особенно актуально в связи со стартовавшим в России «Годом культуры».

Литература

1. Викулова В.П. Методика создания музейных экспозиций и типология публичных библиотек, реализующих мемориальную функцию // Музейная деятельность публичных библиотек: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – СПб., 2010. – С. 5–14.
2. Викулова В.П. Н.В. Гоголь – загадка третьего тысячелетия: Концепция и тематико-экспозиционный план Центральной городской библиотеки – мемориального центра «Дом Гоголя». – М., 2007.
3. Викулова В.П. Н.В. Гоголь – загадка третьего тысячелетия: План экспозиционно-выставочных мероприятий ГУК «Дом Гоголя» к 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя в 2009 г. – М., 2007.
4. Крейн А.З. Жизнь музея. – М., 1979. – 256 с.
5. Крейн А.З. Рождение музея. – М., 1969. – 207 с.

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЭКОНОМИСТЫ О ПРИЧИНАХ ПАДЕНИЯ ТЕМПОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В РОССИИ

1. ADOMANIS M. Russia's economy is rapidly slowing and the Kremlin's options are limited // Forbes International. – S.L., 17.04.2013. – Mode of access: <http://www.forbes.com/sites/markadomanis/2013/04/17/russias-economy-is-rapidly-slowng-and-kremlins-options-are-limited/>

2. Slowing growth reflects structural failings that the Kremlin is not tackling // Economist. – S.L., 22.06.2013. – Mode of access: <http://www.economist.com/news/europe/21579877-slowng-growth-reflects-structural-failings-kremlin-not-tackling-sputtering>

3. WEISS C. Russian economy threatened by recession // World socialist web site. – S.L., 13.06.2013. – Mode of access: <http://www.wsws.org/en/articles/2013/06/13/russ-j13.html>

В реферате представлены точки зрения западных экономистов, анализирующих сегодняшнее состояние российской экономики и пытающихся объяснить причины падения темпов экономического роста в 2012–2013 гг.

Как отмечает С. Уэйсс, в российской экономике появляется все больше признаков надвигающейся рецессии [3]. Был пересмотрен прогноз экономического роста на 2013 г. до 2,4% (самый низкий показатель роста экономики со времени кризисного 2009 г.). Оснований для пересмотра прогноза более чем достаточно. Прежде всего, это понижающаяся динамика экономического роста. В середине 2000-х годов среднегодовой темп роста был равен 7%, в 2012 г. (при начавшемся падении) в целом за год он составил 3,6%, тогда как в первом квартале 2013 г. экономика страны выросла немногим более чем на 1% (в годовом исчислении). Положительное сальдо торгового баланса сократилось на 17% в начале 2013 г. по сравнению с соответствующим периодом 2012 г. Общая сумма прибыли российских компаний и банков только в течение одного месяца – января 2013 г. – сократилась на 21,2%. Как и в прошлом году продолжается отток капитала из российской экономики. Общая сумма изъятия капитала за 2013 г. оценивается в 30–35 млрд долл. [3, с. 1].

Всех исследователей, анализирующих причины ослабления экономического роста в России, можно условно разделить на две группы: тех, кто эти причины видит во внешних факторах, и тех, кто главный акцент делает на факторах внутреннего порядка. К первой группе относятся, в частности, С. Уэйсс [3] и М. Адоманис (M. Adomanis) [1], ко второй –

сотрудники журнала «Economist» [2].

Исследователи первой группы сходятся на том, что главная причина понижающего тренда российской экономики кроется в ее высокой зависимости от экспорта сырьевых товаров. Доходы от экспорта нефти и газа составляют около 50% государственного бюджета. Однако ряд факторов развития глобальной экономики в последние годы сказался как на сокращении спроса на российские энергоресурсы, так и на падении цен. Рecessия в Евросоюзе, который импортирует около 50% российского сырья, и снижение темпов экономического роста Китая – крупнейшего после ЕС торгового партнера России – привели к резкому падению экспорта энергоресурсов. В первом квартале 2013 г. экспорт нефти сократился на 5,2% по сравнению с соответствующим периодом прошлого года. Одновременно средняя цена на нефть упала со 115 долл. за баррель в июле 2012 г. до 100 долл. – в начале июня 2013 г. [3, с. 2].

Помимо глобального экономического кризиса, сокращению российского экспорта способствовали также структурные изменения на международном рынке энергетики. По мнению экспертов, разработка и добыча в США сланцевого газа и нефти подорвет значение российских энергоресурсов в долгосрочном аспекте. С 2009 г. США являются крупнейшим в мире производителем газа. Ожидают, что в течение ближайших нескольких лет эта страна начнет экспортиро-

вать свою нефть и газ. В России, напротив, отмечено падение добычи газа (за первые пять месяцев 2013 г. на 0,5%), и в ближайшем будущем этот тренд усилится.

Падение добычи газа в стране и сокращение мирового спроса на энергоресурсы сказались на положении ведущих российских компаний отрасли, в первую очередь Газпрома. На долю последнего приходится 8% ВВП России и 20% доходов госбюджета. Поставки Газпромом газа в Европу сократились за 2012 г. на 7% и достигли самого низкого уровня за истекшее десятилетие. Прибыль компании упала на 9,5% – теперь она уже не является самой прибыльной в мире. Как считают специалисты, следствием готовящейся реформы сектора энергетики может стать потеря Газпромом его монопольных позиций [3, с. 2].

Экономический кризис 2008–2009 гг. оказал существенное негативное воздействие на российскую экономику. В целом объем промышленного производства сократился в 2009 г. на 19%, но при этом в некоторых регионах данный показатель был равен 50 и даже 80–90%. Только немногие предприятия смогли довольно быстро восстановить докризисный уровень производства. Одна из наиболее пострадавших от кризиса отраслей – автомобильная промышленность. Быстрые темпы роста этой отрасли в докризисный период базировались на правительственных субсидиях, дешевом кредите и растущем спросе со стороны среднего класса. После кри-

зиса правительственные субсидии резко сократились, частные займы подорожали, а финансовое положение крупных сегментов среднего класса ухудшилось. Прогнозы на ближайшее будущее сулят автомобильной промышленности стагнацию или даже упадок производства.

Анализируя динамику промышленного производства России в региональном аспекте, С. Уэйсс отмечает, что в 2012 г. в 15 регионах было отмечено драматичное (измеряемое двузначными цифрами) падение производства, наибольшее – в Ингушетии (27,5%). Ситуация также ухудшилась в высокоразвитых промышленных регионах Сибири и Северо-Запада России. А в таких центрах автоиндустрии, как Калуга и Калининград, выпуск продукции сократился на 20,5 и 16,4% соответственно. В наибольшей степени от падения производства пострадали так называемые моногорода, в которых в настоящее время проживают 35 млн человек. Экономическая ситуация во многих из них столь безнадежна, что правительство рассматривает меры по их массовому расселению. Несколько городов переживают финансовый крах, сопровождающийся закрытием предприятий и увольнением рабочей силы. Начиная с 2009 г., в России реализуется программа правительственных субсидий таким городам [3, с. 3].

Вступление России в ВТО летом 2012 г. явилось, по мнению С. Уэйсса, одним из факторов, способствующих падению промышленного

производства. Техническая отсталость российских компаний (следствие деиндустриализации и экономического коллапса 1990-х годов) – это основная причина низкого уровня их конкурентоспособности на мировых рынках.

Сотрудник журнала «Forbes» М. Адоманис подчеркивает особую важность товарооборота России с Евросоюзом, объем которого в 2011 г. составил 250 млрд долл., тогда как товарооборот с Китаем – примерно 6 млрд долл. [1]. Между тем экономика ЕС переживает наиболее трудные времена: в 2012 г. суммарный ВВП стран этой организации сократился на 0,6%, на 2013 г. также предсказывалась стагнация производства [1, с. 1]. Можно только удивляться тому, что на протяжении семи лет, вплоть до недавнего времени Россия оставалась относительно устойчивой к негативному воздействию со стороны ЕС. В долгосрочном плане, по мнению этого автора, Россия будет вынуждена изменить акцент в товарообороте в пользу азиатских стран, хотя это потребует от нее не только изменений в государственной политике, но и в инвестиционной стратегии в сфере транспортной и энергетической инфраструктур.

Среди других причин теперешней экономической слабости России М. Адоманис указывает на ошибочную, по его мнению, монетарную политику, а именно сохранение высоких процентных ставок как испытанное средство в борьбе с инфляцией. Российские финан-

совые власти традиционно рассматривают инфляцию как политическую проблему и пытаются сохранить некое подобие ценовой стабильности даже за счет уменьшения темпов экономического роста.

Хотя падение темпов роста не является «виной» россиян, сам факт возможной «мягкой» рецессии, считает М. Адоманис, не снимает ответственности с правительства. Среди способов восстановления экономического роста, автор рассматривает возможность использования резервов инвалюты, хотя это решение, как и некоторые другие, не представляется ему простым. Практически он не может рекомендовать достаточно обоснованного способа выхода из тупика. Смягчение монетарной политики подстегнет инфляцию, какие-либо налоговые послабления вступят в противоречие с недавно принятыми бюджетными правилами. Что же касается возобновления роста экономики зоны евро и, как следствие, роста российского экспорта, то это был бы наилучший, хотя и наименее вероятный выход из ситуации, сложившейся в России [1, с. 2].

Журнал «Economist» [2], признавая важность для России фактора рецессии в Евросоюзе, сегодняшние трудности страны (в отличие от кризиса 2009 г.) объясняет в первую очередь внутренними причинами. Проследившая недавнюю экономическую историю России, журнал отмечает, что в 2000-х годах «кочищающий» эффект девальвации рубля в 1998 г.

был двигателем роста спроса на товары отечественного производства внутри страны. Наличие значительных резервных производственных мощностей, оставшихся от советского времени, позволило фирмам увеличивать производство, не делая существенных новых инвестиций. Однако это фактор перестал работать, как только резервные мощности были исчерпаны.

В настоящее время инвестиции остаются на низком уровне, прежде всего в силу высокого уровня инфляции и высокой стоимости рубля, сказывающейся на конкурентоспособности российских товаров. Эти факторы, а также политическая нестабильность и отсутствие надежных прав собственности, заставляют российские фирмы искать зарубежные гавани для своих сбережений (только в мае 2013 г. отток капитала из страны составил 9 млрд долл.) [2, с. 1]. Положение усугубляется плохо развитой финансовой инфраструктурой в России – отсутствием связей между теми хозяйствующими субъектами, которые имеют свободные деньги, и теми, кто нуждается в капитале, например домохозяйства и малый бизнес.

Важная проблема России заключается в излишне большой роли государства в экономике. В 2008–2012 гг. частный сектор страны потерял 300 тыс. рабочих мест, тогда как в государственном секторе число последних возросло на 1,1 млн, составив 18 млн (25% всей рабочей силы страны). Частные фирмы не только теряют свой

бизнес в результате вмешательства государства, но и вынуждены конкурировать с ним за трудовые ресурсы, площадь офисов, транспорт и др. В результате такое положение вещей сказывается на удорожании продукции.

Как считают эксперты журнала «Economist», для возобновления экономического роста Россия нуждается в структурных реформах, направленных на диверсификацию экономики и улучшение делового климата. Такая намечаемая российской администрацией мера, как ослабление рубля, не будет иметь принципиального значения. Более того, эта мера в условиях полной загрузки мощностей может

подстегнуть рост инфляции, уровень которой в настоящее время и без того высок – 7,4%.

Решение Правительства России о проведении в Москве досрочных выборов мэра в 2013 г. свидетельствует о том, что власти не ожидают скорого экономического подъема. В. Путин придерживается правила: «рост доходов населения важнее роста самой экономики». И действительно, отмечает «Economist», невысокий уровень госдолга и значительные резервы инвалюты позволяют профинансировать рост заработных плат. «Это может отсрочить политические затруднения, но мало что даст экономике» [2, с. 1].

Е.Е. Луцкая

Тахара Фумики

ЛИДЕР, АГЕНТ ИЛИ НАБЛЮДАТЕЛЬ? УПРАВЛЕНИЕ И РУКОВОДСТВО В КИТАЙСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНЯХ

TAHARA FUMIKI. Principal, agent or bystander? Governance a. leadership in Chinese a. Russian villages // Europe – Asia studies. – Glasgow, 2013. – Vol. 65, N 1. – P. 75–101.

Тахара Фумики (Токийский университет), занимаясь проблемой самоуправления в сельской местности в условиях постсоциалистических преобразований, провел в 2008–2009 гг. полевые исследования в двух китайских и двух российских деревнях. В центре внимания японского исследователя изменение типа местного руководителя.

В ходе работы были проверены гипотезы, имеющие хождение в западной политологии. Первая гипотеза, что в ходе постсоциалистических преобразований развивается деревенское самоуправление и агента государственной власти в качестве деревенского руководителя сменяет «principal» – самостоятельный местный лидер (СМЛ). Вторая – поскольку такая смена типа руководства происходит в контексте общенациональ-

ных преобразований, в более отошедшей от социализма России она зашла дальше. Тахара корректирует первую гипотезу и опровергает вторую.

Учреждение местного самоуправления было провозглашено целью постсоциалистических преобразований в обеих странах – в законе о деревенских комитетах как базовой единице местного самоуправления 1987 г. в КНР и Федеральном законе об основных принципах местного самоуправления в Российской Федерации 1995 г. Современная реальность тем не менее далека от провозглашенных целей. В деревнях нет ни автономии, ни самостоятельного руководства. Унифицированный тип государственного агента в деревне действительно ушел в прошлое, но на место ему приходит большей частью не СМЛ, а агент местной власти (АМВ) или «наблюдатель (bystander)», управленец, посторонний для деревенского общества.

Изменения в типе деревенского руководства, и это второй вывод автора, «определяются не стадией перехода от планового хозяйства к рыночно-ориентированной экономике, а совокупностью местных условий, включающих административную и избирательную систему, форму налогообложения, демографическую и социальную структуру деревни» [с. 77].

Типу СМЛ более или менее соответствует ситуация, сложившаяся в обследованной автором деревне провинции Шаньдун; и

объясняется это, таким образом, наличием здесь оставшихся от эпохи народных коммун коллективных ресурсов в виде деревенских фабрик¹ и находящейся в общинном владении земли. На отчисления от деятельности фабрик и арендной плате за пользование землей и базируется здесь деревенская автономия. Основная же часть коллективных расходов направляется на поддержание ирригационной системы, от которой зависит благосостояние крестьянских хозяйств, занятых преимущественно в садоводстве (яблоки, виноград).

Иная ситуация в изучавшейся автором деревне провинции Цзяньсу. Здесь тоже сельская экономика зависит от ирригации. Но провинция относится к менее развитым, чем приморская Шаньдун, континентальным регионам. Основная отрасль – рисоводство, которое менее связано с рынком, чем плодоводство. Наибольшую часть доходов крестьянским хозяйствам дают отхожие промыслы и миграция. Уровень жизни в деревне по-

вышается, и это очевидно по интенсивному домостроительству. Однако на общественные нужды крестьяне тратиться не спешат и подвигнуть их, например, на строительство дорог между отдельными поселениями (hamlet) (их 14 в рамках административной деревни²) затруднительно.

Коллективного хозяйства почти не существует; ресурсы, которыми располагает местный руководитель, во-первых, мизерны, во-вторых, зависят всецело от вышестоящих органов власти или от отношений с неформальными структурами³. Такой руководитель обычно становится «bystander-наблюдателем»: его статус не зависит от положения дел в деревне, и он не предпринимает усилий, чтобы мобилизовать жителей и их средства для проведения общественно необходимых мероприятий.

В обследованных автором российских деревнях – на Тамбовщине в большей мере, в Татарстане меньше – главными коллективны-

1. Провинция Шаньдун – один из центров распространения так называемых предприятий поселков и волостей. Эта форма местной промышленности испытала бурный подъем в начале периода «реформ и открытости». Юридически находящиеся в общинной собственности эти предприятия как правило управляются независимыми директорами из бывшей партийной верхушки деревни, которые выступают в роли полновластных хозяев, а порой и приватизируют их. – Прим. реф.

2. В отличие от «естественной деревни», «административная деревня» – это административная единица, соответствующая традиционной русской «волости». – Прим. реф.

3. Ситуация в этих регионах изменилась после того, как центральная власть, столкнувшись с массовыми протестами крестьянства, лишила местное руководство возможности облагать жителей деревни различными поборами на нужды развития и разнообразными штрафами за те или иные нарушения, чаще всего по части ограничения рождаемости. – Прим. реф.

ми нуждами являются «зимние проблемы» [с. 85], включающие обеспечение топливом и уборку снега. О том, насколько серьезна последняя проблема, свидетельствует случай, когда одно из поселений тамбовской деревни на месяц оказалось изолированным от внешнего мира.

Радикальным решением топливной проблемы выступает газификация, однако газ подведен лишь к трем из 17 поселений тамбовской деревни. Впрочем, деревенское руководство, как и вышестоящее начальство, это мало волнует. Большинство таких деревушек обречены, как откровенно было сказано автору, на вымирание. В них живут немногочисленные пенсионеры, а треть жителей деревни (в деревне Татарстана больше 80%) и почти все социальные институты (сельсовет, культурно-бытовой центр, медицинские учреждения, гимназия, отделение банка и пр.) сосредоточены в центральном поселении [с. 85, 87].

Вообще Тамбовщина с ее легендарными черноземами представляется автору наглядным воплощением демографической катастрофы, которая постигла российскую деревню. Примером разительного аграрного недонаселения выступает сравнение с КНР. Уезд Пенлай провинции Шаньдун, в составе которого находится изучавшаяся автором деревня, располагает 110 тыс. га земли, что примерно соответствует площади Знаменского района на Тамбовщине с обследованной им деревней. Однако в первом проживают почти

полмиллиона (450 тыс.) жителей, а во втором насчитывается всего 20 тыс.⁴ населения [с. 79].

Демографические особенности накладывают отпечаток на административную структуру. В КНР система местного управления более сложная: между провинцией и административной деревней, кроме уезда, пребывает так называемый поселок (township); соответственно российская деревня оказывается ближе в экономическом отношении к власти регионального уровня («область», «республика»), чем китайская.

Особенно отчетливо это выражено в обследованной деревне Татарстана, где деревенский руководитель в наибольшей степени приближается к выделенному Тахарой типу АМВ. Здесь почти все проекты социальной сферы, включая газификацию, осуществляются за счет республиканского и даже федерального бюджета. Так, главе района удалось получить из федерального бюджета средства для уличного освещения деревни (8 млн руб.). Также за счет федерального бюджета реконструируется православная церковь (73% жителей деревни – русские) [с. 87–88].

Деревенское руководство проявляет себя значительно менее масштабными мероприятиями, например благоустройством водоснабжения, которое ограничилось сооружением некоего павильона

---

⁴ 18,8 тыс. человек, по данным 2010 г., из них в городе – 8 тыс. – Прим. реф.

над местным источником, что обошлось в 12 тыс. руб., или привлечением городских торговцев для устройства в центральном поселении еженедельного базара [с. 88].

Руководству тамбовской деревни приходится прилагать гораздо большие усилия и опираться нередко на мобилизацию средств земляков. Так, для подведения газопровода к домам местная глава лично обходила сельчан, собирая по 25 тыс. руб.⁵ от двора [с. 86]. Ее усилия были оценены деревенскими жителями, и они на последующих выборах дружно переизбрали ее.

Нынешнее положение местного руководства в российской деревне определяется Законом 2003 г. Корректируя Закон 1995 г. о местном самоуправлении в контексте проводившейся В.В. Путиным «рецентрализации» власти [с. 78], нововведение 2003 г. придало этому положению двусмысленный характер. Наделив местные органы власти юридическими полномочиями и обязанностями перед населением (здравоохранение, образование, водоснабжение и т.д.), Закон 2003 г. не обеспечил их необходимыми фондами. Последние приходится испрашивать у вышестоящих, главным образом региональных, органов власти. Перекачка ресурсов происходит в возрастающей степени по каналам доми-

нирующей партии («Единая Россия»).

Озабоченный привлечением электората, аппарат партии спонсирует поступление средств на те или иные деревенские нужды. Сформировался своеобразный механизм обмена «деньги – голоса», который приобщил деревенское руководство к общегосударственной «политике кормушки (pork barrel politics)». Деревенские руководители становятся «электоральными агентами» партии власти. В Камско-Устьинском районе Татарстана (включающем обследованную деревню) все 20 деревенских руководителей были членами «Единой России». В Знаменском районе Тамбовщины четверо руководителей состояли в «Единой России», остальные ее поддерживали. В обследованной деревне этого района партиячейка состояла из 17 человек, занимавших те или иные должности [с. 95].

Таким образом, если в КНР значение сельской ячейки правящей партии в последнее время уменьшается, то в России, напротив – резко возрастает. Возникает парадокс: демократическая система в образе всеобщих выборов (в КНР они проходят лишь на деревенском уровне) работает на закрепление монопольного положения доминирующей партии в местной жизни, становясь важным звеном «управляемой демократии».

Авторитаризм в современной России имеет глубокие исторические корни и восходит к становлению постреволюционной госу-

---

5. Сумма, эквивалентная цене 5 т угля, которые дворы тратили в среднем на отопление в зимний период [с. 85].

дарственности. Если в КНР этот процесс характеризовался «мобилизацией масс через их участие (participatory mobilisation)», то в Советской России – «мобилизацией по команде (command mobilisation)⁶». Соответственно социалистические преобразования в КНР меньше затронули традиционно общинный строй деревни и даже укрепили ее автономию [с. 97].

Принципиально разнятся формы деколлективизации. В КНР последняя привела к воссозданию семейных хозяйств, в России крестьяне стали своеобразными «издольщиками (shareholders)⁷» крупных хозяйств квазисоциалистического типа. Не стоит в этом винить только руководителей этих хозяйств и сельскую администрацию. Русские крестьяне, отученные от хозяйствования, и сами в своей массе не спешили брать на себя сопутствующие этому риски. А главное без средств механизации с обработкой крупных наделов невозможно было справиться. К тому же крупные хозяйства выполняли в советской деревне важные социальные функции [с. 90–91].

Как бы то ни было, «по контрасту с китайскими деревнями социально-экономические условия российских деревень гораздо меньше позволяют им самостоятельно справиться с общественными потребностями» [с. 94]. И основная проблема в том, что, в отличие от жителей китайских деревень, как правило не расставшихся со своим наделами, российские крестьяне либо так и не получили свои земельные паи, либо уже продали их. Теперь, кроме огородов, источниками крестьянского дохода являются средства госбюджета – пенсия и жалование за выполнение социальных функций⁸.

Кроме максимальной зависимости от государства, современная российская деревня в большей степени зависит от частного капитала. В отличие от деколлективизации по-китайски, носившей эгалитарный характер, особенностью российского пути сделалось формирование «экономической элиты» в образе директоров крупных агрофирм смешанного происхождения. Они находятся в отношениях взаимозависимости с руководителями деревень: последние легализуют приобретение земельных паев, взамен директора помогают техникой, особенно важной для

---

6. Bernstein T.P. *Leadership and modernization in the collectivization of agriculture in China and Russia: A comparison* – Ann Arbor: Univ. microfilm intern., 1971.

7. Allino-Pasano J. *The post-Soviet Potemkin village: Politics a. property rights in the Black Earth*. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2008.

---

8. В российской деревне, в отличие от китайской, оказывается немало чиновничьих должностей, а также людей, находящихся на государственном жалованьи. По расчетам автора, последние могут составлять 20–40% рабочей силы [с. 91].

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

поддержания в надлежащем состоянии местных дорог, оказывают шефские услуги деревенским школам и учреждениям культуры и т.п.⁹.

В китайской деревне тоже происходит формирование «экономической элиты», однако этот процесс еще не достиг классовой консолидации.

А.В. Гордон

---

9. Директор такой агрофирмы в Татарстане говорил автору, что на подобную «шефскую» помощь местным жителям у него уходит более полумиллиона руб., или 0,5% всех расходов [с. 91].

Фабр Г., Грюмбаш С.

**«НАСТОЯЩИЙ БОЛЬШОЙ СКАЧОК»
В КИТАЕ: ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ
НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ИННОВАЦИЙ**

**FABRE G., GRUMBACH S. Le «vrai
Grand Bond en avant»: La politique
de recherche et d'innovation en
Chine // Débat. – P., 2013. –
N 173. – P. 88–104.**

Французские специалисты Национального института исследований в области информатики и автоматизации (Institut national de recherche en informatique et en automatique, INRIA) анализируют состояние и роль системы НИОКР и инноваций в современном Китае.

В 2010 г. Китай стал крупнейшей мировой промышленной державой (20% мирового промышленного производства), опередив США и положив конец их длительному лидерству по объему производства промышленной продукции [с. 88]. Этот успех базировался на расширении инвестиций и экспорта, но основным фактором роста явились изобилие рабочей силы и ее низкая стоимость. Вместе с тем еще в 2004–2007 гг. наблюдался дефицит рабочей силы в зонах наибольшей концентрации прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и экспорта, а в 2000-е годы

значительно выросла реальная зарплата. Если данная тенденция сохранится, то, по мнению китайских экономистов, это приведет к потере конкурентоспособности страны. По оценке Всемирного банка, к 2030 г. Китай превратится в страну с высокими доходами. В 2000-е годы и особенно после кризиса 2008 г. значительно выросла стоимость земли. Земельное имущество использовалось для финансирования на местном уровне плана оживления экономики, что при отсутствии налога на землю привело к появлению пузыря на рынке недвижимости. Кроме того, существенно выросла стоимость энергии [с. 89]. Эти факторы, особенно в сочетании с замедлением роста спроса в Европе и США, а также переоценкой юаня по отношению к доллару, могут привести к потерям в конкурентоспособности. Китайская модель роста, по мнению авторов, изживает себя. В этих условиях Китай ориентируется на развитие НИОКР и инноваций в качестве инструментов обеспечения экономического роста.

Особенности научно-технологического прогресса в Китае в значительной мере определяются его историей. В XIX в. технологическое превосходство позволило западным странам превратить Китай в полуколониальное государство. Догоняющее технологическое развитие стало для Китая, который, как и Япония, стремился адаптироваться к современному обществу, жизненно важным. Основой

модернизации начала XX в. была китайская культура, а ее инструментами наука и западные технологии. В первой половине XX в. в стране были созданы университеты, а в 1928 г. – первый национальный исследовательский институт – Академия Синика (Academia Sinica).

После установления нового политического режима в 1949 г. сфера научных исследований была реорганизована по советскому образцу (Академия наук, университеты и технические институты при различных министерствах, в частности при Министерстве обороны). СССР направил в Китай 10 тыс. научных и технических специалистов и обеспечил подготовку 40 тыс. китайских студентов в своих университетах. В этот период поддержка СССР играла ключевую роль, особенно в военных секторах. Однако в годы «большого скачка» (1958–1960) и культурной революции (1966–1976) развитие НИОКР продолжалось лишь в военной сфере, что привело к технологической отсталости Китая в начале 1980-х годов.

Догоняющее развитие становится одним из приоритетов Дэн Сяопина, вернувшегося во власть в 1978 г. Он организовал вторую национальную научно-технологическую конференцию (первая прошла в 1956 г.), были вновь открыты университеты и научно-исследовательские центры, сотни тысяч студентов направлены на учебу за границу. Такая политика была чрезвычайно дорогостоящей в краткосрочном плане, лишив Ки-

тай лучших студентов и не дав видимых результатов, но принесла свои плоды в долгосрочном плане. В 1978 г. были подписаны соглашения о научно-технологическом сотрудничестве с большинством промышленно развитых стран, сопровождавшиеся установлением прямых связей между китайскими и зарубежными, а также международными научными институтами. В середине 1980-х годов были приняты многочисленные научно-исследовательские программы, основой которых стали различные зарубежные исследования, адаптированные к местным условиям.

В 1995 г. состоялась третья национальная научно-технологическая конференция, на которой были поставлены задачи переориентации исследовательских институтов и повышения качества исследований. Тогда же была проведена реформа Академии наук, предусматривавшая ликвидацию ряда институтов и создание новых, в частности ориентированных на развитие наук о жизни. Один из стратегических аспектов этой реформы состоит в реализации специальной программы «возвращения мозгов», которая адресована научным работникам, которые уехали в основном в США и которые трудятся в качестве приглашенных специалистов в зарубежных научных учреждениях.

Наука и технология были основными элементами программы «четыре модернизации», провозглашенной Дэн Сяопином в 1978–1979 гг. Однако «действительный большой скачок» начался в новом

тысячелетии. В 2000–2008 гг. доля молодежи, обучающейся в высшей школе, увеличилась с 11 до 35%; численность китайцев, получающих дипломы инженеров, достигла 700 тыс. человек в год против 80 тыс. – в США. Доля экономически активного китайского населения, имеющего университетские дипломы, сегодня сравнима с аналогичным показателем для стран зоны евро (26%). Из 140 млн студентов в мире – 25 млн приходится на китайских студентов [с. 92].

В 2000–2010 гг. доля расходов на НИОКР в ВВП Китая увеличилась с 0,8 до 1,75%, а численность занятых в этой сфере – с 1 млн до 2,8 млн человек. В конце 2000-х годов доля Китая в мировых расходах на НИОКР (по паритету покупательной способности) была эквивалентна аналогичному показателю Японии (12,3%). Доля США составляла 34,4%, Европы – 23,3% [с. 92].

Качество китайской образовательной системы значительно повысилось с созданием Лиги С9 (Ligue C9) – клуба, объединяющего лучшие университеты, и с принятием политики интернационализации обучения. В 1999–2011 гг. общее количество китайских студентов и научных работников в зарубежных университетах или исследовательских институтах (340 тыс.) увеличилось в 15 раз. В конце 2010 г. количество китайских студентов, обучающихся за границей, достигло 1,27 млн человек, что является мировым рекордом. Кроме того, более 700 тыс. высококвалифицированных работ-

ников, проживающих в странах ОЭСР, родились в Китае [с. 92].

Этот «настоящий большой скачок» в отличие от катастрофического «большого скачка» 1958–1960 гг. является результатом осознания китайскими руководителями влияния технологических инноваций на конкурентоспособность и экономический рост в долгосрочной перспективе. Внимание властей к НТП в определенной степени определялось составом китайского руководства до его обновления в конце 2012 г. Поскольку восемь из девяти членов постоянного комитета Политбюро ЦК КПК имели инженерное образование, они рассматривали инновации и конкурентоспособность как две стороны одной медали.

В 2006 г. был принят «Национальный план развития науки и технологии на средне- и долгосрочную перспективу, 2006–2020» (далее – План 2020), который предусматривает экономический рост на уровне 60% за десять лет за счет технологического прогресса. Кардинальное отличие Плана 2020 от предшествующих решений, касающихся научно-технологической сферы, состоит в ориентации на значительное сокращение зависимости страны от зарубежных технологий за счет развития эндогенных инноваций, т.е. за счет технологического развития по модели «импорт–ассимиляция–повторные инновации». Политика инноваций по-китайски, т.е. эндогенных инноваций, становится решающим элементом «второй

фазы реформ и открытия экономики» [с. 93].

План 2020 предполагает увеличить долю НИОКР в ВВП до 2,5%, что в 3 раза превышает уровень 2010 г.; обеспечить 60%-ный экономический рост за счет развития науки и технологий; снизить зависимость от зарубежных технологий, по крайней мере на 30%; выйти на пятое место в мире по количеству патентов и цитированию научных публикаций [с. 94].

Для достижения этих целей необходимо развивать технологии в ряде ключевых секторов (энергетика, защита окружающей среды, информационные и коммуникационные технологии, нанотехнологии, сельское хозяйство, биотехнологии, космонавтика и т.д.). В ключевых секторах в 2006–2010 гг. уже было осуществлено 16 крупных проектов, а в двенадцатом пятилетнем плане (2011–2015) акцент делается на науках о жизни, исследованиях в области инфекционных заболеваний и фармацевтических инновациях. Наряду с научными программами, служащими для предприятий ориентирами в плане приоритетов в наукоемких секторах (ИКТ, новые материалы, новые виды энергии и т.д.), государство стимулирует создание промышленных парков и экономико-технологических инкубаторов, которые способствуют развитию партнерства между научно-исследовательскими центрами и предприятиями, а также коммерциализации и интернационализации НИОКР.

Очень симптоматична в этом плане активность Китая в области интеллектуальной собственности (ИС). По данным Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), количество китайских заявок на международные патенты в 2006–2011 гг. выросло в 3 раза, составив 9% всех заявок. В основном они касаются телекоммуникаций, информатики, химии, биотехнологий и лекарственных препаратов. В 2010 г. на Китай и США приходилось 4/5 роста заявок на патенты [с. 93]. За 2003–2008 гг. Китай опередил Японию по количеству научных публикаций.

В реализации Плана 2020 большая роль отводится государственным корпорациям, которые являются основой промышленной системы, управляемой сверху, и которые призваны играть роль движущей силы политики эндогенных инноваций, опираясь на государственные программы, налоговые льготы или финансовую помощь. На государственные научно-исследовательские институты, осуществляющие фундаментальные и прикладные исследования, приходится 20% расходов на НИОКР и 18% расходов на персонал, на университеты с преобладанием прикладных исследований – 10% расходов на НИОКР и 16% расходов на персонал, тогда как на основные государственные предприятия или холдинги – 71% таких расходов. Государственные предприятия являются основными проводниками стратегии инвестирования за границы. Они играют

доминирующую роль в наукоемких секторах благодаря олигополистической структуре рынка; на них приходится большая часть биржевой капитализации (83% в 2007 г.) [с. 95–96].

Крупные государственные инвестиции уже позволили Китаю добиться серьезного прогресса в НИОКР в различных областях (геномика, нанотехнологии, экологически чистая энергетика и т.д.), хотя следует учитывать такие способствовавшие успеху факторы, как размер потребительского рынка, масштабы инвестиций и государственных заказов, конкурентоспособность рынка рабочей силы. Кроме того, развитию инноваций и НИОКР способствовала передача Китаю западных технологий в обмен на доступ на внутренний рынок. Некоторые западные эксперты выступают против передачи технологий, поскольку они служат источниками потенциального роста для стран ОЭСР. Они не одобряют идею разделения НИОКР и производства, преобладавшую последние 25 лет, подчеркивая, что инновационный процесс нуждается в «возвратно-поступательном движении». Этот тезис подтверждается практикой: в большинстве случаев после вывода производственных мощностей в другую страну, НИОКР обычно перемещаются в том же направлении.

Особое положение в области НИОКР занимают транснациональные компании (ТНК). На их долю приходится почти половина общих расходов на НИОКР и, по

меньшей мере, 2/3 расходов на НИОКР предприятий. Китай, где в 2005 г. уже насчитывалось 700 зарубежных центров НИОКР, упоминался большинством мировых ТНК как основное направление размещения будущих НИОКР. Интерес ТНК к Китаю обусловлен потребностью адаптировать продукты и производственные процессы к огромному местному рынку, а также стремлением сократить издержки на НИОКР и получить возможность привлекать на работу талантливых китайских специалистов. В 2004–2010 гг. ПИИ, связанные с НИОКР, выросли с 4 млрд до 12,8 млрд долл. В целом в 2000-е годы рост инвестиций в НИОКР в Китае составлял в среднем 20% в год против 3,2% в странах «восьмерки» (G8) [с. 93].

Центры НИОКР, как правило являющиеся 100%-ными филиалами зарубежных компаний, специализируются на проблемах адаптации к китайскому рынку в основном в электронной промышленности, информационных и коммуникационных технологиях (ИКТ), хотя в некоторых случаях они нацелены на развитие глобальных проектов. Крупнейшие ТНК используют тысячи научных специалистов в своих центрах НИОКР в Шанхае и Пекине и заключают партнерские соглашения с крупными университетами. По мнению авторов, в текущем десятилетии эта тенденция может усилиться. Зарплата в сфере НИОКР Китая, составлявшая в 2011 г. 40% от средней по промышленно раз-

витым странам, в текущем десятилетии продолжит расти [с. 94].

Для большинства иностранных предприятий перемещение производства в Китай является единственным способом доступа на местный рынок. В 2007 г. иностранные компании производили 25% товаров, предназначенных для китайского рынка. В то же время Китай создает стимулы иностранным предприятиям и особенно ТНК для перевода в Китай высокотехнологичных производств, а также центров НИОКР, чтобы усилить инновационный потенциал китайских предприятий [с. 97]. В условиях курса на эндогенные инновации перед большинством иностранных предприятий встает вопрос не столько о контроле над хищениями ИС в форме контрафактной продукции, сколько об организации передачи технологий при сохранении за собой прав на ноу-хау. При этом некоторые исследования показывают, что чем выше технологичность китайского экспорта, тем выше добавленная стоимость его импортируемых компонентов (в электронной аппаратуре – 85,2%, телекоммуникационном оборудовании – 91,6, компьютерах – 91,1%). Отсюда часто делается вывод, что Китай остается «сборщиком», «экономикой верстака».

Авторы не разделяют эту точку зрения. Учитывая порог участия в капитале для иностранных предприятий, который определяется законодательством в 10%, часть иностранных предприятий контролируется китайскими государст-

венными предприятиями, поэтому Китай можно считать основным центром производства высокотехнологичной продукции в азиатском регионе. Стоит напомнить, что крупнейшие мировые компании, такие как корейские «Samsung» или «LG», начинали как простые подрядчики крупных американских предприятий.

Опираясь на ряд конкретных примеров сотрудничества с зарубежными компаниями (строительство высокоскоростных железных дорог, разработка среднемагистрального самолета – проект C919 и др.), авторы приходят к выводу, что они наглядно иллюстрируют способность Китая использовать конкуренцию между ТНК, сокращая их долю в государственных заказах с помощью отечественных инноваций или тендеров, на которых предпочтение отдается государственным предприятиям.

Китайская политика догоняющего развития в области НИОКР и инноваций часто сравнивается с политикой Японии и «азиатских драконов». Однако при таком подходе недооценивается масштаб страны, который влияет не только на ее научно-технологическое развитие, но и на производственные мощности, а также размер внутреннего рынка и рост присутствия китайских предприятий в странах с формирующейся рыночной экономикой. Если учитывать и такой дополнительный фактор, как национальный суверенитет, который играет ключевую роль в оборонной отрасли и секторах, чувствительных к информационным тех-

нологиям, становится ясно, что стратегия НИОКР и инноваций в Китае постепенно меняет границы и общую картину развития науки и технологий.

Хотя желание Китая снизить технологическую зависимость от стран Запада совершенно законно, многие ТНК рассматривают политику эндогенных инноваций как «план хищения технологий неслыханных масштабов на мировом уровне». Некоторые аналитики пессимистично оценивают последствия такого нового «технонационализма», ассоциирующегося с сокращением доступа на китайский внутренний рынок. Вертикальная модель НИОКР и инноваций подвергалась серьезной критике со стороны известных китайских ученых, поскольку в этой схеме политические соображения превалируют над научными. Пределы нового «технонационализма» иллюстрирует замедление программы строительства высокоскоростных железных дорог после трагического инцидента 2011 г.

Тем не менее, считают авторы, было бы ошибкой сосредоточиться на эндогенных инновациях

без учета всей картины развития сферы НИОКР, гораздо более открытой, чем представляется на первый взгляд. Эта политика не сводится к игре между правительством, побуждающим ТНК к передаче технологий, и стремлением иностранных предприятий сохранить права на свои ноу-хау. В ряде секторов (химия, ИКТ, нанотехнологии и др.) отношения представляются более открытыми, и постоянное присутствие иностранных ученых может создать условия для формирования модели отношений, близкой к уже существующей с другими странами Восточной Азии. С помощью политики отечественных инноваций и привлечения из-за рубежа высококвалифицированных профессионалов китайские руководители рассматривают осуществление перехода от модели «Сделано в Китае» к модели «Разработано в Китае» (Created by China). Результат зависит от прагматизма китайского руководства и способности зарубежных компаний адаптироваться к Китаю и конструктивно взаимодействовать с новым партнером [с. 104].

И.Ю. Жилина

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ
ТЕКУЩЕГО НОМЕРА
SUMMARIES

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА
Summaries

**Э.Н. Соболев. Социальное партнерство в России: Эффективность
и перспективы**
E.N. Sobolev. Social Partnership in Russia: Efficiency and Prospects

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., социальная политика, социальное партнерство, профсоюзы, трудовые конфликты.

Keywords: Russia, early 21st century, social policy, social partnership, trade unions, labor conflicts.

Новая ситуация в социально-трудовой сфере после развала советской системы хозяйствования требовала создания адекватных методов регулирования трудовых отношений. В качестве концептуальной основы для регулирования была положена идеология и практика социального партнерства. Однако российские профсоюзы так и не превратились в реально независимые структуры западного типа, которые на равных ведут торг с предпринимателями и государством об улучшении условий занятости.

A new situation in the social sphere after the collapse of the Soviet economy demanded the introduction of adequate methods to regulate labor relations. The ideology and practice of social partnership was suggested as a conceptual basis for this regulation. However, the Russian trade unions never became really independent western type structures which deal as equal partners with the entrepreneurs and the state on the terms of labor engagement.

М.В. Глигич-Золотарева. Аудит эффективности как фактор государственного управления

M.V. Gligich-Zolotareva. Audit of Efficiency as a Factor of State Government

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., государственное управление, качество государственного управления, методики и показатели оценки управления.

Keywords: Russia, early 21st century, state government, public governance quality, methods and indices of governance appraisal.

Повышение эффективности государственного управления – одна из первоочередных государственных задач. Работа по аудиту эффективности государственного управления в России только начинается. Вопросы оценки деятельности министерств и ведомств затрагивались на совещании Президента РФ 7 июня 2013 г., в ходе которого правительство представило планы работы по реализации так называемых «майских» указов президента.

Raising the efficiency of state governance is one of the most urgent public tasks. The audit of state governance efficiency has just started in Russia. The problems of appraising the quality of ministries and public institutions were considered at the Presidential meeting of June 7, 2013 where the Government presented its work plans aimed at the implementation of the so called «May Decrees» announced by President.

Д.В. Ефременко. Российская внешняя политика и экспертно-аналитические организации

D.V. Yefremenko. Russian Foreign Policy and Expert Analysis Institutions

Ключевые слова: экспертно-аналитические центры, экспертные сообщества, группы интересов, идеология, внешняя политика России.

Keywords: think tanks, expert communities, interest groups, ideology, Russia's foreign policy.

Анализируется роль экспертных сообществ в публичных дебатах по проблемам российской внешней политики и международной безопасности. Внимание фокусируется на взаимоотношениях между мозговыми центрами,

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА

политическими институтами, группами интересов и гражданским обществом. Рассматриваются идеологические и коммуникативные аспекты деятельности экспертных организаций.

The author analyzes the role of expert communities in the public debates on Russian foreign policy and international security issues. He focuses on the ties between prominent think tanks, political institutions, interest groups and civil society. Ideological and communicative aspects of the Russian think tanks activities are also considered.

Т.В. Черноморова. Неравенство в доходах в эпоху глобализации T.V. Chernomorova. Income Inequality in the Globalization Epoch

Ключевые слова: глобализация, социальное неравенство, доходы населения, заработная плата, методы определения доходов.

Keywords: globalization, social inequality, population incomes, wages and salaries, income definition methods.

Имущественное неравенство и неравенство в доходах особенно отчетливо проявилось в эпоху глобализации, несмотря на стремительные общемировые темпы роста благосостояния. Сегодня среднедушевой доход в 19 наиболее богатых странах мира в 37 раз превышает соответствующий показатель в 19 беднейших странах, причем за последние 40 лет этот разрыв в доходах удвоился. Неравенство существует повсеместно, в различных экономических и социальных пластах – от геополитических регионов и стран до внутренних областей и городских районов.

Inequality in property and income has become especially evident in the globalization epoch despite the dashing growth of world welfare. Today the average income in the nineteen richest countries is 37 times higher than that in the nineteenth poorest countries, and in the last 40 years the income gap doubled. Inequality is a world-wide phenomenon, it exists in all economic and social strata, from geopolitical regions to intra-national territories and municipal districts.

А.В. Кива. Арабский узел: Кто выиграл, кто проиграл от «арабской весны»

A.V. Kiva. The Arab Knot: Who Won, Who Lost in the «Arab Spring»

Ключевые слова: арабские страны, Тунис, Ливия, Египет, Сирия, «арабская весна», авторитарные режимы, уличные революции.

Keywords: Arab countries, Tunisia, Libya, Egypt, Syria, «Arab Spring», authoritarian regimes, street revolutions.

Хотя еще рано подводить итоги о влиянии «арабской весны» на арабские страны и мир в целом, некоторые выводы все же сделать можно. Во-первых, была развенчана практика правителей находиться у власти пожизненно и даже передавать ее по наследству в странах, считающихся республиками. Во-вторых, разрушен складывавшийся веками стереотип неизбежного подчинения «низов» «верхам». Отличительной же чертой «арабской весны» явилось то, что падение автократических режимов происходило не как армейский переворот, а в результате «революций снизу».

Although it is early to summarize the influence of the «Arab Spring» on the Arab countries and the world, some conclusions can be drawn. First, it put an end to the practice of rulers to hold power till the end of their lives and even make it hereditary. Second, it destroyed the centuries long stereotype of inevitable subordination of the low to the high. The distinctive feature of the «Arab Spring» was that the downfall of the autocratic regimes occurred as a result of not army plots but street revolutions.

А.В. Михалев. «Мягкая сила» современной Монголии и приграничные регионы России

A.V. Mikhalev. «Soft Power» of Today's Mongolia and the Border Regions of Russia

Ключевые слова: «мягкая сила», Монголия, Россия, буддизм, кочевая цивилизация.

Keywords: «soft power», Mongolia, Russia, Buddhism, nomadic civilization.

Проблема монгольского присутствия в регионе Внутренней Азии может быть проанализирована посредством концепта «мягкой силы». Центральные

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА

вопросы, которыми задается автор этой статьи: «Что лежит в основе мягкого влияния Монголии?» и «Как оно проявляется?»

The problem of Mongolian political presence in the region of Inner Asia can quite adequately be analyzed with the help of the «soft power» concept. The key questions that are put in this paper are: «What underlies the soft power of Mongolia?» and «How does this soft power reflect itself?»

Л.Б. Вардомский, А.Г. Пылин. Структурно-экономические изменения в странах СНГ в 1991–2012 гг.: Тенденции и перспективы

L.B. Vardomsky, A.G. Pylin. Structural Changes in the CIS National Economies in 1991–2012: Trends and Prospects

Ключевые слова: СНГ, евразийская интеграция, ЕЭП, экономический рост, уровни экономического развития, динамика ВВП.

Keywords: CIS, Eurasian integration, Common Economic Space, economic growth, economic growth levels, GNP dynamics.

В проектах евразийской интеграции необходимо учитывать возросшие социально-экономические различия на постсоветском пространстве и сократившуюся комплементарность национальных экономик. Новые интеграционные проекты – ЕЭП и зона свободной торговли в рамках СНГ – должны быть нацелены на диверсификацию экономик стран-участниц, для которой необходимы немалые финансовые ресурсы, новые технологии, квалифицированные кадры, эффективные институты и свежие подходы к развитию национального хозяйства.

The Eurasian integrative projects have to take into account growing social and economic differences in the post-soviet space and reduced mutual complementarity of the national economies. The new integration projects – Common Economic Space and free trade zone within the CIS – must be aimed at the diversification of national economies demanding sizeable financial resources, new technologies, skilled personnel, efficient institutions and fresh approaches to national economic growth.

И.Я. Левяш. Идея «интеграции интеграций» и перспективы Украины

I.Ya. Levyash. The «Integration of Integrations» Idea and Prospects for Ukraine

Ключевые слова: Украина, Россия, ЕС, ЕЭП, Таможенный союз, интеграция, интеграция интеграций.

Keywords: Ukraine, Russia, EU, Common Economic Space, Customs Union, integration, integration of integrations.

Формирование Евразийского союза обуславливает высокую вероятность практической реализации панъевропейской «интеграции интеграций» – модели мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом.

The formation of the Eurasian Union determines the high probability of practically putting into effect a Pan-European «integration of integrations» – a model of mighty supranational amalgamation capable of becoming one of the poles in the today's world while playing the role of an efficient link between Europe and the dynamic Asian Pacific region.

А.В. Докучаева, В.П. Михайлов, Л.В. Федорченко. Российская культура – связующий фактор на постсоветском пространстве

A.V. Dokuchaeva, V.P. Mikhaylov, L.V. Fedorchenko. Russian Culture as a Linking Factor in the Post-Soviet Space

Ключевые слова: Россия, постсоветское пространство, СНГ, российская культура, русский язык.

Keywords: Russia, post-Soviet space, CIS, Russian culture, Russian language.

Российская культура остается мостом, соединяющим народы бывшего СССР. Опоры этого моста – русский язык, российское образование, российское информационное присутствие на постсоветском пространстве. Укрепление их позиций за рубежом – залог успеха интеграционных проектов.

Russian culture remains the bridge connecting the peoples of the former USSR. The piers of this bridge are the Russian language, Russian education,

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА

Russian informational presence in the post-Soviet space. The strengthening of their positions abroad is a guarantee of the success of the integration projects.

В.А. Ковалёв. Наше непредсказуемое прошлое: Попасть в альтернативу

V.A. Kovalev. Our Unpredictable Past: To Get in the Alternative

Ключевые слова: утопия, дистопия, фантастика, альтернативная история, история России, империя, война, постсоветская политика.

Keywords: utopia, dystopia, science fiction, alternative history, history of Russia, Empire, war, post-Soviet politics.

Автор рассматривает утопии и антиутопии для современных российских «попаданцев в альтернативной истории» на примере современных фантастических произведений. Главная идея этих произведений сводится к необходимости понять, почему все произошло так, что люди в бессилии видят выход в бегстве в прошлое.

The author considers the utopia and anti-utopia in modern fiction literature through the adventures of contemporary Russians getting in the «alternative histories» of the past. The main idea of these histories expresses the necessity to understand why it so happened that people are forced to look for refuge in the past.

В.В. Пациорковский. Человек и инновационно-технологическое развитие: От территориальной к пространственной организации общества

V.V. Patsiorkovsky. Man and Innovative Technological Development: From Territorial to Spatial Social Organization

Ключевые слова: размещение населения, организация расселения, инновационное развитие, технологический прогресс, пространственный принцип.

Keywords: dislocation of populace, dislocation organization, innovative development, technological progress, spatial principle.

Модель «центр–периферия» привела к глубоким деформациям в формировании систем расселения и размещении населения. Набирающее силу инновационно-технологическое развитие требует новых, пространственных,

горизонтальных, а не вертикальных форм размещения населения и организации жизни общества.

The «center–periphery» model led to deep deformations in the systems of populace dislocation. The widening innovative technological development needs new, spatial, horizontal, not vertical forms of populace dislocation and organization of societal life.

Е.В. Реутов, М.Н. Реутова. Социальное доверие в российском обществе: Тенденции и противоречия

Ye.V. Reutov, M.N. Reutova. Social Trust in the Russian Society: Tendencies and Contradictions

Ключевые слова: социальное доверие, межличностное доверие, институциональное доверие, факторы доверия, социальные практики.

Keywords: social trust, interpersonal trust, institutional trust, factors of trust, social practices.

Массовый и экспертный опросы выявили, что нормативная ценность доверия для граждан существенно выше, чем их соответствующие установки на дескриптивном уровне отношений. Межличностное доверие, проявляющееся преимущественно в социальных сетях, не трансформируется в институциональное доверие и массовые гражданские ассоциации.

Public and expert surveys show that the normative value of trust for citizens is substantially higher than their appropriate attitudes on the descriptive level of relations. Interpersonal trust manifested mainly in social networks is not transformed into institutional trust and civil mass associations.

Перечитывая Струве. Империя и современное государство (заочный «круглый стол»)

Revisiting Struve. The Empire and the Modern State (extra mural round table)

Ключевые слова: империя, монархия, республика, современное государство, конституционализм.

Keywords: empire, monarchy, republic, modern state, constitutionalism.

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА

В формате «круглого стола» проведено обсуждение статьи П.Б. Струве «Никита Муравьев и Павел Пестель. “Российская” (имперская) и “русская” (национально-централистская) идеи в политических проектах декабристов». Известные российские политологи высказывают дискуссионные точки зрения на проблемы, поднятые Струве, в современном политическом контексте.

A «round table» was devoted to the discussion on P.B. Struve's essay «Nikita Muravyov and Pavel Pestel. “Russian” (Imperial) and “Russian” (National Centralist) Ideas in the Political Projects of the Decembrists». Well-known Russian political science specialists speak on the problems raised in Struve's work.

Л.П. Муромцева. Историко-культурные традиции в жизни российской эмиграции

L.P. Muromtseva. Historical and Cultural Traditions in the Life of Russian Emigrants

Ключевые слова: российская эмиграция в XX в., российская диаспора, культурное наследие, российская культура за рубежом.

Keywords: Russian emigration in the 20th century, Russian diaspora, cultural heritage, Russian culture abroad.

На протяжении всего XX столетия практически во всех центрах российского зарубежья проводились общественные мероприятия, воспроизводящие элементы культурной жизни дореволюционного общества. Такие массовые акции, как День русской культуры, университетские празднования, пушкинские юбилеи, церковные праздники, в течение десятилетий объединяли различные поколения и общественные страты зарубежной России.

In the course of the 20th Century practically all centers of the Russian diaspora abroad have held public performances reproducing the elements of cultural life typical of the pre-revolutionary Russian society. Such mass actions as Day of Russian Culture, university anniversaries, Pushkin jubilees, religious holidays united various generations and social strata of Russians abroad.

К сведению авторов

Требования к рукописям, поступающим в журнал «Россия и современный мир»

Рукописи принимаются в виде компьютерной распечатки (междустрочный электронный интервал 1,5, соответствующий машинописному интервалу 2; кегль 14; гарнитура Times New Roman); к распечатке прилагается дискета, текст на которой должен иметь те же параметры. Допустимо предоставление вместо дискеты флэшки для переноса файла в компьютер редакции (флэшка возвращается автору).

Объем публикуемых рукописей не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. электронных знаков с пробелами) и может зависеть от рубрики и жанра рукописи (статья, сообщение, заметка и т.д.). В отдельных случаях возможно согласование объема с редакцией.

В «шапке» рукописи сначала ставятся инициалы и фамилия автора; с новой строки – заголовок. Обязательно предоставление сведений об авторе на первой странице рукописи после заголовка. Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты даются на первой странице в подстрочнике.

Исследовательские статьи, основанные на использовании более трех источников, сопровождаются алфавитными и пронумерованными списками литературы, в которых каждый источник, независимо от количества ссылок на него в тексте, имеет один номер; ссылки на него даются в тексте в скобках, где фигурирует этот номер и, через запятую, та страница(ы), к которой отсылается читатель; если в одном месте в тексте необходима отсылка к нескольким источникам, их номера указываются в одних скобках через точку с запятой. При использовании литературы на русском и иностранных языках сначала указываются русскоязычные источники, а затем иноязычные с одной сплошной нумерацией.

В так называемом подстрочнике могут помещаться авторские примечания (комментарии, разъяснения, оценки, сравнения и т.д.) в виде имеющих сплошную нумерацию сносок. Если в такого рода сносках упоминаются письменные источники, они оформляются точно так же, как и в тексте (номер и страницы в скобках). В подстрочнике помещаются также ссылки на архивные документы с общей нумерацией с примечаниями.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Источники из Интернета помещаются в списке литературы, если известны автор и / или название источника; «глухие» ссылки на Интернет даются в подстрочнике наряду с примечаниями и с общей нумерацией.

Опубликованные источники описываются следующим образом: фамилия автора, инициалы, название публикации, место и год публикации, общее количество страниц (для изданий книжного типа) или те страницы, на которых помещена публикация (для статей в журналах и сборниках). Примеры: 1) Иванов И.И. Проблемы науки. – М., 2010. – 250 с.; 2) Петров П.П. К вопросу о... // Россия и современный мир. – М., 2011. – № 4. – С. 5–25; 3) Сидоров С.С. Еще раз о... // Сборник статей... / Отв. ред. Иванов И.И. – М., 2012. – С. 7–27.

***Рекомендуем всем авторам ознакомиться с правилами оформления
научного аппарата, взяв в руки последние номера нашего журнала!***

**ЗА ПУБЛИКАЦИЮ МАТЕРИАЛОВ ПЛАТА НЕ ВЗИМАЕТСЯ.
ГОНОРАРЫ НЕ ВЫПЛАЧИВАЮТСЯ**

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел./Факс (499) 120–4514
E-mail: inion@bk.ru

Россия и современный мир № 1–2014 (82)

Художественный редактор Т. П. Солдато ва

Верстка Н. М. Власова

Корректор

О. П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99
от 23.08.1999г.

Подписано к печати 28.02.2014 г.

Формат 70х100/16

Бум. офсетная № 1

Печать офсетная

Цена свободная

Усл. печ. л. 21,5 Уч.-изд. л. 16,0

Тираж 900 экз. Заказ № 264

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

042(02)9